

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM



31000037328500

ВОИНА И МИФ

МИХАИЛ ЗЫГАРЬ

автор бестселлера «Вся кремлёвская рать»

Расширенное и дополненное издание



Михаил Зыгарь – писатель, журналист.

В «нулевые» работал военным корреспондентом газеты «Коммерсант», освещал конфликты в Ираке, Ливане, Судане, Палестине, Узбекистане и других горячих точках. Был первым главным редактором телеканала «Дождь», которым руководил с 2010 до 2015 года. Создал просветительский проект «1917. Свободная история» – полную коллекцию дневников, писем и документов 1917 года.



МИХАИЛ ЗЫГАРЬ

ВОЙНА И МИФ

Расширенное и дополненное издание

Издательство АСТ

Москва



УДК 341.32
ББК 66.43 396
З-96

Зыгарь, Михаил

З-96 Война и миф. Расширенное и дополненное издание /
М.В. Зыгарь. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.
ISBN 978-5-17-102351-5

Это расширенное и дополненное издание книги о войнах, революциях и переворотах, о страшном и смешном, о жизни и смерти. Но прежде всего эта книга о людях, которые оказываются вольными или невольными свидетелями и участниками кризисных и часто судьбоносных событий. Одним из таких свидетелей несколько лет подряд оказывался журналист Михаил Зыгарь. Он проник в узбекский город Андижан сразу после подавления произошедшего там мятежа. Побывал в Ираке и познакомился с жертвами идущей там войны. Но главное, куда бы ни попадал репортер Зыгарь, он всякий раз обнаруживал, что войны и революции – вовсе не то, чем они кажутся. А жизнь и смерть отдалены друг от друга всего на шаг или того меньше, как, впрочем, и ужасное – от смешного, мир – от кризиса, а реальность – от мифа.

УДК 341.32
ББК 66.43 396

© Михаил Зыгарь, текст, 2018
© Кирилл Ильющенко, дизайн, верстка, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018
ISBN 978-5-17-102351-5



В начале 2007 года я собрал свои военные репортажи в книгу. Она называлась «Война и миф». В тот момент у меня было много иллюзий. Впрочем, когда смотришь в прошлое из сегодняшнего дня, всегда кажется, что у людей было много иллюзий и неверных прогнозов.

Самым удивительным временем мне кажется первая половина 1990-х, когда взрослые люди по всему миру всерьез верили, что войны закончились. Фукуяма писал про конец истории, журналисты горевали, что им больше не о чем писать, сотрудники ЦРУ, ФБР и Пентагона переживали, что им сократят бюджеты (у их российских коллег никаких бюджетов уже не было). Казалось, что цинизм повержен, а ценности, права человека – победили. Что советская система, основанная на двойной морали, ушла в прошлое, а классический европейский идеализм взял верх.

Нулевые были странным десятилетием. Можно сказать – потерянными. Они показали, что демократия не передается воздушно-капельным путем, свободу нельзя имплантировать, цинизм более живуч, чем ценности.

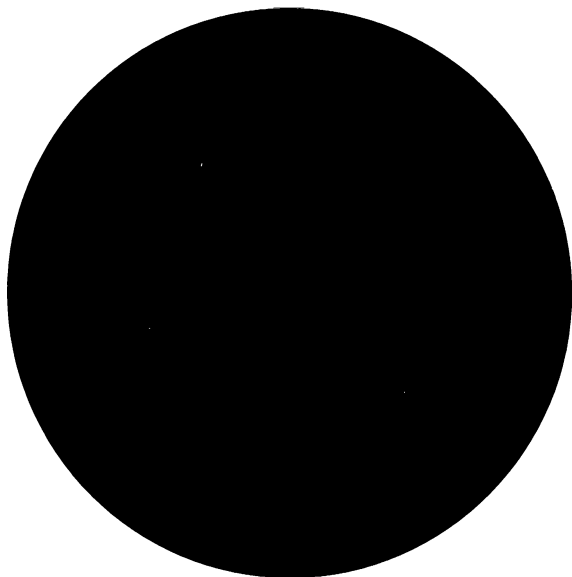
Вся моя активная репортерская деятельность пришлось на нулевые – годы, полные трагедий, которые теперь, по прошествии времени, кажутся не такими уж серьезными и крупными. Потому что нулевые закончились – и пришло новое десятилетие, декада-перевертыш, антидевяностые, время отрицания ценностей. В нулевые ради свободы так много убивали, демократией так много спекулировали, что теперь они сильно девальвированы. Все стало мифом.

В Европе к власти то и дело приходят циничные популисты, а после победы Трампа в США ничто уже не кажется невозможным. Либеральные ценности и демократия не смогли пока решить многих важных проблем: разрыв между доходами супербогатых и среднего класса растет, а доходы последнего последние пятнадцать лет падают. Войны тоже, мягко говоря, не закончились: согласно Глобальному индексу миролюбия, в 2015 году число погибших в вооруженных конфликтах достигло максимума за последние четверть века, а беженцев сегодня столько же, сколько было во времена Второй мировой.

Профессия военного корреспондента сейчас снова востребована – войн все больше и они все ближе. Профессия военного корреспондента стала еще больше никому не нужна – потому что, чем больше войн, тем больше публике плевать на них, тем меньше хочется читать про чужие страдания.

Но спустя десять лет эта книга показывает, как мы здесь очутились. Как и почему возникло Исламское государство, на что обречена Центральная Азия, как ближневосточный конфликт зашел в тупик, из которого не выберется уже никогда. Это краткое содержание предыдущих серий того триллера, который идет сейчас в новостях.

I АЛЬ-КАИДА.



«АЛЬ-КАИДА». ПО СЛЕДАМ ДЬЯВОЛА

Мне очень повезло с Осамой бен Ладеном. Я начал пристально следить за этим персонажем еще задолго до терактов 11 сентября 2001 года. Тогда я считал, что он на самом деле является арабским террористом.

Для сбора информации о нем, а также о настоящих мусульманских экстремистах мне понадобился год обучения в Каирском университете. «Осама бен Ладен? Кто это? — спрашивали у меня в Каире еще в 2000-м бородатые «братья». — Ах да, тот парень, который все время дает интервью CNN?» На самом деле бен Ладен общался с CNN лишь однажды — и то в середине 1990-х. Но это уже детали.

В 2002-м таких вопросов уже никто не задавал. Более того, многие мои собеседники-арабы клялись, что знают о бен Ладене уже с десятков лет. Они, конечно, ввали.

*Это долгое расследование научило меня при-
сматриваться к любым деталям. Во-первых,
потому что именно в них кроется дьявол.*

*Даже больше — если хорошо взглядываться, то
можно обнаружить, что никакого дьявола нет.*

● Создатель «Аль-Каиды»

Все знают, что Осама бен Ладен был сыном саудовского строительного магната. Семейная компания Binladin Group строила и шоссе из Мекки в Медину, и кольцевую автодорогу в Эр-Рияде, и еще несколько десятков стратегических объектов. С деятельностью компании Binladin мне приходилось сталкиваться в Дубае, в Бейруте, в Дохе — да едва ли не в каждой арабской столице, где что-то активно строят. Правда, из-за популярности, обрушившейся на их брата, бен Ладены были вынуждены в начале нулевых произвести ребрендинг. Теперь они называются SBG — Saudi Binladin Group.

Однако вопреки всеобщему убеждению, Осама бен Ладен вовсе не был миллиардером. Ему почти ничего не досталось от семейного богатства. Мало того, что он был 17-м из 54 сыновей Мохаммеда бен Авада бен Ладена, отец развелся с матерью Осамы и она вскоре вышла замуж повторно. В своей автобиогра-

фии сын Осама Омар бен Ладен вспоминал рассказ отца о том, как, будучи подростком, он мечтал об автомобиле. Но отчим отправил его к биологическому отцу, а отец-миллиардер, будто издеваясь, подарил велосипед.

У Осама не было возможности пробиться в руководство семейным бизнесом, однако так вышло, что он начал курировать афганский филиал Binladin Group. Еще в университете Осама попал в кружок Абдаллы Аззама — известного теолога, который первым начал призывать арабов отправляться добровольцами в Афганистан воевать против Советов. По его рекомендации на экскурсию в Пешавар поехал и Осама. Война произвела на него глубокое впечатление, а главное, он понял, что это его шанс заняться делом, к которому братья не подпустили бы его на родине.

Дома в Эр-Рияде Осама начал уговаривать братьев инвестировать в джихад, а заодно стать главными подрядчиками моджахедов. Работы в Афганистане много, денег тоже — ведь сопротивление Советам поддерживали не только арабы, но и американцы. Поначалу Осама приезжал в Пешавар один-два раза в месяц, но в 1982 году перебрался в Афганистан насовсем. Именно Осама придумал, как наладить механизм снабжения моджахедов свежими силами из арабских стран. А для лучшей отчетности, которая нужна была как арабским жертвователям, так и американским кураторам моджахедов, он завел картотеку, куда заносил данные о всех проходивших через него моджахедов.

Так у бен Ладена сложилась огромная база данных об участниках советско-афганской войны. Именно этот свод документов и получил название «Аль-Каида» («База»).

● ДИССИДЕНТ

В Афганистане бен Ладен познакомился с Айманом Завахири, лидером египетского «Исламского джихада», отсидевшим срок за подготовку убийства президента Анвара Садата. Завахири был еще более радикальным теологом, чем наставник бен Ладена Абдалла Аззам. Понимая, как выгоден союзник в лице бен Ладена, Завахири и его сторонники отказались признавать Аззама имамом и молиться рядом с ним. Зато выразили полную лояльность Осаме. Тот не имел религиозного образования и сам не стал бы оспаривать авторитет учителя, но все же поддался и поддержал Завахири.

Когда Михаил Горбачев объявил о выводе советских войск из Афганистана, бен Ладен и моджахеды ликовали, но с этого момента все его подопечные оставались не у дел. Им предстояло возвращаться по домам, где их особо не ждали. Престарелые монархи и президенты арабских стран, которые были готовы отправлять молодых пассионариев в Афганистан, не были готовы принимать их обратно — они стали бы

фактором дестабилизации. Зато стали поощрять их на новые подвиги: в Кашмире, Боснии, Чечне, на Филиппинах. Так люди из картотеки бен Ладена стали расползаться по всему миру.

Осама в отличие от товарищей легко вернулся на родину. Но тоже ненадолго. В 1990 году Саддам Хусейн вторгся в Кувейт. Любому жителю Саудовской Аравии было очевидно, что истинной целью Саддама был не микроскопический эмират.

В 2003 году, когда я был в предвоенном Ираке, отставные саддамовские офицеры с удовольствием рассуждали о том, что за пару дней прошли бы всю Саудовскую Аравию. Это было ясно всем, уверяли меня они.

Знал об этом и Осама бен Ладен. Более того, он добился аудиенции у короля Фахда и предложил ему план обороны страны. Осама предлагал поставить под ружье вчерашних моджахедов-добровольцев и дать отпор Саддаму их силами. Король отказался, понимая, что, победив Саддама, моджахеды в следующую минуту свергнут его. Вместо этого он пригласил в страну американских военных, а Осаму посадил под домашний арест. Только в 1991-м родственники помогли бен Ладену уехать за границу.

После краткой поездки в Афганистан бен Ладен обосновался в Судане. В теперешнем Хартуме вспоминать о пятилетнем пребывании здесь бен Ладена не любят. И не только потому, что бен Ладен — террорист.

Нынешний суданский президент Омар аль-Башир и вовсе в розыске международного уголовного суда. Дело в том, что бен Ладена здесь встречали, когда режим был несколько иным. Башир был на вторых ролях, а роль духовного и национального лидера выполнял Хасан Тураби — идеолог суданских исламистов. Именно он пригласил бен Ладена в Хартум в расчете на саудовские инвестиции. Они и правда потекли. Но потом президент Башир решил выйти из тени, оттеснил своего бывшего наставника, а потом и вовсе посадил его в тюрьму. Останься исламист Тураби у власти, он не сдал бы бен Ладена. Но более прагматичный Башир выгнал его по первому же требованию саудовцев.

Дело в том, что в Саудовской Аравии начались теракты против американских военных. Сидящий в Хартуме «диссидент» бен Ладен все годы изгнания твердил, что король Фахд продал душу дьяволу, пустив американцев на землю Мекки и Медины. Терпеть такое саудовцы больше не могли — заблудшего отпрыска семьи бен Ладенов лишили гражданства, а заодно и выдворили из Судана.

В Хартуме я обнаружил множество зданий, построенных бен Ладеном. Одно из них — знаменитая фармацевтическая фабрика «Шифа». В 1998 году она стала мишенью для американского авиаудара — администрация Клинтона заподозрила, что там производилось химическое оружие. Сейчас руины фаб-

рики бережно сохраняются: туда возят иностранных журналистов, чтобы продемонстрировать, что американцы разбомбили склад с лекарствами. Доказательством служат тысячи рассыпанных по земле пустых флакончиков. Другие «бенладеновские места» в защищенный местными спецслужбами маршрут перемещения по городу не входят. В ответ на просьбу показать бывшее жилище Осамы министерство информации Судана добавило мне еще одного сопровождающего.

● Террорист-суперзвезда

Покинув Судан в 1996 году, бен Ладен переместился в Афганистан. После этого он окончательно обосновался между Афганистаном и Пакистаном — если, конечно, все известные факты его биографии — правда. Но именно в следующую пятилетку известных фактов очень много: Осам начал публичную жизнь. Он начал заниматься тем, чего ему не позволяли в Судане, — общаться с прессой. Сначала он рассылал воззвания к западным правительствам с требованием вывести свои войска из Залива. Никто не обращал внимания на его факсы. Тогда он стал работать точно.

Сначала он выписал себе в Афганистан единственного знакомого ему западного журналиста — Роберта Фиска из британской Independent, которого он встречал в Судане. Позже он войдет во вкус и будет специ-

ально приглашать к себе в афганские пещеры съемочные группы CNN и ABC. Он снимет несколько роликов. По воспоминаниям его сына Омара, участникам массовок приходилось платить, кроме того, требовалось, чтобы они приходили со своим оружием: бен Ладену хотелось показать, что у него мощная поддержка.

Автором первых воззваний бен Ладена был Айман Завахири, с которым они вновь встретились. Завахири был одержим идеей исламской революции во всем арабском мире и к 1996 году осознал, что она невозможна без войны против Запада, так как именно Запад оказывает губительное влияние на арабский мир.

Именно интервью с Джоном Миллером из ABC сделало из бен Ладена звезду. Еще в феврале 1998 года его спичрайтеру Завахири удалось найти нужные слова: «каждый мусульманин обязан убивать американцев и евреев, где бы они ни находились». В апреле 1998 года эти слова прозвучали в эфире общенационального американского телеканала. Американцы содрогнулись — на экране материализовался классической персонаж американского фильма ужасов, этакий доктор Зло, который, сидя в своей пещере, хочет уничтожить мир. Только теперь это по-настоящему, уверяли телевизионщики.

Два месяца спустя в американских посольствах в Кении и в Танзании одновременно прогремели два

взрыва. Погибло около двухсот человек. Кто стоял за организацией терактов, было уже даже не важно. Бен Ладен сам заранее во всем признался. Надо сказать, что свою причастность к организации терактов Осам отрицал, зато активно восхвалял их организаторов. Впредь он так будет поступать всегда, и после 11 сентября в том числе.

Политическая реакция на взрывы в посольствах была очень скорой. Билл Клинтон переживал ад очередного сексуального скандала, поэтому внешний враг был ему как нельзя кстати. Более того, этот враг был очень удобен, ведь травлей Клинтона занималось религиозное крыло Республиканской партии. Религиозные фанатики с другого фланга были их естественными противниками — и они проглотили наживку.

До каких-либо следственных действий и без предъявления каких-либо доказательств США нанесли удар по упомянутой уже фабрике в Судане, а потом по некоему пустому лагерю в Афганистане. Ни там, ни там бен Ладена не оказалось. Но сам факт возмездия легитимизировал его статус как официального противника целого государства.

Вскоре в суде Манхэттена начались слушания по делу исполнителей терактов. Однако помимо исполнителей ФБР решило привлечь и Осаму бен Ладена — как вдохновителя. Это возможно, если применить к террористам «мафиозные» законы 1930-х годов, то есть доказать существование террористической мафии,

руководителем которой является бен Ладен. Суд счел этот факт доказанным, основываясь на показаниях одного свидетеля, бывшего «арабского афганца» Джамала аль-Фадля. С тех пор факт существования мощной террористической организации с Осамой бен Ладеном во главе уже не требовал доказательств. На самом же деле никакой организации у бен Ладена не было вовсе.

● Модный тренд

События 11 сентября создали такое количество мифов, что для одного их перечисления не хватит целого журнала. Взять хотя бы уверения многих арабских СМИ, что смертники, угнавшие самолеты, вовсе не погибли в тот день. Якобы настоящими камикадзе были люди, похитившие их паспорта, а те, кого считают террористами, живы до сих пор.

Другой, более очевидный миф рождался на глазах у всего мира, в прямом эфире CNN. Еще до того, как башни-близнецы рухнули, один из комментаторов произнес заветные слова: «очевидно, что ответственность за это преступление несет «Аль-Каида» и Осам бен Ладен». К концу дня это оформилось в общепринятую версию.

Месяц спустя началась война против «Аль-Каиды», окопавшейся в Афганистане. В эфире американских

телеканалов министр обороны Дональд Рамсфельд показывал хитроумные схемы подземного бункера Осамы бен Ладена в горах Тора-Бора: на картинках в них было и электричество, и система вентиляции, и даже Интернет. Многомесячные бои в Тора-Бора продемонстрировали, что никакого бункера в горах нет и никогда не было.

Однако отсутствие подземного бункера и бен Ладена в нем вовсе не убедило американскую администрацию в том, что всемирной террористической сети со штабом в Тора-Бора нет. Наоборот, Рамсфельд объявил, что «Аль-Каида» еще более хитроумна, чем о ней думали раньше.

Аналогичный случай уже был в американской истории. В 1970-е годы ЦРУ утверждало, что советская армия находится в крайне плачевном состоянии. Но группа американских неоконсерваторов, в том числе тогдашний министр обороны Дональд Рамсфельд, убедила администрацию Форда сформировать независимую комиссию, которая пришла к выводу, что отсутствие доказательств наличия у СССР сверхопасного оружия вовсе не значит, что его нет — просто это оружие настолько совершенно, что американские системы слежения не могут его засечь.

● Вечный миф

«Аль-Каида» — слово, которым на внутреннем жаргоне ЦРУ называли бывших «арабских афганцев», исповедующих идеологию радикального джихада, — обрело

новую жизнь. Ячейки «Аль-Каиды» стали обнаруживаться по всему миру. ФБР находило их в США (позже почти всех обвиняемых оправдали в суде). Власти любой страны мира, где случались теракты, спешили заявить о следе «Аль-Каиды».

Классическим стал теракт на острове Бали в 2002 году. С самого начала следствию было очевидно, что его организовали два фанатика-одиночки, наслушавшись лекций местного исламиста-проповедника. Теракт был совершенно непродуман: исполнители твердили, что собирались убить американцев и не знали, что большинство его жертв — австралийцы. Однако власти Индонезии очень старались представить происшедшее как звено одной цепи с событиями 11 сентября. Поэтому прямо в ходе следствия была изобретена террористическая группировка «Джамаа Исламия» («исламская группа»). Проповедник-радикал был объявлен ее лидером и отдан под суд. Все участники процесса твердили, что о подобной организации никогда не слышали — но мировая мода диктовала иное.

Сам Осама бен Ладен вел себя еще более любопытно, чем прежде. Во-первых, только после 11 сентября 2001 года он впервые употребил слово «Аль-Каида» в своих обращениях. Во-вторых, вплоть до 2007 года в своих посланиях он никогда не брал на себя ответственность за какие-либо теракты, а только хвалил их исполнителей и угрожал новыми.

Лишь в видеопослании 2007 года он назвал себя вдохновителем событий 11 сентября. Наконец, несмотря на кажущееся обилие этих посланий (обычно информативности приводят цифру 60 после 2001 года), на самом деле их было только четыре. В остальных случаях появлялись или аудиозаписи, или от имени бен Ладена выступал Айман Завахири. Два видеообращения датированы 2001 годом, еще одно 2004-м, наконец, последнее — 2007-м. Арабские конспирологи в один голос указывали на то, что бен Ладен почему-то не стареет — а известно, что у него были серьезные проблемы с почками и несколько лет он провел на гемодиализе. Впрочем, в арабском мире теории заговора еще более популярны, чем в России.

В последние годы американские власти неоднократно объявляли, что Осама бен Ладен перестал быть террористом номер один в мире. Сначала его потеснил Абу Мусаб Заркауи, которого называли лидером «Аль-Каиды» в Ираке. Тот персонаж в итоге все же был объявлен мертвым, однако прежде он запомнился тем, что четырежды воскресал, а также дважды терял ногу и потом приобретал ее назад (согласно ориентировкам Пентагона).

Другим преемником бен Ладена называли американца йеменского происхождения Анвара Авлаки. Выяснилось, что его исламистские проповеди посещали не только трое угонщиков самолетов 11 сентября, но и Нидааль Малик Хасан, человек, открывший стрельбу

на военной базе «Форт-Худ» в 2010 году. Впрочем, Авлаки, очевидно, уже несколько лет находится в Йемене — его следы потерялись, о новых злодеяниях не слышно, о поимке мечтать рано.

В этом смысле Осама бен Ладен для нынешней американской администрации оказался наиболее предпочтительной мишенью. Во-первых, Обама еще до выборов объявил своей главной целью Афганистан. Победить в этой войне было невозможно, но можно было найти ход, который удовлетворит население. Во-вторых, с начала своей предвыборной кампании Барак Обама приходилось выслушивать каламбуры на тему «Обама равно Осама». Наконец, как и Клинтон за девять лет до этого, Обама подвергался травле со стороны религиозных республиканцев и неоконсерваторов. Эпопея с его свидетельством о рождении и пустой графой «религия» в нем стала апогеем этой травли. Чтобы прекратить кампанию, Обама нужно было сыграть на поле неоконсерваторов. Например, продемонстрировать, что он верит в созданный ими миф. Провергать это они бы уже не решились.

Либералы быстро начали критиковать Обаму за то, что бен Ладена не попытались схватить и предать суду, а хладнокровно убили. Но его настоящие враги-республиканцы никогда не упрекнут администрацию в этом. Несколько лет назад я разговаривал с видным неоконсерватором, бывшим директором ЦРУ Джейм-

сом Вулси. Он тогда размышлял вслух: «Предположим, ЦРУ знает, где находится бен Ладен. И что с ним делать дальше? Судить? Как? Отдать международному уголовному суду?» Все эти перспективы казались Вулси откровенно смешными. По его мысли, суда над бен Ладеном не могло произойти никогда, но только потому, что у администрации США (в тот момент еще бушевающей) были более важные дела. А именно — борьба с мировым злом, коим, по мнению Вулси, являлся Иран.

Вулси умолчал о том, что против бен Ладена нет вообще никаких улик, кроме его разговоров. Но у администрации Обамы были, очевидно, более важные дела, чем суд на Осамой. Например, лихорадка восстаний в арабском мире.

Началась арабская весна. Арабские революции против собственных режимов и против Запада одновременно — показали, что бен Ладен устарел. Он был символом безнадежности, а у арабов появилась надежда.

В мае 2011 года он был триумфально уничтожен в пакистанском городе Абботабаде. Американские аналитики, бесспорно, понимали, что бен Ладен вовсе не влиятельная фигура, за ним нет никакой мощной организации, поэтому ее мести не последует. С другой стороны, любой всплеск мог быть интерпретирован как ответ, но он случился бы в любом случае, как при Осаме, так и без него.

Осама бен Ладен не мог бы стать лидером никакой революции. Ну и пусть — будучи мифом, он принес уже столько дивидендов обеим сторонам, что, в конце концов, для этого мифа все равно, жив ли бен Ладен, мертв ли, и существовал ли он на самом деле. Образ всемирного пугала оказался очень востребован, и террористу номер один не пришлось совершать ни одного теракта. Слава упала на него с неба, как потом и смерть.

Следующее всемирное пугало — ИГИЛ — появилось на свет только через три года после исчезновения предыдущего.

РЕЛИГИЯ В ЗАЛОЖНИКАХ

Вернувшись из Каира, я почти сразу оказался военным корреспондентом газеты «Коммерсантъ». Официально это так никогда не называлось — но было само собой разумеющимся. Ведь я говорил по-арабски, а все войны в нулевые так или иначе были связаны с арабским миром и радикальным исламом. Так мне пришлось начать исследование того, каким образом сам ислам — мировая религия с 1,5 млрд последователей — оказалась в заложниках, и никто этого не заметил.

● Подготовка захвата

Уже много десятилетий редкое сообщение о взрыве, захвате заложников или другом теракте обходится без словосочетания «исламский терроризм». Однако мало кто помнит, что теракты под религиозными лозунгами

стали происходить совсем недавно — в 80-е годы. До этого у террористов лозунги были другие, в основном социалистические, а исламское духовенство к террористическим организациям относилось однозначно отрицательно.

Поворотным моментом можно считать гражданскую войну в Ливане. 18 апреля 1983 года к воротам американского посольства в Бейруте подъехал грузовик, начиненный взрывчаткой. Машина, за рулем которой находился камикадзе из шиитской организации «Хезболлах», врезалась в здание посольства. Жертвами взрыва стали более ста человек. Однако даже духовный лидер организации Мухаммад Хусейн Фадлалла не стал открыто поддерживать террористов, а, напротив, заявил о своих сомнениях. Ведь никогда прежде в исламе не подвергалось сомнению то, что только Бог может решить, когда прервать жизнь человека, поэтому самоубийство — грех. Тем более только Бог на Страшном суде определит, кто умер как мученик («шахид»), а кто нет.

Однако в 1989 году опытом соседей заинтересовались в Палестине: активисты организации «Исламский джихад» опубликовали фетву (религиозный декрет), оправдывающую действия камикадзе. В фетве говорилось, что смерть камикадзе является не самоубийством, запрещенным по шариату, а самопожертвованием во имя веры (по-арабски «истишхад»), а значит, террористы являются мучениками,

которым гарантировано место в раю. Однако по исламским нормам подобные фетвы могут издавать лишь видные ученые-теологи (улемы). Тот документ ни одним из видных религиозных авторитетов подписан не был, поэтому не имел никакой силы. Тем не менее некоторые муллы, близкие к экстремистским группировкам, восприняли фетву одобрительно. С этого момента начался внутриисламский конфликт между умеренными и радикалами.

● **Захват**

Еще во время афганско-советской войны теологический термин «джихад» стал известен всему миру. Афганская война воспринималась как война мусульман против неверных. А в апреле 1993 года, когда палестинец из движения «Хамас» взорвал себя вместе с несколькими израильтянами, понятие «джихад» обрело новый смысл: оно стало одним из синонимов слова «терроризм».

На волне террористического джихада появились новые авторитеты: духовный лидер «Хамаса» шейх Ахмед Ясин, идеолог «Хезболлы» шейх Хасан Насралла, и будущий самый популярный исламский теолог в мире, телеведущий с «Аль-Джазиры» шейх Юсуф аль-Кардауи. Именно Кардауи обосновал утверждение, что теракты камикадзе — высшая форма джихада во

имя Аллаха и что этот тип терроризма разрешен шариатом. В доказательство он приводил суру из Корана, советующую «распространять страх среди своих врагов и врагов Аллаха». Даже гибель мирных жителей в результате взрывов в Палестине, говорил Кардауи, вполне оправданна, потому что «израильское общество — милитаристское по своей натуре, и мужчины и женщины служат в армии и могут быть призваны в любой момент. Если в ходе операции убит ребенок или старик, то это результат военной необходимости».

Нет ничего удивительного в том, что эти идеи радикалов вскоре завладели массами. Во всех арабских странах в то время, как и сейчас, существовали авторитарные режимы. Оппозиция не имела никакой возможности выразить свое несогласие с действием властей — и парламенты, и политические партии, и религиозные лидеры были карманными и полностью подчинялись властям. Сложившуюся систему нарушили радикальные исламисты — они стали критиковать правительства своих стран за пассивную внешнюю политику, за подчинение Америке, предательство братского палестинского народа... А сами предлагали перейти к решительным действиям — к джихаду. Именно за ними и устремилась фрондирующая арабская молодежь.

Поначалу признанные духовные авторитеты не одобряли фундаментализма, но и не осуждали его.

Но довольно скоро безмолвие элиты упрочило позиции радикалов среднего звена. И, опасаясь утраты авторитета, исламские иерархи попытались не отстать от моды. Руководитель главного теологического центра в суннитском исламе — каирского университета Аль-Азхар — великий имам Мохаммед Сейед Тантауи, будучи решительным противником «Братьев-мусульман», начал повторять тезисы их лидера: «Право каждого мусульманина, палестинца и араба — взорвать себя в самом сердце Израиля. Все религиозные законы требуют от нас использования силы, а операции террористов-смертников — это законная самооборона, которая не знает жалости ни к старикам, ни к детям». Эти слова были произнесены 4 августа 1998 года. Через несколько дней ситуация резко изменилась.

● Переговоры

7 августа 1998 года возле американских посольств в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания) прогремели два взрыва. Они унесли жизни около двухсот человек и стали первыми масштабными «актами джихада», направленными не против Израиля. Через исламский мир прошла трещина. Умеренные решили, что дело зашло слишком далеко, радикалы были воодушевлены победой.

Великий имам Тантауи заявил, что «любой взрыв, который приводит к смерти невинных женщин и детей,— преступление, которое могут осуществить только трусы и предатели, поскольку рациональный человек, в котором есть хоть что-то человеческое, воздержится от подобных поступков». Примеру ведущего суннитского авторитета последовали и другие умеренные религиозные деятели.

Тем временем радикалы-оппозиционеры с воодушевлением восприняли идею распространения джихада на Америку. Живущий в Афганистане саудовский делец с темным прошлым Осам бен Ладен, не имея никакого религиозного образования, выпустил фетвы, призывающие убивать американцев. Фетвы не имели бы никакой силы, если бы вокруг него не сплотились афганские теологи-улемы, ставящие свои подписи на всех его воззваниях.

Популярность бен Ладена значительно возросла, когда США обвинили его в организации взрывов в Кении и Танзании. Молодые арабы, уставшие от пассивности своих властей и религиозных лидеров, решили, что он первый, кто перешел от слов к делу. С тех пор радикалы обрели знамя. И через некоторое время под этим знаменем пошли против умеренных.

● Попытка штурма

15 марта 2001 года начался новый этап во внутри-исламском конфликте. В этот день чеченские террористы Супьян Арсаев, Идрис Арсаев, Дени Магомедзаев угнали самолет Ту-154, летевший из Стамбула в Москву. По их требованию самолет сел в Джидде в Саудовской Аравии. Саудовский спецназ вскоре освободил заложников; в ходе операции погибли трое — один из террористов, пассажир-турок и стюардесса-россиянка.

За несколько месяцев до этого в Саудовской Аравии сменился верховный муфтий: умер имевший репутацию фундаменталиста шейх бен Баз, а на его место был назначен шейх Абдельазиз бен Абдалла аль Шейх. На захват Ту-154 он отреагировал довольно резко: убийства немусульман, операции террористов-камикадзе и захваты самолетов запрещены законами шариата. «Джихад во имя Бога — это одно из лучших деяний в исламе, — обосновывал свою точку зрения муфтий, — но убийство самого себя в окружении врагов вряд ли считается джихадом. Это просто самоубийство».

Эти слова вызвали в исламском мире смятение. Ведь муфтий не просто осудил терроризм с гуманистической точки зрения — это делали и до него. Он зашел с другой стороны, заявив, что шахиды, умирающие во имя Аллаха, — никакие не герои, а величайшие грешники и попадут не в рай, а в ад.

Разгорелась шумная дискуссия, причем на муфтия богатейшей исламской страны ополчились почти

все его коллеги, в первую очередь шумные радикалы. Шейх аль-Кардави, который к этому моменту уже стал популярным телеведущим, разъяснял, что акции камикадзе не имеют ничего общего с самоубийством, поскольку самоубийцы сводят счеты с жизнью от отчаяния и делают это ради себя, а мученики-шахиды умирают с верой и гибнут во имя Аллаха, своей религии и нации.

Умеренные теологи, испугавшись оказаться в изоляции, подобно саудовскому муфтию заняли промежуточную позицию. Имам Тантауи заявил: «Молодые палестинцы, взрывающие себя среди враждебных им людей, считаются мучениками (шахидами). С другой стороны, если они взрывают себя рядом с детьми, женщинами и стариками, они не считаются мучениками». Однако желание не обострять отношения ни с кем обернулось против шейха Тантауи: в его вотчине, университете Аль-Азхар, против имама восстали улемы-радикалы. Внутренний мятеж был быстро подавлен при помощи светских властей — лидера улемов посадили в тюрьму за оскорбление великого имама, но по авторитету главного теолога суннитского ислама был нанесен чувствительный удар.

● Провал штурма

Атака на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 года заставила стороны ненадолго приостановить дискуссию. Лишь немногие духовные авторитеты распространили через Интернет свои фетвы, объявляющие теракт 11 сентября богоугодным и соответствующим шариату. Большая часть религиозных деятелей выступила с осуждением терактов. Даже те, кто раньше оправдывал палестинских камикадзе, стали объяснять, что между взрывами в Израиле и Америке существует огромная разница: в Израиле убивают агрессоров и оккупантов, а в Америке погибли мирные граждане. «Во всем нужна умеренность», — говорил муфтий Абдельазиз аль Шейх.

В начале 2002 года в Александрии собрался конгресс мусульманских теологов, который возглавил великий имам Аль-Азхара Мухаммед Сейед Тантауи. Участники собрания выпустили совместную фетву, в которой говорилось, что «убийство невинных, совершаемое во имя господа, — это кощунство и святотатство по отношению к его святому имени, принижающее высокую религиозную идею».

Но умиротворения не вышло. Последовавшие за терактами 11 сентября события — война в Афганистане и события в Палестине — не давали никакого повода для умеренности. Как потом заявил муфтий Египта Ахмед ат-Тейеб, «все мусульмане, весь арабский мир осудил теракт 11 сентября. Ислам запрещает подобные напа-

дения на мирных граждан. Но с тех пор наши чувства изменились, поскольку американское правительство использовало это событие как предлог для убийств и разрушений повсюду в исламском мире».

Стокгольмский синдром

В апреле 2002 года израильская армия начала на Западном берегу реки Иордан антитеррористическую операцию «Защитная стена». Ее целью премьер Ариэль Шарон объявил уничтожение инфраструктуры террора. Палестинская автономия была де-факто упразднена — израильские танки вошли во все города на Западном берегу. Началась осада резиденции Ясира Арафата в Рамалле, а он сам объявил, что умрет как шахид. В арабском мире начались невиданные прежде волнения. Толпы ждали от властей решительных действий, но арабские режимы решили просто отсидеться и переждать бурю. Обвинение в предательстве пало и на близких к властям умеренных клерикалов.

Аль-Азхар уже открыто вышел из подчинения — на территории университета проходили колоссальные демонстрации, участники которых записывались в добровольцы, чтобы ехать в Палестину и становиться там шахидами. А приветствовал толпы

демонстрантов уже не шейх Тантауи — пламенную речь по телефону произносил находящийся в Палестине престарелый лидер «Хамаса» шейх Ахмед Ясин.

И тогда главный теолог исламского мира шейх Тантауи, еще недавно осуждавший теракты, заявил, что «любой взорвавший себя среди агрессоров, разрушающих дома и убивающих женщин и детей наших братьев-палестинцев, достоин высочайших почестей. Такие герои — святые». Через месяц великий имам Аль-Азхара издал две новые фетвы: одна запрещала мусульманам покупать товары американского или израильского производства, а другая объявляла, что «акт самопожертвования против любого израильтянина, включая женщин, детей и стариков, является легитимным с точки зрения шариата, пока палестинцы не вернули свои земли и не прогнали израильских агрессоров».

Так голоса умеренных окончательно стихли — они утратили популярность и эффективность. Экстремисты-радикалы, подменив теологические постулаты политическими, запугав своих противников и подкупив сторонников, стали диктовать свои условия одной из мировых религий. За несколько лет террористам удалось взять в заложники весь исламский мир.

Следующей ожидаемой ступенью стало получение исламскими радикалами политической власти. И это казалось реальностью — когда началась арабская весна.

АРАБСКАЯ ОТТЕПЕЛЬ

В нулевые, когда я работал на Ближнем Востоке, все вокруг утверждали: арабы не восстанут никогда. Когда нулевые закончились, они все-таки восстали. Все кругом говорили о чудодейственной роли «Твиттера» и «Фейсбука». Я даже видел экспертов, которые считали, что «Твиттер» и «Фейсбук» — это такие подпольные организации, что-то вроде масонских лож, придуманных американцами для расшатывания устоев миропорядка.

Но есть вещь посильнее «Твиттера», без которой «цветные революции» в арабских странах были бы невозможны. Например, психология. Так случилось, что в начале 2011 года среднестатистический араб пережил такой психологический кризис, что терпеть дальше уже не мог.

Но обо всем по порядку. Нынешняя арабская революция — это революция людей, которым давно уже

нечем гордиться. Давно уже нечему радоваться. А люди в таком состоянии страшны.

Среднестатистический араб фрустрирован во всех отношениях. Возьмем Египет. Египет — это страна бавабов. Баваб — это такая национальная арабская профессия. В переводе с египетского арабского баваб — это привратник, вахтер. То есть человек целыми днями сидит возле какой-то двери и смотрит на тех, кто входит, и тех, кто выходит. Все, кто был в Египте, наверняка вспомнят, что в этой стране возле каждого ворот сидит по пять-десять таких сторожей. Это способ бороться с безработицей: нанимать людей на работу, которая никому не нужна, не имеет никакого смысла и не приносит никаких денег. Египтян 80 млн, и одному богу известно, сколько миллионов из них работает бавабами. Бавабы, может быть, никогда бы не восстали, но беда в том, что подросло новое поколение — дети бавабов. У них мало шансов занять даже бавабскую позицию, не смещать же отцов.

В Египте безработица выглядит так комично и так гротескно только потому, что в этой стране вообще нет нефти и очень много народу.

Ощущение безнадеги усугублялось не только тем, что твое рабочее место занимает твой отец. Так же — по всей вертикали. Хосни Мубарак был президентом 30 лет. Муаммар Каддафи работает национальным лидером уже 42 года. То есть 40-летний ливиец не

помнил никакой другой истории, кроме Каддафи. Он понимал, что у него, его детей и внуков нет никаких перспектив, потому что даже дети Каддафи не могли рассчитывать на власть, пока не сгинет их выживший из ума отец.

Если гражданин не может гордиться своими личными успехами, авторитарное государство часто предлагает ему субститут — возможность погордиться за свою страну. Но и с этим у арабов была просто беда. Среднестатистический араб ощущал, что его родина некогда была частью могучей и великой нации. Можно сказать, супердержавы. Но потом из-за козней мировой закулисы, евреев, американцев и прочих заговорщиков его родина распалась на много-много разных государств. И алчные, коррумпированные правители этих государств, конечно, не хотят, чтобы великая арабская родина вновь собиралась воедино.

Когда человек находится в состоянии перманентной безнадёги, самые страшные события могут оставить его равнодушными, а какие-то мелочи — вывести из себя. Важную роль может сыграть чужой дурной пример — но нужно, чтобы он был близким и понятным. Четыре года назад в Ливане произошла классическая «цветная революция» — «революция кедров», как ее там называли. Ее идеологи руководствовались организационными схемами киевского Майдана и не скрывали этого. Но остальные арабские страны к этому опыту оказались равнодушны. Потому что ливанцы для

остальных арабов мажоры, почти европейцы. Пусть чуть ближе, чем украинцы, но не более.

Зато вовсе не революционные события в Турции произвели впечатление. Турецкое правительство во главе с Реждепом Эрдоганом, пытаясь завоевать популярность в арабском мире, стало вести себя подчеркнуто вызывающе: публично ругаться с Израилем, снаряжать «флотилию свободы» на помощь осажденным в секторе Газа палестинцам. Смелость турок произвела на арабов сильное впечатление. Раньше арабы турок недолюбливали — как бывших угнетателей времен Османской империи. Но потом оказалось, что арабские лидеры беспокоятся о благополучии братьев-палестинцев куда меньше, чем власти Турции.

Реджеп Эрдоган хотел стать символическим лидером исламского мира, но не ожидал, что окажется могильщиком своих коллег Мубарака и Каддафи. Политизированный молодой араб, во-первых, испытал жгучий стыд из-за того, что за Газу заступает не египетский президент, а турецкий премьер. А во-вторых, понял, что нет ничего невозможного, ведь дерзают же турки.

Это, конечно, мелочи, но даже они смогли изменить картину мира, в котором нет просвета. А революция в Тунисе — неожиданная и необъяснимая революция хорошо образованных безработных, не видящих для себя никакого будущего, — поставила все

на свои места. Миллионы людей, которые давно ни на что не надеялись, обнаружили, что даже баваб способен не только сидеть на своем стуле, но и встать и вышибить дверь.

Но волна арабских революций не могла продолжаться долго — она прервалась так же, как и, например, волна «цветных революций» в СНГ. Стоило только президенту Узбекистана Каримову открыть огонь и расстрелять восставших в Андижане. Муамар Каддафи первым из арабских лидеров пошел по этому пути. И ему это, наверное, помогло бы — если бы не психология, которую он сам и его престарелые коллеги ковали последние три-четыре десятка лет. Но арабским Исламом Каримовым стал Башар Асад — он утопил арабскую весну в крови и привел арабский мир в новую чудную реальность.

ИСЛАМИСТЫ—БОЛЬШЕВИКИ

Сила Исламского государства не наличие у него оружия или натренированных бойцов, а в том, что оно так или иначе имеет мистический и даже сакральный смысл для каждого мусульманина — особенно для тех, кто превыше всего ставит букву закона. Исламское государство выполняет каждую букву и каждый знак препинания, которые содержатся в священных мусульманских текстах. Там сказано, что в первые годы ислама язычников было принято распинать, а «людей книги» (христиан или евреев) можно было просто обложить данью, а в том случае, если они отказывались платить дань — тогда уже их убивали. «Мы завоюем ваш Рим, разрушим ваши кресты, поработим ваших женщин», — пишет в «Твиттере» официальный представитель халифата. В седьмом веке он говорил бы точно так же.

На самом деле Абу Бакр аль-Багдади — потомок Осамы бен Ладена по прямой линии, так как вся современная история исламистов началась с 1979 года, когда советские войска вошли в Афганистан. Именно тогда в арабских государствах Ближнего Востока начали практиковать отправку добровольцев на джихад. Молодые люди, осознававшие, что никакой перспективы на родине у них нет, поскольку родина — беспросветное коррумпированное авторитарное государство, — отправлялись самореализовываться на войне.

Когда они победили — Советский Союз вывел войска — на родину они не вернулись, так как их там никто не ждал. Никакой формальной организацией, никакими горизонтальными связями, членскими билетами, паролями и отзывами эти люди, конечно, не были связаны. У них была общая идеология, общая вера, общая ненависть — поэтому они даже не отпирались, когда западные спецслужбы стали называть их террористической сетью «Аль-Каида». Это им даже льстило.

Новым импульсом для этой неформальной группы людей стало президентство Джорджа Буша — военные операции США в Афганистане, а потом в Ираке. Начиная с 2003 года, все арабские «ветераны-афганцы» ринулись воевать в Ирак. При Саддаме вся иракская правящая верхушка состояла из суннитов, в то время, как большинство населения Ирака

составляют шииты (чаще всего приводят соотношение 65%–35%, но оно, правда, не подтверждено переписью). Более того, шииты при Саддаме подвергались репрессиям — особенно в период войны между Ираком и шиитским Ираном.

После свержения Саддама шииты взяли верх: именно они сформировали свое правительство, юг страны, населенный преимущественно шиитами, фактически оказался под контролем Ирана. Сунниты же оказались в положении репрессируемого меньшинства. Более того, уже с 2004 года появилось такое понятие как «суннитский треугольник» — то есть территория к западу от Багдада (между городами Тикрит, Рамади и Фаллуджа), населенная суннитами и не контролируемая ни американскими войсками, ни иракскими властями.

Неконтролируемая зона за 10 лет не исчезла, а наоборот, продолжала развиваться. Туда подались бывшие солдаты саддамовской армии, туда направились привыкшие воевать «ветераны-афганцы». Американские деньги, которые поступали на помощь багдадскому режиму, систематически разворовывались — и часть из них, конечно, попадала прямо в суннитский треугольник.

Потом началась гражданская война в Сирии, и черная дыра стала разрастаться. Но переломный момент — это, конечно, 29 июня, когда Абу Бакр аль-Багдади объявил себя халифом. С этого момента группа уже не является кучкой маргиналов-

повстанцев. Теперь они стали супертеррористами, которым удалось взять в заложники одну из мировых религий.

Все, что делал Абу Бакр аль-Багдади преисполнено высокого символизма. Пропагандисты ИГ подчеркивали, что он из племени курейшитов, то есть фактически прямой потомок пророка. Первые исламские завоевания после смерти пророка Мухаммеда начинались именно с Сирии и Ирака. То есть фактически бойцы ИГ проигрывали сакральную для мусульман историю еще раз. Более того, во всех своих действиях, а также публичных выступлениях они старались максимально точно копировать сподвижников пророка: для седьмого века распятие, побивание камнями, а также работорговля — вовсе не что-то экзотическое. Боевики ИГ в точности следуют букве жизнеописаний пророка и его последователей. И в этом их сила.

Исламское государство в своей абсолютной дикости и тотальной подчиненности сверхидею можно сравнить разве что с государством большевиков, возникшим (по странному совпадению) примерно одновременно с падением предыдущего халифата. Главная цель — не власть на подконтрольной территории, а мировая революция. Ради торжества идеи не страшны никакие жертвы — более того, жертвы являются обязательной ступенью в выполнении плана. В этот раз уничтожению подлежат не враждебные

классы, а еретики. Но, поскольку на данный момент мировая революция (то есть установление всемирного халифата) невозможна, Абу Бакр аль-Багдади преступил к построению халифата в отдельно взятой стране.

У Исламского государства были естественные враги: это в первую очередь все остальные мусульманские государства в мире, так как любая власть, кроме власти халифа, считается незаконной. Поэтому все остальные мусульманские правители мира, естественно, Исламское государство не признали. Особенно рьяно это делал шиитский Иран (по мнению аль-Багдади, шииты — еретики). Фактически, это иранские войска пошли штурмовать Тикрит — в рамках оказания братской помощи иракским товарищам.

Совершенно очевидно, что Исламское Государство — это проблема, которая возникла надолго. Она не исчезнет, даже если халифа аль-Багдади вдруг убьют, а Тикрит или Мосул захватят. Поразительно, но в 21 веке идея возвращения в букве священных текстов, написанных в 7 веке, оказалась неожиданно актуальна. Такие традиционные ценности как распятие и рабство оказались снова востребованны. Самое главное — вера в приближение судного дня и в 21 веке может творить такие же чудеса, как и в средние века.

Бесчеловечный халифат очень прочен, потому что он не может не оправдать ожиданий своих последователей. От него не ждут комфорта, прав человека или социальных гарантий — от него ждут вообще дру-

гой картины мира и отношения к жизни и смерти. От него ждут деятельной подготовки к концу света.

Исламское государство — это вовсе не далекая от нас проблема. Во-первых, для многих жителей северокавказских республик повиновение законам шариата в Сирии оказывается более желанным, чем отсутствие законов в России. Новые подданные ИГИЛ рано или поздно начнут возвращаться на Кавказ, чтобы распространить власть халифа.

Впрочем, проблема еще и в другом. Как показывают недавние события, в России вообще немало людей, осознающих, что у них нет никакой перспективы на родине. Поскольку родина — довольно беспроблемное коррумпированное авторитарное государство. И поэтому они отправляются самореализовываться на войне.

Что дальше делают такие люди? Если у них есть вера — они отправляются воевать за нее. Осталось представить себе, за что они могут воевать, если никакой веры у них нет.

**II ИРАК.
ВОЙНА
С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ
ЛИЦОМ.**



●
●

Для нормального диванного конспиролога суть любой войны всегда описывается просто: «ищи кому выгодно». Точно так я думал до поездки в Ирак. В Ираке — нефть.

В Америке — нефтяное лобби. Вот вам и причины, и цели, и действующие лица. Все ясно и цинично.

Но потом я встретил людей, которые вели себя так, как, мне казалось, не ведут себя нормальные (то есть циничные) люди. Я видел сильных, здоровых взрослых мужчин, которых трясло от страха — так, что они не могли говорить. Такую реакцию у них, жителей Ирака, в 2002 году вызывало простое упоминание имени Саддама Хусейна.

А потом я видел молодых парней, мальчиков, которые толком еще и не брились ни разу. Они, американские солдаты, спокойно и даже весело рассказывали о том, как им каждый день приходится убивать людей.

Я тогда понял, что война за нефть, наверное, вторична. Более важная война — за человеческие мозги. Потому что, не завладев ими, нельзя начать никакую войну за нефть.

БАГДАД, МАРТ 2003-ГО

● Американцы в Багдаде

Многие иракцы были уверены, что главная причина того, почему американцы так против них ополчились, находится прямо посреди Багдада — в отеле «Ар-Рашид». Точнее — на полу в холле отеля. Сразу после «Бури в пустыне» там выложили мозаичный портрет Джорджа Буша-старшего, чтобы каждый наступал ему на лицо ногой. Портрет многим понравился: плюнуть в лицо Бушу и растереть плевком башмаком стало одним из развлечений как местных жителей, так и многих приезжих. «Неужели ты не понимаешь? — объяснили мне иракцы. — Младший Буш никогда не простит нам того, что мы плюем на его отца. Именно поэтому он так нас ненавидит, и «Ар-Рашид» наверняка будет первой мишенью, на которую упадут

американские бомбы. А потом они придут и взорвут его».

Но пока в «Ар-Рашиде» американцев не было, они жили в отеле «Палестина».

О том, что в Багдаде есть американцы и что мы живем с ними по соседству, в одном отеле, мне рассказала русская девушка Вика, которую я встретил в министерстве культуры. Она танцовщица и жила в тот момент в Иордании, а в Багдад приехала, чтобы морально поддерживать иракский народ: «У нас многонациональная группа: есть американцы, англичане, датчане, австралийцы».

Американцы?

В то, что в Ирак в такое время могли приехать американцы, верилось с трудом. Чтобы это проверить, я отправился к метрдотелю «Палестины» и за символическую плату получил копию списка постояльцев. Действительно, оказалось, что на седьмом этаже проживает некая «международная семья». Уже через несколько часов мне удалось с ней познакомиться.

Иман, пожилая, обходительная арабка, сопровождающая приезжих, сказала мне, что есть возможность поехать в местный детский госпиталь. Я немедленно согласился, и она повела меня в автобус.

В нем пятеро, самый старший явно был недоволен моим появлением. Я сказал, что я журналист из России. Это его успокоило, и он объяснил, что «Международная семья» — это благотворительная организация.

— У нас в группе 25 человек из 22 стран. Мы приехали для того, чтобы показать, что не согласны с американской политикой, — он выдержал паузу. — Я и сам американец, меня зовут Эндрю.

Остальные пассажиры — англичанин Джонатан, швейцарка Мари, американка Долли и Суад — гражданка Канады, родившаяся в Тунисе.

После неперемного обсуждения красоты Багдада и здешней жары я спросил, не возникло ли у него проблем здесь, в Ираке, из-за гражданства.

— Нет, — уверил он меня, — у иракцев нет ненависти к американскому народу. И потом, они понимают, что если я приехал сюда, я им не враг.

Я вспомнил, как днем раньше видел по местному телевидению передачу: журналисты спрашивали багдадцев, что те думают о нынешней политической ситуации. «Я и вся моя семья ненавидим американцев! — говорила интеллигентная старушка с очень добрым лицом. — И поэтому желаем здоровья президенту Саддаму Хусейну!»

Мы подъехали к больнице. Ее директор доктор Луи Латиф рассердился, что мы опоздали на сорок минут, — детей сначала привели на первый этаж в большой зал, но потом подумали, что гости не приедут, и отправили назад в палаты. «Теперь придется снова всех вести сюда», — с досадой сказал он.

«Вести» — это сильно сказано. Большинство детей не могли ходить. Их принесли на руках матери, кото-

рые жили здесь же, в больнице. Она называется Центр трансплантации костного мозга имени Садама Хусейна. Как сказал мне доктор Луи Латиф, только за последний год здесь лечилось около 25 тыс. детей. У большинства из них лейкемия.

Мы подошли к женщине, закутанной, как и многие здесь, в черное. У нее на руках был маленький мальчик с отсутствующим взглядом. Его звали Амир, ему было 10 лет, у него обнаружили проблемы с печенью. Я попытался что-то у него спросить, но он меня не видел. Он вообще, кажется, никого не видел. «Я учительница, преподаю математику. Каждый укол стоит десять тысяч динаров, а у меня нет таких денег». Я успел подсчитать, что десять тысяч динаров — это пять долларов. Тут меня дернула за руку другая мать с четырехмесячной девочкой на руках. «У нее не проходит понос», — пожаловалась женщина.

К нам подошел мужчина в полувоенной форме, явно недовольный тем, что женщины «бесконтрольно» со мной разговаривали, и начал что-то грозно им втолковывать. Выслушав его, матери начали голосить: «Напишите про нас! Напишите: «Почему Америка делает это? За что?»»

На импровизированной сцене тем временем началось представление. Пели народную иракскую песню о девушке, которая увидела свет на вершине пальмы и задумалась, что это — лик ее погибшего возлюбленного или луна?

Женщины подпевали. Одна из них, в платке в горошек, начала плакать. Дети не реагировали — они без движения лежали у них на руках.

Тут появилась Долли. Она уже успела нарисовать себе какие-то рожицы на щеках и прицепить на голову воздушный шарик. Она стала бегать по залу и корчить смешные рожицы. Женщины смеялись. Детям было все равно.

Потом Мари начала петь очень печальную песню о реках Тигр и Евфрат, в которых вместо воды человеческие слезы. Иман заплакала. Женщина в платке в горошек зарыдала в голос. Еще одна мать потянула меня за рукав и обиженно поинтересовалась, почему я ничего не спросил про ее ребенка. «Это все из-за их ядерного оружия, — запричитала она. — Американцы бомбили нас, и смотрите, что стало с моим ребенком». У ее ребенка была лейкемия.

Мари и Джонатан запели уже по-английски что-то про big-big smile upon your face. Долли надувала воздушные шарик, делала из них собачек и раздавала детям. Дети в первых рядах заплакали — наверное, они боялись, что собачек на всех не хватит.

После концерта мы все поднялись наверх — в палаты к тем детям, которых было невозможно спустить в зал.

Долли с раскрашенным лицом подарила прико-ванным к постели детям кукол Барби и машинки.

— Смотри, — указала мне Суад на улыбающуюся девочку, больную лейкемией, — ее зовут Шафа, по-арабски это значит «излечивающая». Ты ведь вылечишься, Шафа?

Та радостно кивнула.

Мы собрались уходить, доктор Луи поблагодарил нас за то, что приехали, «Международная семья» — его за то, что разрешил спеть, а я их — за то, что пустили меня в автобус.

— Да что ты, не стоит благодарности, — ответила Мари, — мы и в Россию тоже обязательно приедем. Я уже была почти во всех странах Восточного блока, а в России еще нет.

Я еще раз поблагодарил их и решил прогуляться по городу. По дороге за мной увязался мальчишка лет семи — чистильщик ботинок. Он просил денег. На вид он был совершенно здоров и легко тащил на себе подставку для ботинок, которая по размеру чуть ли не больше его самого. Я дал ему 250 динаров и машинально спросил, как он относится к американцам.

— Не понимаю, — ответил он.

Я повторил вопрос.

— Да нет, тебя я понял. Я их не понимаю. Они по-иностранному говорят.

● «Саддам Хусейн — лидер всех арабов»

Весь Багдад был оклеен плакатами. На большинстве из них был изображен президент Саддам Хусейн: в военной форме, в арабском платке-куфии, в курдском наряде, в гражданском костюме. Еще можно было увидеть профили двух величайших правителей в истории Ирака — царя Хаммурапи и опять же Саддама Хусейна. Издалека было похоже на советскую триаду Маркс — Энгельс — Ленин. На другом плакате сложенные домиком ладони защищали Ирак от американских бомб. Эти ладони символизировали арабские государства, а сам плакат приглашал принять участие во Второй межарабской конференции профсоюзов в поддержку Ирака и Палестины.

Конференция проходила во дворце конгрессов — как раз напротив отеля «Ар-Рашид», пол которого украшал заплеванной портрет Джорджа Буша-старшего. Здесь проводились только самые ответственные мероприятия. Проникнуть в эту святая святых было непросто, но волшебное слово «Россия» открывало в Ираке многие двери. Узнав, откуда я, меня усадили в первый ряд, напротив портрета Саддама Хусейна.

Появился вице-президент Таха Ясин Рамадан и направился к креслу в центре зала. Все отвернулись от сцены, на которую бесшумно вышли руководители делегаций арабских стран, и бурными продолжительными аплодисментами проводили первого зама Саддама Хусейна до его места. Аплодисменты стихли, лишь

когда на трибуну взошел мулла. Он прочитал молитву и предложил залу произнести про себя первую суру Корана «Фатиху» в память о мучениках Ирака и Палестины. Все встали, и во дворце конгресса единственный раз за день на несколько секунд воцарилась тишина. Лишь только мулла сделал шаг от трибуны, делегаты из Йемена вскочили и начали кричать: «Мы — йеменские ракеты». У каждого был кинжал за поясом, кричали они слаженно, что, впрочем, неудивительно — я слышал, как они репетировали в вестибюле.

Их перекикивала женщина в одном из задних рядов — она восславляла президента Саддама Хусейна. На трибуну вышел председательствующий и приветствует Таху Ясина Рамадана. Но долго говорить ему не дали. У меня за спиной вскочил какой-то мужчина, в отличие от остальных делегатов крайне бедно одетый. Читая по листку в клетку, он призвал присутствующих бороться во имя Саддама. Зал зааплодировал, а Таха Ясин Рамадан подозвал крикуна к себе и пожал ему руку.

Председательствующий пообещал США и мировому сионизму скорое поражение. На трибуну поднялся Таха Ясин Рамадан, весь зал зааплодировал стоя. Вице-президент ровным, спокойным голосом объяснил, что агрессия Вашингтона, Лондона и Тель-Авива против иракского народа нарушает международное право. Речь его не раз прерывалась патри-

отическими выкриками и дружным скандированием зала: «Американцы — террористы!»

«Мы много раз приглашали американцев приехать сюда и убедиться, что у нас нет оружия массового поражения. Но они отвергали все наши предложения», — заявил вице-президент. В этот момент его прервала галерка, скандирующая самый популярный иракский лозунг — формулу народной любви к президенту: «Духом! Кровью! С тобою, о Саддам!» Снова заголосил мой сосед-бедняк: «Мы и наше руководство — не афганцы. Мы не позволим сделать с собой то, что сделали с ними!» Другой делегат потребовал немедленно объявить бойкот всем товарам американского и израильского производства, американским банкам и, что самое главное, доллару.

Таха Ясин Рамадан терпеливо ждал. Когда делегаты утихли, он поблагодарил их и пошел на место. Зал был близок к экстазу. «Йеменские ракеты» начали размахивать флагами Ирака и Палестины. Все присоединились к общему хору: «Духом! Кровью! С тобою, о Саддам! Духом! Кровью! С тобою, о Саддам!»

На трибуну вышел представитель Палестины — его появление привело делегатов в еще большее неистовство. Флаги уже не опускались, кричали теперь все — каждый что-то свое. Размахивали тоже кто чем мог. «Духом! Кровью! С тобою, о Палестина!» — кричала женщина с грудным ребенком на руках. Палестинец победоносно вскинул руки и пытался дирижировать

залом. «Саддам Хусейн — лидер всех арабов! Он поведет нас в борьбе против США, Британии и сионистов», — провозгласил он. «Мы не боимся американцев!» — завывал бедняк в грязной тужурке. Этот возглас, видимо, лишил его остатка сил — хватая ртом воздух, он сполз в свое кресло.

Я повернулся, чтобы спросить, кто он и где работает. Услышав, что я журналист из России, он бросился меня обнимать: «Передавай привет вашему президенту Путину! Россия и Ирак — друзья на вечные времена! Вместе мы всех победим! Обязательно передай от меня привет господину Путину! Меня зовут Абдель-Хадим, я работаю сторожем здесь, в Багдаде».

Пообщавшись со мной, он вновь обрел силы и вскочил. «Свободу всему миру!» — потребовал он, очевидно решив, что надо поддержать не только иракцев и палестинцев, но и русских. «Интифада против американцев! Палестина победит! Ирак победит! Саддам Хусейн победит! Ясир Арафат победит!» — ответил ему с трибуны представитель Палестины. Их диалог прервался, потому что весь дворец конгрессов снова начал скандировать: «Духом! Кровью! С тобою, о Саддам! Духом! Кровью! С тобою, о Ирак!» «Саддам Хусейн — не просто руководитель! Он — символ всей нации! Он — новый Салах-ад-дин!» — покидая трибуну, объявил оратор.

К сцене подбежала девочка с портретом Саддама на груди и прочитала поэму собственного сочинения о страданиях иракского народа. Зал смолк. Я заметил, что она первая на этой сцене сегодня, кто говорит без бумажки. Закончив, девочка смущенно улыбнулась. Ее подвели к вице-президенту, он бережно обнял ее, стараясь не задеть висящим на поясе пистолетом. Охранник отвел девочку на место, но по дороге я оставил юную поэтессу. «Меня зовут Джумля, — краснея, сказала она, — мне тринадцать лет, но я уже учусь в десятом классе». И немедленно убежала. Охранники проводили ее внимательными взглядами.

В это время появились иракский оркестр и хор радио и телевидения. Зазвучали задорные песни. Одна из них напоминала «Шербурские зонтики» на арабский лад, с припевом из двух слов: «Аллах акбар». Едва стихли последние аккорды, Таха Ясин Рамадан с охраной ушел, за ним потянулись к выходу профсоюзные работники. В них трудно было узнать людей, которые еще несколько минут назад бились в патриотическом экстазе. Расслабленные лица, благодушные улыбки. Йеменцы громко обсуждали, куда идти обедать.

ЗДЕСЬ БЫЛ САДДАМ

Имя Саддама Хусейна в Ираке было окутано плотной пеленой мифов. Уже много лет практически никому в Ираке не было известно местонахождение руководителя; естественно, говорили иракцы, сейчас, когда американцы ведут охоту на него, охрана президента вынуждена его прятать. Президента ежедневно показывали по телевизору, но в основном это были кадры как минимум десятилетней давности: Саддам и дети, Саддам в толпе, Саддам в курдском национальном костюме, Саддам стреляет из ружья. Кадры сопровождались триединым лозунгом: «Бог! Родина! Руководитель!»

Мне рассказывали, что есть телефонный номер, по которому любой иракский гражданин может позвонить президенту и рассказать ему о своих проблемах — Саддам всех выслушивает и обязательно помогает. Правда, все мои попытки раздобыть этот номер не увенчались успехом. Поэтому, когда я услышал о баг-

дадском кафе, куда Саддам, уже будучи президентом, частенько заходил и угощал всех посетителей кока-колой, я поначалу подумал, что это очередной миф. «Да нет, серьезно, на том берегу Тигра находится район, где президент жил, когда переехал из Тикрита в Багдад. Там до сих пор живут многие его друзья». И правда, уже вскоре мне удалось разыскать этот район.

На въезде в него висел огромный портрет Саддама, держащего в руках тарелку, в ней что-то похожее на пельмени. За ним стояли в ряд несколько десятков совершенно одинаковых коттеджей — их Саддам специально построил для своих старых товарищей. Далее шла чередой 16-этажных домов — сюда переселили всех остальных обитателей района, где некогда жил Саддам. Его дом не сохранился, старых домов здесь вообще нет: то ли их разбомбили во время «Бури в пустыне», то ли снесли ради модернизации города.

На берегу реки, рядом с небольшой мечетью, и стояло открытое кафе, в которое, говорят, хаживал президент. Чтобы туда попасть, надо было пройти под мостом, а мосты, как и все особо важные объекты в Багдаде, были окружены колючей проволокой. Пришлось выискивать дыру в ограждении и пролезать сквозь нее.

В кафе было полно народу — местные жители пили чай, курили кальян, играли в карты или до-

мино. Я отыскал хозяина, им оказался 85-летний Абу Фарук, очень живой и активный старик. После традиционного ритуала знакомства, объятий и приветствий первое, что он мне сказал: «Оставь мне, пожалуйста, свой адрес в России. Я уже очень давно хочу съездить в вашу страну. Я к тебе в гости приеду!»

Он усадил меня за стол, я предложил ему посидеть со мной. Абу Фарук извинился: ему нужно обслуживать посетителей, но если выдастся свободная минутка... Выполнив очередной заказ, он подошел ко мне, поговорил со мной минуту-другую, а потом опять побежал за чаем для кого-то из вновь пришедших. Наше общение затруднялось еще и тем, что у Абу Фарука почти не было зубов, поэтому говорил он очень неразборчиво — приходилось все время переспрашивать.

— А правда, что президент когда-то жил в этих краях? — осторожно начал я.

— Ну конечно, у него же здесь жили дядя и тетя — он к ним переехал из Тикрита. Здесь он неподалеку и в школе учился.

— А чем занимался Саддам в то время?

— Да чем мы тогда занимались... Время было бедное, особо не погуляешь, бегали купаться все время сюда, даже и спали на берегу, — рассмеялся Абу Фарук.

О любви Саддама к плаванию в Ираке ходили легенды. Поговаривали, что, уже став президентом, он любил переплывать Тигр наперегонки с купающимися

мальчишками — и каждый раз-де приплывал первым. Последние 10 лет он, правда, прилюдно уже не плавал. Но судя по виду, открывавшемуся с багдадской телебашни, любовь к заплывам на дальние дистанции у него не прошла: на территории одного из его дворцов, которая видна с телебашни, есть бассейн размером с небольшое озеро.

— И что, президент тоже с вами бегал купаться? — продолжал я расспрашивать хозяина кафе. По моим подсчетам, если Абу Фаруку и правда было 85 лет, то Саддам Хусейн младше его на целых 20.

— Да нет. Я в то время уже работал, а он, пока его приятели бегали за девушками, сидел здесь на берегу и книжки читал.

— А президент за девушками не бегал?

— Он был серьезный. Учился, потом политикой стал заниматься...

Абу Фарук прервался: ему надо было идти на молитву. Он строго придерживался всех религиозных предписаний, даже постился не один месяц в году — Рамадан, — а целых три. «Поэтому-то мне уже 85, а ничего не болит. Только ноги иногда, но это из-за того, что меня машина сбила», — убегая в мечеть, объяснил мне Абу Фарук.

Вокруг кафе собрались дети — посмотреть на пришедших иностранцев. Среди бедно одетых детей выделялись мальчик и девочка в нарядной одежде. Оказалось, это были внуки Абу Фарука — он уже

успел сбегать домой и сказать их матери, чтобы принарядила детей.

— А Саддам когда-нибудь заходил в ваше кафе? — снова поймав за рукав вернувшегося хозяина, спросил я.

— Вот в это? Нет, это новое. Его для меня президент построил. Девять лет назад. А раньше, конечно, приходил, — с благодушной улыбкой ответил Абу Фарук и спросил, что я буду есть.

— А что любил есть президент? — я вновь перевел тему разговора на интересующий меня предмет.

— Все самое простое — кебаб, овощи... Да всю обычную пищу, которую любят простые иракцы. Он вообще очень простой человек, скромный! — Абу Фарук распалился и стал говорить все громче, быстрее и неразборчивее. — Это все врут, что он любит купаться в роскоши. Это американское вранье! Он обычный человек. И вот что я тебе еще скажу. Знаешь, почему его все любят? Он самый смелый мужчина в мире! Он никого не боится! Вот вы боитесь американцев, все боятся. А он их не боится.

Абу Фарук все больше горячился — он начал рассказывать, что у него дома лежат ружье и два пистолета, и если американцы на них нападут, то он возьмет все свое оружие и пойдет защищать Саддама.

Новый посетитель отвлек Абу Фарука. Я заметил, что взрослые уже отогнали от меня всех детей: глазеть на иностранцев некультурно. Самые смелые спрятались за машинами метрах в двадцати и изредка выгляды-

вали из-за них. Рядом со мной сидели только внуки Абу Фарука — им можно.

— А в этом районе еще, наверное, живут многие приятели Саддама? — спросил я, воспользовавшись тем, что Абу Фарук принес мне ужин.

— Конечно. Обычно они сюда приходят. Но сейчас, наверное, они уже все пошли спать.

— А когда вы последний раз видели президента?

— Несколько лет назад он приезжал сюда. Гулял по родным местам, ходил по берегу. Но кругом была охрана, меня к нему не подпустили, — Абу Фарук продолжил улыбаться и, трепля меня по плечу, радостно сообщил:

— Очень скоро я встречу с президентом. У меня с ним встреча. И я обязательно ему передам, что ко мне приходили его друзья из России. Он будет рад.

— Когда вы с ним встретитесь? — удивленно спросил я.

— В ближайшие дни, в ближайшие дни... — блаженно улыбнулся Абу Фарук.

— Вы уверены? Откуда вы это знаете? Вам позвонили из его администрации? — допытывался я.

— Даст Бог, встретимся, — загадочно улыбнулся старик.

Мы собрались сфотографироваться на прощание, но тут подбежал один из посетителей и, размахивая руками, попросил, чтобы мы перешли на другое место: «Здесь нельзя! Не надо: сзади вас мост.

Нельзя фотографировать мост!» Мы послушно отошли в другую сторону. Абу Фарук пообещал приехать в Россию, передать от меня привет Саддаму и в следующий раз показать мне, как он будет стрелять из ружья, если придут американцы.

Огибая мечеть, я пошел к мосту. Дети проводили меня до самой ограды из колючей проволоки. По дороге меня догнала мать одного из них, схватила своего ребенка и потащила домой. Потом остановилась и закричала мне вслед: «Молимся за пророка Саддама, не нужен нам никто другой!»

● Многоликий Саддам

Больше всего в Ираке удивляло даже не их количество портретов вождя — к тому, что во многих странах, особенно арабских, портреты правителя встречаются повсюду, я уже давно привык. В Египте с каждой стены на вас взирал Хосни Мубарак, в Сирии улицы украшали изображениями отца и сына Асадов, в ОАЭ не менее часто встречался лик шейха Заеда аль-Нахайана. По дороге из международного аэропорта имени Саддама Хусейна в город, который местные чиновники любили называть городом Саддама Хусейна, меня поразило то, что ни один портрет президента не был похож на другой. Сначала он предстал в традиционном военном кителе с орлами на погонах, через две минуты —

в костюме и черной шляпе, а еще через сто метров — весь в белом; потом — в традиционном арабском наряде и платке-куфии, следом — в курдском народном костюме с жилеткой. Аксессуары тоже менялись — то он в солнцезащитных очках, то в берете, то в каске, то с ружьем, то с пистолетом, то с мечом. Возле мечети Саддам стоял на коленях на молитвенном коврике, в деловом квартале — говорил по телефону, в бедном районе — держал блюдо с едой. Выражение лица тоже не повторялось — от грозного взгляда до добродушной улыбки.

Многочисленные клипы, которые крутили по национальному телевидению, еще сильнее подчеркивали многоликость президента. Под звуки одной из восхваляющих президента патриотических песен, исполняемых популярными певцами, Саддам предстал не менее чем в десяти обликах.

Все эти перевоплощения иракского лидера являлись лишь малой частью грандиозного мифа о Саддаме. Мифа, в котором ясно угадывались черты реальных исторических персонажей, каждый из которых по своему являлся предшественником и даже двойником иракского лидера.

Саддам — Навуходоносор

Иракцы любят называть себя потомками древних вавилонян, а свою страну считают колыбелью человеческой цивилизации и гордятся тем, что их культуре больше 5 тыс. лет. Нынешнего правителя они, естественно, часто сравнивают с великими царями Древнего Вавилона. И в этом сравнении нет ничего неожиданного. У нас, например, к юбилею российского президента нижегородские умельцы выпустили медаль с профилями Петра I и Владимира Путина. Пойдя по этому пути, они явно украли идею у иракцев, которые давно уже отчеканили памятную медаль с профилями царя Навуходоносора и Саддама Хусейна.

С именем Навуходоносора связан, пожалуй, расцвет Вавилонского царства. Он прославился как удачливый завоеватель, всю жизнь боровшийся с евреями. Навуходоносор покорил Иудею, взял Иерусалим, а еще воевал с эламитами, населявшими территорию современного Ирана. Наконец, как утверждают некоторые источники, именно Навуходоносор построил печально известную Вавилонскую башню, из-за которой народы мира заговорили на разных языках и перестали понимать друг друга.

В Ираке любили говорить, что Саддам является прямым продолжателем дела Навуходоносора. Сходство и правда налицо: с иранцами воевал, Израиль обстреливал, а поход на Иерусалим — его заветная мечта. Но главным доказательством того, что Саддам — это

новый Навуходоносор, являлся Вавилон. В тот момент древний город вновь застраивался. Иракцы восстанавливали стены и укрепления Вавилона, чтобы было что показывать туристам. А на холме, с которого открывается вид на Вавилон, стоял дворец Саддама.

Среди руин древнего города каждый год проводился Вавилонский фестиваль, на который съезжались фольклорные ансамбли со всего мира. Пока по ту сторону океана Джордж Буш утверждал, что режим Саддама Хусейна должен быть уничтожен, в Вавилоне пели и плясали..

«Приветствуем вас на древней земле царя Навуходоносора и Саддама Хусейна», — сказала ведущая, и на сцене появились две итальянки, представлявшие «танец солидарности с народом Ирака». На них были лишь куски белой ткани, с которыми они расстались в первую секунду танца, оставшись совершенно голыми. Правда, приглядевшись, я заметил, что на итальянках все же были полупрозрачные и совершенно незаметные боди телесного цвета. Но большая часть шокированных иракцев этого, естественно, не заметила. Пока итальянки находились на сцене, зрители кричали от восторга. Как только их танец завершился, собравшиеся в древнем Вавилоне ни с того ни с сего начали хором скандировать: «Духом! Кровью! С тобою, о Саддам!»

Саддам — Гарун-аль-Рашид

Багдадцы очень любили называть свой город городом «Тысячи и одной ночи», хотя от того легендарного средневекового города ничего не осталось. Правда, по всему городу стояли статуи персонажей арабских сказок — были и Шахерезада, и Шахраяр, и служанка Али-Бабы, разливающая по кувшинам, в которых сидят разбойники, раскаленное масло. Однако одним из главных сходств Багдада с древней столицей Арабского халифата было то, что в правителе Ирака четко угадывались черты легендарного Гарун-аль-Рашида. К примеру, западные СМИ обвиняли Саддама Хусейна в том, что, несмотря на бедственное положение народа, руководитель строил себе огромные дворцы. Говорят, у Саддама их было больше 40. «Ну и что? — возразил мне работающий в Ираке российский бизнесмен. — Это же восточная традиция. В арабском мире так принято. Если халиф будет ходить без штанов, всем делиться со своим народом, его попросту не будут уважать. На Востоке власть должна сверкать».

И иракцы с этим мнением были вполне согласны. «Это неправда, что он купается в роскоши. Американское вранье! Он очень простой человек, — убеждал меня хозяин кафе, в котором в юности, по слухам, бывал Саддам. — Но раз он президент и его жизни угрожают, он просто вынужден иметь много дворцов».

Правда, в Ираке были и недовольные. «Бюрократия совсем не дает жить, — сетовали они. — Министерства

плодятся с каждым днем, повсюду чиновники, все деньги оседают у них. Выделят, скажем, средства на строительство школы, а до места ничего не доходит... Ничего, Саддам узнает, он им покажет!»

А Саддам, как были уверены многие, обязательно бы узнал. Как мне рассказывали, еще несколько лет назад президент ходил по улицам, заходил в дома простых граждан и справлялся об их жизни — прямо как Гарун-аль-Рашид, надевавший платье простолюдина и отправлявшийся бродить по улицам Багдада.

Зато сейчас, уверяли меня, существует телефон, по которому любой житель Ирака может позвонить и поговорить с президентом. Правда, как я ни просил, никто этот номер мне не смог найти.

Саддам — Салах-ад-Дин

Легендарный Салах-ад-Дин — одна из самых популярных исторических фигур в современном Ираке. Великий арабский полководец, в XII веке объединивший весь исламский мир и освободивший Иерусалим от крестоносцев, родился в Ираке, в городе Тикрит.

В Тикрите 28 апреля 1937 года родился и Саддам Хусейн. Поэтому государственные СМИ любили называть Саддама наследником и продолжателем дела

Салах-ад-Дина. В Ираке очень часто можно было встретить картину, на которой Саддам был изображен в роли своего великого земляка — на белом коне вел за собой войска на освобождение иерусалимской мечети Аль-Акса. Эта картина украшала ворота в родной город президента и здание министерства культуры Ирака.

И именно сходством между Салах-ад-Дином и Саддамом некоторые иракцы объясняли нападки США на президента: «Американцы — это новые крестоносцы. Они уже покорили весь Ближний Восток. Арабские страны испугались американцев, они сдались им. Единственный человек, который может объединить арабскую нацию, освободить Ближний Восток и Иерусалим от американцев и сионистов, — Саддам». Об этом говорили и многочисленные плакаты на улицах Багдада: «Саддам — надежда на возрождение арабов, символ благородства арабской нации, герой национального освобождения...»

Саддам — Сталин

В отличие от остальных мифов, взлелеянных иракскими СМИ, история о связи между Саддамом Хусейном и Сталиным имела другие корни. Еще перед «Бурей в пустыне» в западных СМИ появились публикации, в которых утверждалось, что Саддам — внук Сталина. Якобы попавший в плен сын отца народов Яков Джу-

гашвили после Второй мировой войны был освобожден войсками союзников, вместе с англичанами попал на Ближний Восток и осел здесь под именем Якоб Джу-га. Эта версия, правда, не объясняла, как ему удалось стать отцом родившегося в 1937 году Саддама Хусейна.

Джордж Буш-младший вспомнил старую аналогию — в программной речи в Цинциннати он назвал иракского лидера учеником Сталина. И хотя Джордж Буш никогда не был ни в Ираке, ни в СССР, отчасти он прав: в образе Саддама есть и черты Сталина.

Огромные памятники, стоявшие по всей стране, не могли не напоминать сталинские. Обычно Саддам ука-зывал рукой в светлое будущее, реже — держал ружье или сидел на коне. «Саддам Хусейн — совесть нации и символ ее чести» — так подписаны портреты прези-дента, повсеместно висящие в Багдаде. Нельзя было не вспомнить «ум, честь и совесть нашей эпохи».

«Ты знаешь, если американцы на нас нападут, — рассказывал мне пожилой интеллигентный ира-кец, — я возьму свое ружье и пойду воевать с ними — за родину, за Саддама!» «Знакомая формула, — подумал я и переспросил. — Ты хочешь умереть ради Сад-дама?» Мы разговаривали на улице, нашу беседу вряд ли кто-нибудь мог подслушать. «Если бы пришлось отдать свою жизнь ради одного волоса на его голове, я бы сделал это не задумываясь, — сказал он, глядя мне в глаза. — Он единственный человек, который олицетворяет все наши национальные интересы».

Саддам — пророк

Образ Саддама как очень религиозного человека, более того — предводителя всех правоверных — стал создаваться не так давно. Надо сказать, что в первые годы своего правления Саддам был больше социалистом, чем мусульманином. Однако все изменила «Буря в пустыне». Тогда саудовский король Фахд (Хранитель Двух Благородных Святынь — именно так официально звучит его титул) впустил на свою землю неверных, чтобы помочь им в войне против мусульманского Ирака. И иракский лидер объявил, что отныне саудовцы не могут считаться истинными мусульманами, а их король — хранителем веры, и это звание переходит к нему. С тех пор появились легенды о религиозности Саддама. В багдадской мечети Умм-аль-Амарик находился священный Коран, который якобы написан кровью президента. Несколько раз в час по телевизору показывали заставку: сначала исламские святыни в Мекке, затем крупнейшие мечети Ирака, наконец, президент во время молитвы и встреч с народом. Заставка сопровождалась лозунгом: «Бог! Родина! Руководитель!» А когда приходило время очередной молитвы, чтение Корана непременно сопровождалось изображением молящегося президента.

Портрет президента можно было увидеть на дверях практически каждой мечети. А при упоминании имени президента было принято произносить славословие: «Да хранит его Аллах и оберегает!» Почти как при упо-

минании имени пророка Мухаммеда — «Да благословит его Аллах и приветствует!».

Но помимо этой официальной формулы почитания президента, существовало множество народных. На любом собрании, съезде или митинге в Ираке можно было встретить массу так называемых народных поэтов, которые заводили толпу своими незатейливыми двустихиями. «Молимся за пророка Саддама, не нужен нам никто другой», — гласило одно из них.

Саддам — миф

В 2003 году, несмотря на повсеместное присутствие Саддама (памятники, плакаты, телевизионные ролики), почти никто в Ираке не видел живого президента уже много лет. Телезрители каждый день видели Саддама, приветствующего толпы почитателей, выступающего на митингах или окруженного детьми, но эти кадры были сняты много лет назад, их показывали изо дня в день в течение долгого времени.

Иракский лидер никогда не появлялся на официальных мероприятиях, даже на торжествах в честь собственного дня рождения. Речи от имени Саддама по уже сложившейся традиции произносил один из вице-президентов. Президент практически никогда

не принимал иностранных гостей. В Ираке рассказывали, что российский вице-спикер Владимир Жириновский, хваставшийся своей дружбой с иракским лидером, не видел президента уже девять лет — Саддам принял его лишь однажды, в начале 1990-х годов, и ни разу с тех пор.

Практически никто в Ираке не знал, где находится президент. Одних мой вопрос об этом повергал в ужас — они начинали трястись и нервно озираться. Другие отвечали очень уверенно. «Он далеко, он занят внешней политикой. Саддам решает судьбу родины, — объясняли они. — А его помощники занимаются внутренней политикой, поэтому у нас такая бюрократия». «Он самый смелый», — говорили одни иракцы. «Самый мудрый», — убеждали другие. У каждого, очевидно, был свой Саддам.

● Саддам на каждом столбе

Тикрит славится как родина самых знаменитых иракцев. Прежде всего, здесь родился великий Салах-ад-дин, победитель крестоносцев и освободитель Иерусалима. Отсюда же родом экс-президент Ахмед Хасан аль-Бакр, предшественник нынешнего лидера. Здесь родился и нынешний вице-президент Иззат Ибрагим. Однако самую большую славу городу принесло именно то, что в нем (вернее, неподалеку, в деревне Аль-

Оджа) 28 апреля 1937 года родился Саддам Хусейн. Правда, жил он тут недолго. Ребенком будущий президент переехал в Багдад, где занялся политикой, попал в тюрьму, бежал в Сирию, потом в Египет. И лишь когда Саддам возглавил Ирак, городу досталась часть его славы. Здесь проходили ежегодные торжества по случаю одного из главных государственных праздников — дня рождения президента.

Отвезти меня в город мне обещал знакомый, уроженец Тикрита, в прошлом сотрудник одной из служб безопасности Ирака, хваставшийся тем, что сам однажды встречался с президентом (у него даже есть фотография, подтверждающая это). Однако во время предполагаемого отъезда он не появился, зато позвонил через час и пообещал приехать еще через час. Но так и не приехал.

Потеряв терпение, я решил, что смогу съездить в город через турагентство, и буквально в считанные минуты мне предоставили машину и гида. Уже в пути мой гид Валид сообщил мне несколько интересных фактов. Во-первых, оказалось, что ни он сам, ни наш шофер никогда не были в Тикрите. А во-вторых, въезд в Аль-Оджу, родную деревню Саддама, строго воспрещен. «Даже я, ираец, никогда не был в Аль-Одже! — увещевал меня Валид. — Что уж говорить про иностранцев. Туда никого не пускают». Увидев, что мой интерес к родным местам президента не утихает, он учинил мне допрос:

«А почему ты решил ехать в Тикрит? Ты любишь Саддама?» (В глазах читалось: «Ты шпион?»)

Возможно, мои слова о том, что я хочу написать правду о том, как на самом деле живет Ирак, его убедили, но на ближайшей заправке он вдруг решил позвонить директору турфирмы и выяснить, точно ли Аль-Оджа закрыта. После довольно долгого разговора он вернулся, заявил, что в Аль-Оджу меня не пустят, и немедленно переменял тему, начав обучать меня разным арабским стишкам, считалкам и скороговоркам.

Вскоре по дороге нам встретилась автоколонна, перевозившая танки. На мой вопрос, куда они едут, он ответил: «Ударить по Америке». «Нет, постой, Америка на западе, а танки везут на север», — возразил я. «Ну, знаешь, на севере есть Турция, которая наверняка будет помогать американцам. Очень многие страны будут помогать Америке». Я попросил уточнить. «Ну, Британия, — задумался он, — потом всякие ублюдочные арабские страны вроде Кувейта». В этот момент он снова вспомнил какой-то стишок и как ни в чем не бывало начал мне его рассказывать.

«А расскажи мне какие-нибудь стихи про Саддама», — перебил его я. Валид сделал крайне задумчивое лицо и ответил, что не знает ни одного. Учтывая, что по телевизору их передают ежедневно, и я сам уже почти выучил несколько, поверилось с трудом.

Потом я заметил, что мы едем слишком медленно: 100 км/ч для иракской автотрассы — почти ничего.

Валид стал мне объяснять, что все это делается исключительно для моей безопасности. Правда, потом чуть тише, возможно, забыв, что я понимаю по-арабски, сказал водителю: «Давай еще медленнее, около 90». Время приближалось к двум — поре максимальной жары, когда все магазины, учреждения и даже мечети закрываются, а улицы пустеют.

При приближении к Тикриту я заметил, что портреты президента встречаются уже не каждый километр, как прежде. Здесь они, без преувеличения, на каждом столбе. Ворота в город украшает картина, на которой Саддам на белом коне ведет за собой войско на взятие Иерусалима. Точно такую же я видел в Багдаде в министерстве культуры. Имеется в виду, что Саддам — преемник и наследник своего великого земляка Салах-ад-дина, который в XII веке освободил Иерусалим.

Мимо Аль-Оджи мы проехали, ускорившись. «Ты понимаешь, нужно разрешение президента для того, чтобы туда въехать», — объяснил мне Валид.

Вскоре около дороги показались живописные ворота и скрывающийся за ними большой дворец. На мой вопрос, что это, гид ответил просто: «Дворец». «Дворец президента?» — переспросил я. «Мы называем это дворцом народа, — разъяснил он, — ведь Саддам руководит всем народом, значит, его дворец — это дворец народа».

Через несколько минут нашу машину остановил полицейский. Наверное, вспомнив о своей недавней ошибке, Валид уже не стал вслух объяснять ему, кто я и куда еду. Он вышел и долго что-то шептал ему на ухо. Буквально через 50 метров нас затормозил другой полицейский. Через 200 метров — следующий. «Они все предупреждают, что тут нельзя фотографировать», — объяснил Валид. Ни одного хотя бы немного важного объекта я в окрестностях не увидел, но само требование меня не сильно удивило: в Багдаде тоже фотографировать любые памятники или дома — дело проблематичное, а мосты или госучреждения — чуть ли не подсудное. «А хотя бы выйти около той мечети можно?» — обреченно спросил я. «Ты знаешь, мы сейчас поедem в участок и там выясним, что тут можно делать, а что нельзя», — обрадовал меня гид. Первой нашей остановкой в Тикрите стало отделение одной из служб безопасности.

Валид пошел внутрь. В ожидании я обнаружил то, зачем и приехал в город, — явные признаки политической активности местных жителей. Все заборы в окрестности были плотно завешаны полотнищами с лозунгами. Я начал их методично переписывать в блокнот: «Саддам Хусейн — гордость арабской нации», «Боже, храни Ирак и Саддама», «Вместе с Саддамом Хусейном вперед к победе» и т. д. Заметив, чем я занимаюсь, шофер заволновался. По возвращении Валида он стал ему жаловаться, и гид сообщил мне, что мы сейчас поедem

в другое отделение службы безопасности, где мне должны дать разрешение на прогулки по городу.

«Послушай, мне не нужны никакие военные объекты, мне не нужна уже даже Аль-Оджа, я просто хочу походить по городу, раз уж я сюда приехал. Может быть, посмотреть на какие-нибудь места, связанные с президентом. Скажем, мечеть, где он молился», — увещевал его я. «А ты не хочешь лучше вернуться в Багдад? Ожидание в отделении может затянуться», — услужливо предложил Валид. Я предпочел подождать.

В этом участке Валид пропал надолго. «Почему у вас все так сложно?» — начал я допрашивать шофера. «Приказ государства!» — с многозначительным видом ответил он. Но после паузы объяснил, что в Тикрите особо жесткий порядок, особо суровые спецслужбы. А все потому, что это родной город президента.

Дело шло к вечеру, и, поняв бесполезность ожидания, я согласился возвращаться в Багдад. Однако дело приняло уже более серьезный оборот. Ко мне вышел рыжеволосый офицер и попросил проследовать за ним. В участке меня подвергли обстоятельному допросу: «Где ты научился говорить по-арабски? Зачем? Какая у тебя религия? Много ли в России христиан? Не пил ли ты по дороге виски?» Минут через пятнадцать он потерял ко мне интерес и стал задавать вопросы шоферу. Потом снова мне, но с явно

скучающим видом. На все мои вопросы он отвечал, что нужно подождать минут десять.

Вдруг вернулся Валид, а с ним еще один человек, поприветствовавший меня по-русски. Я подумал, что допрос продолжится на русском языке. Но он ограничился парой незначительных вопросов. Словно единственная цель появления этого человека была проверить, тот ли я, за кого себя выдаю, умею ли говорить по-русски. Затем он с явным разочарованием объявил, что я могу возвращаться в Багдад. Поимка шпиона сорвалась.

Пока мы ехали к выезду из Тикрита, нас еще раз четыре остановила полиция. Когда город наконец остался позади, Валид вдруг поинтересовался: «А что, в России можно ездить везде, куда хочешь?» Я задумался, а он следом задал еще один вопрос: «Неужели можно свободно ездить по городу, где родился президент Путин?»

● «Даст Бог, они погибнут»

Это был не последний раз, когда мне пришлось столкнуться с Валидом. В тот день, когда США начали бомбить Багдад, я начал обзванивать своих иракских знакомых. И обнаружил номер его домашнего телефона.

Трубку взяла взволнованная женщина, назвавшаяся женой Валида. Она сказала, что Валида сегодня нет

и завтра не будет. Услышав, что я знакомый Валида из России, Иман, так представилась женщина, не стала вешать трубку.

— Я очень надеюсь на то, что Америка очень скоро потерпит сокрушительное поражение. Даст Бог, они погибнут. Эти захватчики не смогут нас сломить. Весь Ирак будет сопротивляться до тех пор, пока последний американец не погибнет. Мы никогда не отдадим нашу землю агрессорам.

— А что сейчас происходит в Багдаде, Иман?

— Я даже не знаю. Я сижу дома, не выхожу и узнаю обо всем по радио и телевизору. Я знаю все то же самое, что и вы.

— Вы не ходите на улицу, потому что опасно?

— Да. На улице опасно, — коротко ответила она.

— А у вас в доме есть электричество, вода...

— Да, все работает. И радио, и телевидение. Я все время слушаю новости. Там говорят, что американцы несут потери.

— А во время бомбежек вы уходите в бомбоубежище?

— Нет. Нет у нас бомбоубежища. Я все время сижу дома. Мне очень страшно.

Я собирался задать еще какой-то вопрос, но Иман вдруг меня перебила.

— А вы мусульманин? — резко спросила она.

— Нет, я христианин.

— А вы знаете, что человек не имеет права убивать

невинных? Вам разве никто никогда не говорил, что нельзя разорять дома, грабить и насилловать? — вдруг накинулась она на меня. Я начал успокаивать ее, говоря, что тоже убежден в том, что никто не имеет права убивать людей. И вдруг Иман заговорила со мной совсем другим тоном.

— Брат мой Михаил. Я хочу вас попросить об одном. Вы понимаете, я все время сижу дома. Не выхожу. Я не знаю ни о чем, что происходит. Поэтому, пожалуйста, больше не звоните мне. Хорошо? Пообещайте, что не будете звонить. Я правда ничего не знаю. И уверяю вас — уже очень скоро мы победим, — говорила она с неподдельным ужасом.

Она замолчала. Я ждал, что она еще что-то добавит, но она ничего не говорила. Пауза затянулась.

— Брат мой Михаил. Пожалуйста. Мы обязательно очень скоро победим. Я ничего не знаю, правда. Не звоните больше.

Мне казалось, что она сейчас попрощается, но она продолжала что-то говорить таким тоном, будто я взял ее в плен и начал жестоко допрашивать. Тогда попрощался я. Она с явным облегчением ответила мне и тут же повесила трубку.

ДИКТАТОР УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДИКТАТОР!

13 декабря 2003 года в окрестностях Тикрита без единого выстрела прошла операция американского спецназа под кодовым названием «Красная заря» — Саддам Хусейн был задержан.

О местонахождении Хусейна американцам сообщили его приближенные, арестованные за несколько дней до этого. Он прятался в каменном колодце (2 x 2,5 м) на ферме своего повара Кейса Намука. При задержании Саддам не оказал сопротивления, хотя у него были изъяты два пистолета и автомат Калашникова. Это официальная версия властей США. Между тем в Ираке и за его пределами давно ходили самые разные слухи, мифы и легенды о судьбе Хусейна.

Саддам давно умер

Во время правления Саддама Ирак полнился слухами и мифами о жизни президента. Любой житель страны мог рассказать немало любопытных и взаимоисключающих историй (конечно, без свидетелей и только на улице). И речь даже не о легендах о великих доблестях Саддама, созданных иракской пропагандой. И не о историях о его садизме, распространенных пропагандой западной. Народная молва вообще не была уверена, существует ли человек, которого зовут Саддам Хусейн.

— Все это происходит потому, что Саддам давно умер, — оглядываясь по сторонам, шепотом рассказывал мне еще год назад в Багдаде студент Идрис.

Он подрабатывал официантом в кафе. В тот вечер посетителей было немного, и они с подружкой Ходой подсели ко мне за столик.

— Да-да, еще в 1995 или 1996 году, — подхватывала девушка. — Но это, естественно, скрыли. Кусей (младший сын Саддама Хусейна. — *прим. автора*) лично расстрелял всех врачей, которые лечили президента, а потом нашел актера, которого и показывают по телевизору, выдавая его за Саддама. На самом деле, конечно, правит Кусей.

— От чего же он умер?

— Не знаю. Скорее всего, его отравили. На него ведь несколько раз покушались. В еду добавляли медленнodelствующий яд. Его еле спасли кубинские врачи.

А он потом лично расстрелял всех поваров и охрану. Но весь яд вывести из организма не удалось — он его и убил.

— А еще рассказывают, — перебил девушку Идрис, — что, может быть, его убило окружение. Может, даже Удей (старший сын Саддама Хусейна. — *прим. автора*). Но я не верю — если бы это сделал Удей, Кусей бы отомстил.

— А почему вы уверены, что он умер?

— Ну, его никто не видел уже давно. И потом, будь он жив, он бы нашел выход из этого кризиса. Он был очень хитрый.

Саддам живет на Гавайях

Но далеко не во всех преданиях Саддам представлял усопшим героем. Иногда наоборот — предателем. Услышать такое в Ираке мне не довелось, зато многие арабы, жившие в России, любили рассуждать на эту тему. Одна знакомая, вернувшаяся из Ирака за неделю до начала войны, рассказывала, что войны не будет, потому что Саддам все продал и договорился с США. Она была знакома с начальником охраны вице-президента Тахи Ясина Рамадана. Но за неделю до начала войны она не смогла найти его в Багдаде — родственники объяснили ей, что он в тайной загранкомандировке. Друзья намекнули, что в США.

— Ты понимаешь, что это значит? Он всегда ездит только с Рамаданом. А Рамадан — второй человек в стране, доверенное лицо Саддама. Он наверняка поехал сдаваться, обговаривать условия поражения и почетной пенсии.

Когда война закончилась, а Саддам и вся его армия словно растворились, эта версия завоевала сердца многих иракцев.

— Конечно, он сейчас на Гавайях. Или в Майами. Иногда заезжает в Лэнгли — дать ЦРУ пару дельных советов, а потом опять едет к себе на остров, — уверял меня иракский студент, учащийся в Москве.

В подтверждение этой теории он даже вспоминал биографию Саддама — якобы из нее выпадало несколько лет. Окончив Каирский университет, Саддам пропал.

— Стажировался в ЦРУ, — объясняли мне. — Если он будет нужен американцам, он появится. Они доставят его, как джинна из бутылки, в нужный момент.

Русские вывезли Саддама в Минск

Народная молва, впрочем, отправляла Саддама не только в США. Еще сильнее усердствовали СМИ. Перед началом войны и (в меньшей степени) после ее окончания то и дело появлялись сообщения о том, что Хусейна видели где-то за рубежом. Арабская пе-

чать предполагала, что Саддам скрывается от американцев в Ливии, Мавритании, Египте, Белоруссии, на Кубе или в Северной Корее. На Западе, как ни странно, самой популярной оказалась версия «Саддам в Минске». В конце декабря прошлого года британская *The Sunday Times* утверждала, что Александр Лукашенко активно зазывает Хусейна к себе в гости — в Багдад даже приезжала официальная делегация из Минска, а затем спецпосланник Саддама, мэр Багдада, посещал Белоруссию.

В апреле, когда сотрудники российского посольства под огнем покидали Багдад, в арабских странах обсуждали одно: удалось ли русским вывезти Хусейна? Например, самой популярной историей в каирских кафе была такая: когда американцы подошли к Багдаду, Саддам спрятался в российском посольстве. Он договорился с «одним старым советским другом» (в нем угадывался Евгений Примаков, и правда приехавший в Ирак незадолго до войны), что дипломаты помогут ему бежать. Россияне в своем кортеже повезли Саддама в Иорданию. Но американцы узнали об этом и напали на колонну. История не давала ответа на вопрос, удалось ли русским дипломатам спасти диктатора. По одной версии, его все же вывезли, причем в Белоруссию — Владимир Путин якобы даже не знал об операции, поэтому лететь с Саддамом в Москву дипломаты побоялись. Другая версия гласила, что еще тогда Саддам был отбит у русских американцами и с тех пор находился в их руках.

Американцы убили Саддама еще весной

В ходе войны американцы «убивали» Саддама несколько раз. Сначала — в первый же день. Американские телекомпании поспешили сообщить, что первый же авианалет накрыл Саддама в его бункере. Вторая «смерть» настигла Саддама за два дня до взятия Багдада — 16 апреля. Тогда Пентагон объявил, что Саддам и его сыновья, скорее всего, находились в штаб-квартире разведки в районе Карх и погибли при бомбежке. Этой версии поверили многие. Видный российский арабист, хорошо знавший Саддама еще с 1970-х годов, уверял меня, что иракский лидер не пережил той бомбардировки: «При жизни Саддама сопротивление не могло прекратиться. Но как только он умер, все разбежались. Бои прекратились. И некому было встать на его место, потому что его сыновья ушли вместе с ним».

Саддам взорвал себя при аресте

Самая героическая версия смерти Хусейна родилась недавно — уже после того, как американцы объявили о его поимке. В тот день я связался с доктором Хусамом, успешным иракским бизнесменом.

— Никто не верит, что это он. Я все это время, конечно, точно знал, что он в Ираке. Но никогда не мог подумать, что случится такое! Этого не может

быть, — говорил он. — Ходит столько слухов! Говорят, тот, кого показывают американцы, — это не Саддам, а настоящий Саддам взорвал себя при аресте. Я разговаривал с американцами, судя по тому, что они говорят, им удалось выведать, где Саддам, пытая его приближенных. Они обрадовались, отправили 600 солдат, подняли шумиху, взяли с собой CNN. А в последний момент все сорвалось. Он не сдался, а взорвал себя. Но слухи уже начали просачиваться, кругом много журналистов. Поэтому они почти два дня, субботу и воскресенье, думали, как выкрутиться. И нашли дублера.

Похожую историю мне рассказала Мона, до войны работавшая в Министерстве информации Ирака. Раньше она сопровождала журналистов, приглядывая, чтобы они не заходили куда не следует. Сейчас ее навыки не востребованы, и она сидит дома.

— Какой же это Саддам? — гневно набросилась она на меня. — Он даже на двойника его не похож. Вы видели когда-нибудь Саддама? У него две родинки на лице слева: одна на виске, другая — чуть ниже, около уха. А у этого, которого американцы показали, только одна! Там, где он с бородой, хорошо видна родинка на виске, а другую не видно — она закрыта волосами. Но там, где он уже побрит, хорошо видно, что второй родинки нет! И потом, у него ямочка должна быть на подбородке. А вы-то сами неужели поверили, что это он?

Поверил, вообще-то, не только я, но и многие иракцы. Они объясняли мне, почему так много арабов

до сих пор не могут поверить в то, что арестовали именно Саддама.

— В арабском мире многие преклоняются перед Саддамом, — рассказал мне иракский публицист Салям Мусафир. — Не в Ираке, конечно. Большинство иракцев его ненавидит. Но арабы из других стран уважают его смелость, считают лидером арабской нации. И поэтому, когда американцы показали его в таком карикатурном виде, сказали, что он трусливо сдался, не оказав сопротивления, это был позор. Многие молодые люди в Египте, в Сирии, в Иордании хотели в тот день покончить с собой.

Саддама взял в заложники его повар

Но и среди тех, кто уверен, что пойманный американцами старик и есть Саддам, немало людей, подозревающих, что операция захвата проходила не так, как описали американцы. Любопытную версию на следующий день после ареста выдвинуло интернет-издание *DebkaFile*, известное близостью к израильским спецслужбам. Оно утверждало, что Саддам не прятался на ферме, где его нашли американцы, а удерживался там в качестве заложника. Якобы месяц назад, вскоре после того, как он выпустил свое последнее аудиообращение к народу, кто-то из приближенных похитил его с целью получить от

американцев награду — \$25 млн. Судя по всему, это был повар Саддама Кейс Намук. Месяц он торговался с американцами. Посредниками выступали курды из Патриотического союза Курдистана.

Но американцы решили поступить по-своему — арестовали похитителя, выпытали у него местонахождение Хусейна, затем прибыли на ферму, схватили сыновей повара, присматривавших за диктатором. И наконец, освободили обессиленного Саддама. Он, естественно, встречал их как спасителей, потому-то командующий войсками США в Ираке Рикардо Санчес и сказал, что Саддам был «разговорчив и готов к сотрудничеству».

В пользу этой версии говорило то, что из колодца, где держали Саддама, было невозможно выбраться без посторонней помощи. А курды признались, что приняли активное участие в операции по захвату Саддама. США курдскую помощь отрицают и называют арест Саддама своей блестящей спецоперацией.

Саддама арестовали еще летом

В многократно показанных по всем мировым телеканалам кадрах, запечатлевших бородатого Саддама Хусейна, место его ареста и радующихся американских солдат, иракцы обнаружили очень много странностей. Они-то и породили уверенность в том, что диктатора арестовали вовсе не 13 декабря, а намного раньше.

— Ну, во-первых, американцы сами запутались, — объяснял Салям Мусафир. — Они ведь выдвинули сразу несколько версий того, как его арестовывали. Сначала Пол Бремер (глава гражданской администрации Ирака. — прим. автора) и Рикардо Санчес заявили, что его застали врасплох и он не ожидал ареста. А уже на следующий день другой генерал говорил, что при виде американских солдат Саддам поднял руки и сказал: «Я президент Ирака и предлагаю переговоры». Эти расхождения немедленно породили теорию заговора. Знаете, на Востоке ведь всегда бывают теории заговора. После 11 сентября — особенно. Все уверены, что американцы вечно мухлюют, все, что они делают, — шоу. В показанных ими кадрах много подозрительного.

— Я ничего не заметил...

— На пленке, которую показали американцы, есть очень странная деталь: это место, где якобы прятался Саддам. Рядом с этой ямой растет пальма, а на ней хорошо видны финики. Так вот, в Ираке сейчас зима. А финики — такие желтые, как видны на пленке, — бывают только в августе. Я не знаю, как это расценивать, не хочу торопиться с выводами. Может быть, на самом деле его поймали гораздо раньше? Очень многие уверены, что американцы сняли очередное кино в голливудском стиле.

Саддама накачали

наркотиками и покрасили

Еще больше домыслов вызвал жалкий внешний вид Саддама. Свои версии вскоре выдвинули родственницы экс-президента. Его старшая дочь Рагад заявила телеканалу «Аль-Арабия», что против ее отца были применены психотропные вещества: «Как вы думаете, они смогли бы его поймать, если бы не применили против него наркотические средства?» С ней согласилась и ее тетка Наваль Ибрагим аль-Хасан. Сводная сестра Хусейна сказала, что его наверняка накачали препаратами, парализующими волю. «Если бы он мог себя контролировать, он сопротивлялся бы до самой смерти», — заверила она.

Подозрения иракцев, что Саддам на пленке был явно не в себе, усугубил странный, иссиня-черный цвет его волос.

— Обрати внимание на его волосы! Они же черные, будто их только что покрасили. А борода — седая, — говорил Саям Мусафир. — Он выглядит как карикатурный сумасшедший старик. Здесь не обошлось без американских имиджмейкеров. Они долго думали, в каком виде представить Саддама, чтобы развенчать его героический образ. Знаешь, я вчера разговаривал со своей сестрой — она плакала. Не потому, что она любит Саддама, нет, она его ненавидит. Но она была в шоке от того, что он похож на нищего, сумасшедшего

старика, какие бродят по Багдаду и просят милостыню. Если посмотреть на его волосы, видно, что краска совсем свежая. Просто какая-то халтура. Как будто ему только что покрасили волосы, а бороду не стали — чтобы посмеяться. Но мне кажется, что так американцы сделали себе еще хуже. Теперь их станут ненавидеть еще больше.

Саддам — это Джордж Буш

Удивительно, но когда Саддам на неизвестной американской военной базе ждал суда, в Ираке все еще всерьез говорили о том, что он может вернуться. Нечто подобное я услышал от знакомого багдадского учителя Юсефа, всегда раньше придерживавшегося диссидентских взглядов.

— Какая разница, что с Саддамом? Зачем о нем столько говорить? Никто не говорит, что у половины города воды нет и электричества. Раньше я боялся на улице, дома или на работе сказать лишнее слово. Я так устал от того состояния, думал, что хуже, чем при Саддаме, быть не может. А сейчас стало страшно просто выходить на улицу. Все время кого-то убивают. Американцы иракцев, иракцы американцев, но чаще всего — иракцы друг друга. Сейчас все вспоминают какие-то старые обиды и пользуются

ситуацией, чтобы отомстить. Но до этого никому дела нет. Американцы думают, что Саддама поймали — значит, война закончилась. Некоторые мои друзья даже стали надеяться, что Саддам еще вернется.

— А ты?

— А для меня он и не уходил. Я думаю, что Буш — это и есть Саддам.

ВОЙНА И МОЛОЧНЫЙ КОКТЕЙЛЬ

В 2004 году режим Саддама был свергнут, а американцы только начинали свою долгую, почти бесконечную войну в Ираке. В Дохе, столице Катара, где находились две очень крупные американские военные базы, Ас-Сайлия и Аль-Удейд, а также штаб центрального командования ВС США, я встретился с молодым американским летчиком.

Он был очень маленького роста, щуплый, на вид я не дал бы ему больше 16 лет. На нем была футболка какого-то американского университета — в любой другой ситуации я, наверное, подумал бы, что он — первокурсник, приехавший на каникулы и потерявшийся в незнакомом городе.

— Ты знаешь, я, наверное, не смогу тебе рассказать некоторые вещи по соображениям безопасности, — начал он.

— Да нет, мне не нужно ничего секретного. Просто поговорим о жизни.

— О'кей, здорово, конечно, давай поговорим, — с радостью согласился он, — только я не знаю, интересно ли тебе это: я, вообще-то, служу не здесь. Наше подразделение дислоцировано в Ираке, а сюда нас привезли на реабилитацию.

Я его успокоил, что это мне тоже подойдет.

— Нас привезли в Катар всего на четыре дня, вроде как на пасхальные каникулы. Это психологическая разрядка — для тех, у кого накапливается стресс. Понимаешь, когда ты долго находишься на войне, ты превращаешься как бы в зомби — тебе уже все равно, что происходит вокруг. Солдаты становятся равнодушны к смерти, им все равно, кого убивать. Поэтому они привозят нас проветриться, — просто душно улыбнулся он.

Мы зашли в соседнее кафе, он выбрал шоколадный молочный коктейль и начал рассказывать о себе. Его зовут Адам, он родом из Джексона, столицы штата Миссисипи.

— Я пошел в армию три года назад. И вообще-то собирался в этом году поступать в колледж. Но прошлой осенью мне сказали, что меня мобилизуют в Ирак на 18 месяцев.

— А тебя спрашивали, хочешь ли ты служить в Ираке?

— Да нет, особенно никого не спрашивают —

сначала просто сообщают, что твое подразделение переводят на Ближний Восток. А потом уже нам уточнили, куда именно.

— И что ты почувствовал, когда понял, что тебе придется воевать в Ираке?

— Да я поначалу расстроился очень, потому что понял, что не удастся в колледж пойти — по крайней мере, поступление откладывается на неопределенный срок. Еще дома осталась моя девушка, Меган, она живет недалеко от Джексона. Но потом сразу я почувствовал гордость за то, что мне придется освободить народ Ирака. Ты ведь знаешь, наверное, там был Саддам Хусейн, который заставлял свой народ страдать... Его поймали как раз в прошлом декабре, как раз в тот момент, когда меня мобилизовывали. Это было очень здорово. Все ребята были очень довольны, что он больше не сможет вредить нам и угнетать свой народ.

— И в какой части Ирака ты служишь?

— Около Багдада, наша часть находится к северо-востоку от города. Я служу в авиации, я пилот.

— Бомбы сбрасываешь?

— Ну нет, мы ведь не бомбим деревни, жилые кварталы, школы. Мы ликвидируем террористов и наносим удар только по тем местам, где они прячутся.

— И тебе когда-нибудь приходилось... — мне вдруг стало как-то неудобно продолжать уже начатый вопрос, но Адам понял, что я хотел спросить, и продолжил сам.

— Ты имеешь в виду, убивал ли я людей? — спросил он с какой-то детской виноватой улыбкой. — Ты понимаешь, если бы мы не убивали их, они бы убили нас. Они нападают на американских солдат. Они убивают моих товарищей. Если бы мы не напали на Ирак, эти люди, террористы, попытались бы нас уничтожить. Они же все ненавидят нас, американцев. Если бы мы их не остановили, они убили бы мою семью — и твою, наверное, тоже. Да, да, почему ты так смотришь на меня? Это правда.

— А как к вам относятся иракцы? Тебе ведь приходится сталкиваться с местными жителями?

— Да, конечно! Они все очень доброжелательно настроены. Они нас очень любят, очень благодарны нам за то, что мы избавили их от мистера Хусейна. Они приходят к нам, предлагают нам свои деньги, представляешь! Хотят взамен наши деньги... Ну они просто очень нас любят, и каждый хочет взять на память о встрече какой-нибудь сувенир.

— Адам, но если иракцы так благожелательно настроены, то почему же в Ираке сейчас началось восстание?

— Ты что, не понимаешь? Знаешь, кто такой мистер Садр?

— Мистер Садр? Да, конечно, — киваю я.

— Так вот, у мистера Садра был отец. Он был очень влиятельным проповедником, и у него было очень много последователей. А потом он умер, и все его

последователи перешли к его сыну. Тебе это трудно понять, у иракцев особая психология. И мистер Садр говорит, что мы должны уйти из Ирака. Мы, конечно, уйдем когда-нибудь, но не раньше, чем в Ираке установится демократия. Ты же понимаешь, что этот мистер Садр не хочет добра своему народу, он просто хочет власти для себя. А нам не нужна власть. Иракцы, они же как маленькие дети. Они очень многого не понимают, совершенно простых вещей, которые для нас с тобой очевидны. Но они не виноваты, это все потому, что их такими воспитали. Они еще не могут сами себе построить демократию. Бывает такое, что сегодня он фермер, а завтра он бросит свою мотыгу, к нему придет «Си-эн-эн», и он начнет выступать против американцев. А потом у него появятся последователи, и он начнет рваться к власти. Но мы же не можем позволить, чтобы такие проходимцы подбирались к власти.

— А тебе нравится президент Буш?

— Да, конечно. Он очень искренний, он всегда говорит то, что думает, никогда не лжет, и это видно. Это в нем и подкупает — ему хочется верить. Он не выносит, когда другие люди страдают, и хочет, чтобы всем было хорошо.

— Ты думаешь, он выиграет следующие выборы?

— Думаю, да. У него ведь рейтинг выше, чем у мистера Керри. Я бы хотел, чтобы президент Буш выиграл. У Джона Керри, конечно, тоже есть несколько очень хороших пунктов в программе, насчет образования,

например. Но все равно мне больше нравится президент Буш. Понимаешь, он сделал очень много хорошего для Америки. Многие, наверное, будут голосовать против него из-за войны. Они говорят, что это совершенно не наше дело, надо оставить Ирак в покое — пусть иракцы делают, что они хотят. Моя мама говорит так. У меня вся семья собирается голосовать за Керри — они считают, что он прекратит войну в Ираке, и я вернусь домой. Они готовы на все, лишь бы я поскорее вернулся. Но я понимаю, что так нельзя, это безответственно и нечестно по отношению к иракскому народу. И президент Буш это понимает...

— Ты будешь голосовать за Буша?

— Да... Знаешь, на самом деле мне все равно. Ну, в смысле, если выиграет мистер Керри, я тоже не расстроюсь. В этом случае я и правда, может быть, вернусь домой...

— А как ты представляешь свою жизнь после войны, дома?

— Ты знаешь, в самом начале, когда меня только перевели в Ирак, было очень странно оказаться после полной свободы в ситуации, когда я не могу выходить из лагеря, всюду какие-то ограничения... После всего этого вернуться домой будет просто удивительно. Это будет совсем другая жизнь. Даже представить себе этого не могу сейчас. Не будет войны? Я буду дома? Все мои друзья пошли своими доро-

гами, разъехались, кто-то уже чего-то добился. Я понимаю, что мне придется заново учиться жить у себя дома. Когда я вернусь, я не буду никого знать. А в моем возрасте это уже довольно непросто.

— А сколько тебе лет?

— Мне? Девятнадцать.

В этот момент к нам подошел один из товарищей Адама.

— Познакомьтесь, это Джон, а это Михаил, — сказал Адам, — он журналист из России. Он не выспрашивает ничего секретного! — на всякий случай добавил мой собеседник.

Джон пристально посмотрел на меня, а затем присоединился к разговору:

— Ты знаешь, со временем воевать становится даже весело. Раньше, в Америке, я работал в банке, и это было довольно скучно. А сейчас мы с Адамом летаем на вертолете — он рулит, а я стреляю. Ты знаешь, иногда стрелять так забавно!

— Да нет, не слушай его, — очень серьезным тоном перебил Адам, — это совсем не весело. Никогда, ни в какой ситуации убивать людей не бывает забавно. Не говори так.

— Ладно, на самом деле у нас транспортный вертолет. И стрелять приходится, только если по нам открывают огонь.

— И часто по вам открывают огонь?

— В Ираке кто угодно может выстрелить, любой

фермер, — вдруг признался Джон. — Работает он у себя в поле, видит — вертолет летит, побежал, схватил в канаве автомат — и давай стрелять.

А мне приходится отвечать.

— Точно, у этих фермеров оружия навалом, — вторил Адам, только что расписывавший мне добродушные иракцев.

— Но ты же говорил, что вы боретесь только с террористами? — продолжал допытываться я.

Адам и Джон при этих словах как-то болезненно улыбнулись.

— Да, мы ведь боремся с террористами. Мы не стреляем по мирным жителям. Но нам приходится убивать, чтобы не убили нас. Ты был когда-нибудь в Багдаде? — вдруг спросил Адам.

— Да, — признался я.

— И я. Он сейчас выглядит так, как будто прошел торнадо. Все разворочено, разбито. Но это не потому, что мы старались разрушить город. Мы не хотели разрушать весь город! Мы же наносили удары только по военным объектам, по дворцам Саддама. Мы не бомбили школы и частные дома. Но террористы нас вынудили...

— Извини, а как ты думаешь, почему эти террористы ненавидят американцев?

— Ну, им не нравится наш образ жизни. Они ненавидят то, как у нас одеваются женщины... Еще мы — самая свободная страна, и они ненавидят нас

за то, что у нас столько свобод... Им не нравится наш образ жизни.

— Иракцы говорят, что ненавидят американцев за то, что вы на них напали.

— Но ведь мы не первые начали! — почти закричал на меня Адам. — Ты не помнишь 11 сентября? Это было ужасно. Это они объявили нам войну. Как нас в школе учили — никогда не начинай драку первым. А они начали, и теперь им приходится отвечать.

— Но ведь 11 сентября в тех самолетах не было иракцев...

— Да, но мистер Хусейн, он ненавидел Америку! Он ненавидел американцев, не раз жег американские флаги! Он был очень богатым человеком и все время давал деньги террористам, Осаме бен Ладену. А Афганистан был логовом террористов, и нам пришлось прогнать их оттуда.

К нам подошли две темнокожие девушки.

— Офицеры, — шепнул мне Джон, повернулся к ним и стал рассказывать про сделанные покупки. Одна из них позвала моих собеседников в автобус.

— Ладно, ты нас извини, у нас не очень много времени, — начал прощаться со мной Адам, — мы здесь, в Катаре, всего три дня — завтра назад, в Ирак. Надеюсь, в следующий раз встретимся уже в Америке. Если хочешь, можешь потом еще с кем-нибудь пообщаться — сейчас очень много ребят привозят. Сплошным потоком, каждый день. О-очень много.

Он с шумом допил свой молочный коктейль и поспешил на войну.

III КИРГИЗИЯ.

БЕСКОНЕЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ





Первая киргизская революция для меня произошла очень быстро. Я едва успел приехать в Бишкек и написать, что она вот-вот случится, — и она сразу случилась.

С другой стороны, киргизская революция для меня тянулась очень медленно.

День 24 марта 2004 года вообще казался бесконечным — его я провел на площади Ала-Тоо, пытаюсь вычислить, с какой стороны сейчас нападут. Справа митингующих закидывали камнями, слева наступали всадники, справа же стоял ОМОН, толпа волнами бегала то в одну, то в другую сторону — сначала отступала под натиском, а потом сминала нападавших. Мне

приходилось бегать вместе с ней, но я все время ловил себя на мысли, что хочу только одного: чтобы все это как можно скорее закончилось. Не важно как — но чтобы я мог с чистой совестью уйти писать репортаж. Но ничего не закончилось. Ни в тот день, ни на следующий, ни через месяц, ни сейчас. Я написал уже больше десятка репортажей, а противостояние в Киргизии все еще продолжается: волна то нахлынет, то схлынет.

Сейчас я понимаю, что борьба вообще никогда не заканчивается. Ее можно бросить, а можно даже и не пытаться — но выиграть нельзя. А если тебе кажется, что ты победил, то уже в следующий миг тебя, вероятнее всего, обманут. И нужно будет бороться опять за тот самый один счастливый миг.

РЕВОЛЮЦИЯ. ОТ НАРКОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ДО КАБИНЕТА ПРЕЗИДЕНТА

● Утро в больнице

Революция началась с небольшого курьеза, случившегося несколько месяцев назад. Клиника доктора Назаралиева, лечащая от наркомании и алкоголизма, разместила по всему городу рекламные щиты с надписью «Папочка, не пей!». Они провисели ровно день. В администрации президента увидели в них намек на Аскара Акаева, и рекламу приказали снять. Доктор Назаралиев обиделся. И вчера приютил у себя в медицинском центре оппозиционный митинг, который и перерос в революцию.

В девять утра перед больницей уже около тысячи человек с плакатами «Акаева в отставку» и «Доктор, мы с тобой!». С козырька парадного подъезда выступают лидеры оппозиции. Вдруг на улице прямо перед толпой появляется новый министр внутренних дел Кенешбек Душебаев. Его только вчера назначили, но он

уже прославился тем, что разогнал митинг и, как утверждают оппозиционеры, приказал раздать милиции табельное оружие. Министр улыбается:

— Если ваш митинг будет мирным, мы вас пальцем не тронем. Я от вас не прячусь, пришел посмотреть, о чем вы говорите. Милиция с народом. Мы не сделаем вам ничего плохого, если вы не будете нарушать порядок.

Митингующие в восторге.

— Молодец! — кричат аксакалы и жмут ему руку.

На министра нападают журналисты.

— В каком случае вы примените спецсредства? — спрашивает журналист ТВЦ Вера Кузьмина.

Министр отворачивается. Журналисты преследуют его. Минут через десять погони он все-таки отвечает:

— Ну, вы сами можете почитать закон о правоохранительных органах. Там написано, что в случае массовых беспорядков мы можем применить газ, резиновые пули и дубинки. Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

После этого интерес журналистов к министру сразу спадает. И мы с ним остаемся вдвоем.

— Оппозиция утверждает, что в городе находится несколько грузовиков с камнями и провокаторами, которые будут понуждать милицию применить силу против митингующих. Вы знаете об этом? — спрашиваю я.

— Я об этом ничего не слышал, но постараемся этого не допустить. Если митинг будет мирным, я думаю, мы вместе справимся с провокацией.

— Правда то, что некоторые высокопоставленные сотрудники МВД перешли на сторону оппозиции?

— Да о чем вы говорите, какие стороны? Никто не переходит ни на какие стороны. Видите, я же специально сюда пришел посмотреть, о чем здесь говорят, какие здесь лозунги. Я сам с народом и хочу показать, что вся милиция с народом.

— А почему вчера разогнали митинг на Советской улице?

— Он не был санкционирован городскими властями. Но все равно всех, кого мы вчера задержали, мы отпустили.

— А сегодняшний митинг санкционированный?

— Нет, но я сюда пришел, посмотрел на него и думаю, что если он будет мирным, то мы ничего не будем предпринимать.

— А если вам отдадут приказ стрелять, как вы поступите?

— Кто мне может отдать такой приказ?

— Президент.

— Нет, он не может мне такого приказывать. Милиции приказываю только я, и я такого приказа не отдам.

— А что вы можете сказать о событиях в Джалал-Абаде, других городах, которые контролирует оппозиция?

— Законной является только та власть, которая избрана на выборах, а не та, которая захватывает госучреждения.

— Хорошо, но вы будете с ними бороться, попытаетесь взять мятежные области под свой контроль? Министр резко разворачивается и уходит. Его как раз позвали на трибуну — выступать перед народом. Я тоже иду внутрь клиники, поднимаюсь на третий этаж поговорить с ее хозяином Женишбеком Назаралиевым. Он сидит в кабинете. Перед ним на столе лежит винтовка.

— Да, все наши акции будут мирными, но, если милиция откроет огонь, мы не отступим. Мы ответим выстрелом на каждый выстрел, — говорит он, хватая винтовку и трясет ею в воздухе.

— Вы уверены, что свергнете Акаева уже сегодня, не будете ждать до президентских выборов в октябре?

— Нет, только сегодня. Мы уже не отступим, мы сметем эту власть прямо сейчас.

— А что потом?

— А потом переговоры. Создадим временное правительство, объявим парламент нелегитимным. И в октябре проведем президентские и парламентские выборы.

— Но многие ваши коллеги по оппозиции с вами, скорее всего, не согласятся.

— А я не имею никакого отношения к оппозиции. Я с народом. Мне не надо власти. Я не стремлюсь к ней, хотя у меня уже сейчас 95 % из ста стать президентом, потому что со мной народ! Но мне этого

не нужно. У меня есть мои пациенты, и я должен с ними работать.

Я спускаюсь вниз. Навстречу идут министр Душебаев и приехавший лидер оппозиции экс-премьер Курманбек Бакиев. Они заходят в зал заседаний вести переговоры. Первый этаж забит их охраной. Между ними бродят потерянные пациенты — излечивающиеся наркоманы. Появляются врачи, они требуют, чтобы телохранители ушли. Телохранители отказываются. Врачи просят в переговорную — требуют от Бакиева и Душебаева, чтобы те отослали охрану. Они дают добро. — Теперь все вон отсюда, — торжествующе говорит кто-то из врачей, — кроме журналистов.

Министр уехал. Начинается заседание координационного совета оппозиции. Курманбек Бакиев рассказывает, что министр пообещал ему: демонстрантам дадут свободно пройти, если они не будут мешать дорожному движению. Мы все вместе выходим из здания. Бывший депутат Оксана Малеванная раздает каждому по нарциссу. Колонна демонстрантов трогается в сторону центра. Шествие растягивается на полкилометра. Они идут к местному «майдану» — площади Ала-Тоо. Машин нет, милиции тоже. Министр выполнил свое обещание. Люди на тротуарах машут шествию и улыбаются. Во главе колонны идут Курманбек Бакиев и другие лидеры оппозиции: экс-глава МИД Роза Отунбаева и депутат парламента Азимбек Бекназаров.

● От нарциссов к тюльпанам

На бишкекском «майдане», площади Ала-Тоо, уже стоит толпа. Все они с голубыми ленточками на рукавах.

— Это акаевские, это провокаторы, им заплатили по 50 сомов, — шепчут демонстранты.

У самих оппозиционеров ленточки желтые и розовые — под цвет нарциссов и тюльпанов.

Но «голубые повязки» не трогаются с места, они выстроились чуть правее площади и равнодушными взглядами провожают колонну оппозиционеров. Демонстранты заходят на площадь. Она очень большая, и они сразу на ней растворяются. Тысяч пять занимают меньше одной пятой площади. Лидеры сразу поднимаются на трибуну, стоящую здесь с советских времен. Курманбек Бакиев начинает произносить речь. Толпа скандирует: «Ба-ки-ев! Ба-ки-ев!» Я отхожу в сторону, поговорить с «голубыми лентами». Они неохотно, но все же рассказывают, что большинство из них — сотрудники электросетей, их сняли с работы, ничего не платили, просто засчитали выход на площадь за полноценный рабочий день.

— А что, плохой рабочий день? Стоять тут, курить? — говорит мне Валера, один из «голубых». — А на самом деле мы за мир, за то, чтобы не было беспорядков. Мне вообще не нравится Акаев, его семья все скупала, жить никому не дает.

— Так тогда же твое место на митинге, — говорю я.
— Да какая разница, они ничем не отличаются от Акаева.

В этот момент летят камни. Группа «голубых повязок» обошла митинг слева и начала забрасывать его камнями — камни полетели и в ответ. Начинается паника. Несколько тысяч с ревом бегут. Лидеров оппозиции сметают с трибуны. «Голубые» их преследуют. Почетный караул, стоящий около поднятого на площади государственного знамени, бежит в другую сторону. Паника, вопли. Митинга как не бывало. Посреди площади лежит человек с проломленным черепом.
— Тигры, назад, все ко мне! — кричит один из организаторов «голубых повязок».

— А, все понятно. «Тигр» — это частное охранное предприятие, которое всегда нанимает Акаев, — шепчет мне спрятавшаяся под трибуны старушка.

— Я работала наблюдателем на выборах, знаю, что «Тигры» агитировали за дочь президента.

Через минуту демонстранты возвращаются. Они схватили нескольких «голубых» и жестоко избивают их ногами. Около получаса никто не может ничего понять. «Голубые» убежали, «желто-розовые» толпы бродят по площади, опасаясь того, что те вернуться. В ожидании они отдирают мраморные плиты от пьедестала памятника и разбивают их на булыжники. Вдруг со стороны улицы Советской появляется колонна «желтых» с транспарантом «Ош». Это подмога южан. Они пересе-

кают площадь и идут прямо к Белому дому — президентской резиденции, которая находится от площади метрах в пятистах. Все подходы к ней преграждают ряды омовцев. Начинается потасовка. Толпа бежит от Белого дома назад к площади. Омовцы, стуча дубинками по щитам, бегут следом. Их встречают градом камней. Омовцы останавливаются и закрываются щитами, но силы явно не равны. На краю многотысячного митинга образуется маленький островок из порядка 200 омовцев, который засыпают кусками мрамора. Подождав с минуту под градом камней, омовцы бегут назад к Белому дому. Толпа бежит следом.

Около двух часов дня опять же со стороны Советской улицы появляется новая колонна — это второй митинг во главе с Алмазом Атамбаевым. Их митинг начался на два часа позже бакиевского, и они шли из другого места — с Алма-Атинской улицы. Эти лидеры подготовились лучше. Они едут во главе процессии на грузовичке и вещают в громкоговоритель. И у них, в отличие от лидеров первого шествия, в руках уже не нарциссы, а тюльпаны. Алмаз Атамбаев выглядит триумфатором, его соратник и одновременно конкурент в борьбе за лидерство Бакиев бежал от камней, и теперь он может занять его место.

Однако на трибуну он не идет, а залезает на кабину своего грузовика. Он начинает говорить о том, что его митинг мирный, не надо насилия, надо про-

сто стоять на площади — Акаев и так их всех боится и сам уйдет. Но активную часть толпы словами уже не удержать. Все больше людей бежит в сторону Белого дома. Омоновцы, сначала спрятавшиеся от толпы за оградой здания, забегают в Белый дом.

Я тоже бегу к президентской резиденции, железные ворота уже распахнуты, передовые отряды митингующих сломали деревянные двери. В окна Белого дома летят камни. Через несколько минут изнутри разбивают окно первого этажа и там появляется человек в национальном колпаке и победно вскидывает руки — Белый дом пал.

● Дым победы

В холле Белого дома огромная лужа — мучимые жаждой люди открыли пожарный кран, и теперь вода мощным потоком хлещет на мрамор. Откуда-то уже тащат упаковки итальянского печенья и минеральной воды. Я прохожу к одной из лестниц, по ней вниз бегут солдаты. — Бегите отсюда, а то вам всем плохо будет, — советует им кто-то из восставших.

Солдатики молодые. Это новобранцы, которых держали на крыше здания, про запас. Чиновники и ОМОН успели эвакуироваться еще до штурма, а про солдат забыли. Они выходят через главный вход — прямо навстречу толпе. Толпа расступается и пропускает их

к воротам. Я поднимаюсь наверх — все говорят, что кабинет Акаева на седьмом этаже.

В парадном кабинете уже собирается толпа. В акаевском кресле сидит известный киргизский правозащитник в колпаке и кричит в мегафон, что нельзя допустить мародерства, не надо ничего трогать. По соседству — личная комната президента. Сбоку беговая дорожка, на столе книги, в шкафу подарки иностранных лидеров. На полу лежит разбитая и растоптанная фотография в рамке: Аскар Акаев и Владимир Путин на берегу Иссык-Куля. В одной из соседних комнат слышен шум. Там кухня. Голодные молодчики уже вскрыли холодильники.

— Ба, да тут икра! Будешь? Так-так... Вино, давай открывай. Шампанское!

Я смотрю на их лица, и мне кажется, что недавно видел их в толпе «голубых повязок». Хотя какая теперь разница.

Иду дальше — навстречу мне два седовласых человека тащат в руках огромные картины, снятые в зале заседаний.

— Вы не смотрите на нас так. Мы сами художники. Картины-то дешевка, но очень багет понравился.

Я возвращаюсь в приемную и замечаю у дверей несколько милиционеров и строго одетую женщину. Они стоят как вкопанные и с ужасом смотрят на входящих в кабинет президента людей. Я пытаюсь их разговорить, получается не сразу.

— А зачем вам про меня что-то знать, — с презрением говорит мне женщина, — лучше возьмите интервью у этих «демократов».

— А почему вы не ушли со всеми?

— Я тут работаю и не уйду, пока меня не уволят.

— Да, правильно, — вторит ей стоящий за ее спиной прапорщик, — мы здесь, чтобы охранять это здание, и не собираемся бежать. Вы знаете, кто первым бежит с корабля?

На столе перед женщиной штук десять телефонов. Один из них звонит. Она снимает трубку:

— Да? Как дела? Все нормально, — вешает трубку.

— Вы знаете, я вам одно скажу. Да, я секретарь президента. А еще я человек военный. И жалею сейчас только об одном, что мне сегодня не выдали табельное оружие.

— Ты секретарша Акаева? Что ты здесь делаешь? — кричит ей какой-то старик.

— А тебе не стыдно? Как ты себя ведешь? У тебя есть дети? Как ты будешь им после этого в глаза смотреть?

— А за что мне должно быть стыдно? Это Акаеву и тебе должно быть стыдно. Это Акаев довел свой народ до такого безумия. Это вот вы с ним тут сидите в теплых кабинетах, а народ там с голоду пухнет. Это все твой Акаев! — орет он.

— Нет, мой Акаев... — перебивает секретарша.

— Твой Акаев говно, — не слушает старик.

— Нет! Это вы говно. Что же вы тут творите?

— Ах так, люди, идите сюда, тут секретарша Акаева!

Люди подбегают мгновенно, с двух сторон хватают ее за локти и пытаются вытащить из-за стола. Она молчит. Милиция, я и еще одна подбежавшая женщина пытаемся ее отбить. Один из нападающих размахивает кухонным ножом. Наконец милиционерам удается затолкать ее в маленькую соседнюю комнатку. Она садится в кресло и закрывает лицо руками.

Вскоре в кабинете появляется Курманбек Бакиев. Он забирает у правозащитника мегафон, в акаевское кресло не садится и обращается к толпе. Он требует, чтобы они прекратили беспорядки и немедленно разошлись. Говорит по-киргизски и отказывается повторить по-русски, говоря, что эти слова не для журналистов.

— Вот сегодня они торжествуют, а через два дня будут все грызть друг другу глотки, — говорит человек рядом со мной. Он представляется как Чингиз, эксперт экономического отдела администрации президента. Он тоже решил не уходить отсюда. Рассказывает, что первыми из Белого дома эвакуировали женщин, еще до начала штурма, а еще раньше — Акаева:

— Если бы президент был в здании, у охраны был бы приказ открывать огонь, а так он уехал и приказа не дал.

Я иду вниз. В большом зале потерянно бродит Роза Отунбаева. Она в шоке и не может разговаривать.

Подростки, уже разгромившие столовую, бегают, бьют стекла, срывают шторы. Активисты оппозиционного молодежного движения «Кел-Кел» пытаются взять на себя роль охраны и усмирить буйствующих. За Белым домом поджигают два автомобиля, они горят, и дым охватывает все здание.

Где-то в Белом доме начинается заседание лидеров оппозиции. Говорят, что сейчас сюда привезут Феликса Кулова — одного из лидеров оппозиции, бывшего вице-президента, отправленного Акаевым в тюрьму. Однако найти, где проходит это заседание, мне не удастся. Зато очень скоро я вижу растерянного Алмаза Атымбаева. Он вместе со своей охраной пытается выбраться из здания. Все входы забаррикадированы, чтобы не пускать туда новых мародеров. В коридорах часто встречаются прилично одетые люди, оружие на мародеров и тщетно пытающиеся их усмирить.

— Не пишите, пожалуйста, про это, не надо. Пожалуйста, не омрачайте нашу революцию, — просит меня один из них.

— А вы не видели случайно кого-нибудь из лидеров оппозиции? — не замечаю я его просьбу.

— Я и сам один из лидеров оппозиции.

Я выхожу из Белого дома. На площади Ала-Тоо еще идет митинг. Алмаз Атамбаев снова что-то говорит про мир и порядок. Ближе к вечеру становится известно, что

по городу начинаются грабежи. Громят супермаркет Beta Stores — он, по слухам, принадлежит жене Акаева. Быстро закрылись все заправки НК «Альянс» — жители Бишкека почему-то считали, что ими владел сын Акаева, Айдар. Все прочие магазины тоже перестают работать, улицы становятся необычно темными. Говорят, что вот-вот должен собраться парламент. По национальному телевидению совершенно неожиданно включают ток-шоу, за столом в студии сидят известные оппозиционеры и лидеры молодежной организации «Кел-Кел». Известная телеведущая государственного телевидения, как обычно, строгим и сухим голосом представляет их и в конце добавляет:

— Вот те люди, которые принимали участие в сегодняшних...

Она делает длинную паузу.

— ...В сегодняшних мероприятиях.

Пауза становится еще длиннее.

— В сегодняшнем празднике народной победы, — вдруг осмеливается ведущая.

БЕЗВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

● Порядок в умах

В пятницу утром из здания парламента выбегали депутаты. Толкая друг друга, они пытались протиснуться в черный ход, но была открыта только одна створка, поэтому получалось очень медленно. С ужасом в глазах они садились в машины по пять-шесть человек в одну и уезжали.

— Там толпа! Толпа вломилась в здание и все громит! — кричали депутаты.

Им еще повезло, журналисты с гостелевидения, например, пытались выбраться через боковую дверь, но она была заперта, и тогда они вышибли ее. Да так, что она не просто слетела с петель, а разлетелась на куски.

Дело в том, что сейчас в Киргизии есть два парламента и каждый из них считает себя законным. Есть старый, полномочия которого истекают в апреле этого года. Он был избран еще по старой конституции, и по-

этому он двухпалатный. В нем задает тон оппозиция, вернее, вчерашняя оппозиция, уже взявшая власть в свои руки. Новый парламент был избран в феврале этого года. Согласно новой конституции, он уже однопалатный. Выборы были чудовищно скандальные; как утверждают противники экс-президента Аскара Акаева, итоги голосования полностью сфальсифицированы. Из 75 депутатов две трети — родственники президента и его ближайшего окружения или известные в стране «авторитетные» предприниматели. Именно эти парламентские выборы и привели к падению Аскара Акаева. Все последние антипрезидентские митинги организовывали люди, поддерживавшие проигравших кандидатов.

Конфликт старого и нового парламентов обострился в четверг ночью, сразу после революции. Верховный суд принял решение отменить регистрацию всех новых депутатов, то есть у победителей выборов отобрали депутатские мандаты. А значит, более законным органом власти Верховный суд признал старый двухпалатный парламент.

Однако вчера утром на площади прошел слух, что в здание проникли вовсе не старые, а новые депутаты. И народ взорвался. Чтобы очистить законодательную власть от скверны, толпа вломилась в здание. До разгрома не дошло, а к народу вышли избранные накануне ночью спикер нижней палаты Эшенбай

Кадырбеков и новый премьер, он же и. о. президента Курманбек Бакиев. Они успокоили народ, заверив всех, что «новых депутатов» в здании нет.

Гнева толпы, впрочем, испугались не все избранные. Разбежалась только нижняя палата, сидящая на втором этаже, а значит, более доступная для погромщиков. Заседавшая этажом выше верхняя палата не испугалась. Ее члены ждали у себя Курманбека Бакиева, который должен был представить им свой новый кабинет.

С третьего этажа Бакиев спустился на второй, в нижнюю палату, вместе с председателем Конституционного суда Чолпон Баековой. Там им пришлось решать уже совсем другую проблему. Этим депутатам новое правительство понравилось, но они очень боялись, что вскоре у них отберут их мандаты. Парламентарии требовали принятия специального закона, который гарантировал бы то, что законным является именно их старый, а не новый парламент. И. о. президента Бакиев и глава КС Баекова сопротивлялись.

— Зачем нам наживать себе 75 новых врагов? — вопрошали они. — Вы ведь и так легитимны. Вот и работайте. А делать ваши кресла более прочными совсем не обязательно. У нового парламента ведь и так регистрацию отобрали.

Дебаты продолжались до тех пор, пока спикеру Кадырбекову не принесли записку.

— Мне тут доложили, — прервал он ораторов, — что к нам движется давно ничего не евшая и неинформированная толпа. Что будем делать? Давайте отпустим президента, и пусть он выполняет свои обязанности — наводит порядок в стране.

Курманбек Бакиев стремительно вышел, но был настигнут журналистами.

— Как вы будете бороться с мародерством? Вы собираетесь вводить чрезвычайное положение? Будет ли сегодня комендантский час? — спрашивали у него.

— Это решится в ближайшие два часа — скорее всего, это неизбежно.

Впрочем, никакого чрезвычайного положения введено так и не было.

● Порядок на улице

Вчера в послереволюционном Бишкеке впервые появился свой полноценный майдан. На газоне между центральной площадью Ала-Тоо и Белым домом разбили палаточный городок. Тут поселились ошане, джалалабадцы и прочие гости столицы, приехавшие в Бишкек делать революцию. Они расположились прямо на траве, тут же поставили казан с пловом. Раздавали его строго по списку.

— А вы плов не продаете? Нельзя ли у вас купить порцию? — нерешительно спросил я.

Суровая женщина с черпаком в руке покачала головой:
— Только для революционеров.

Вокруг меня шумной гурьбой бегали революционеры лет пяти. Их старшие братья повисли на решетке, ограждающей Белый дом, и внимательно смотрели внутрь. А те, кто был постарше, развлекались на площади. Там наконец-то стали использовать сцену, поставленную здесь еще неделю назад по случаю праздника Навруз. Теперь вокруг нее собралась толпа тысяч в пять-семь, и еще человек 500 стояли на сцене. Каждый по очереди выходил к микрофону и говорил все, что думает. В потоке киргизских слов то и дело выделялись хорошо знакомые «продажный Акаев», «бесчинства и погромы», «хороший депутат», «демократический процесс».

Однако самые уважаемые люди из народа находились даже не здесь. Они контролировали Белый дом. Еще накануне, в революционный вечер, эта многотысячная толпа каким-то образом избрала из своих рядов 17 достойнейших. И именно этот «комитет семнадцати» взял в свои руки Белый дом. Заодно, как признались эти 17, они взяли в заложники всех оставшихся в здании сотрудников администрации президента — на всякий случай. Продержали их ночь, а потом отпустили.

Еще этот «комитет семнадцати» от имени народа ходил в парламент и к президенту Бакиеву разбираться, кто войдет в новое правительство. Они очень

громко кричали на сенаторов и требовали от президента, чтобы в кабинете министров не было ни одного акаевца. Больше всего они протестовали против министров экономики и образования. Но потом Курманбек Бакиев им что-то пообещал, и довольные представители народа пообещали ему уважать его выбор.

● **Беспорядок в природе**

Вчера на улицах Бишкека снова появились милиционеры. Их нигде не было видно с начала штурма Белого дома. И всю ночь шли погромы. Как рассказал мне один из офицеров, отвечающий за порядок в центре, в день революции вся милиция была собрана на площадке за Белым домом. Но приказа двигаться им так и не дали — зато вскоре после штурма посадили в автобусы и увезли в Первомайское РУВД. Там они отсиделись, переоделись и разошлись по домам.

За ночь их отсутствия Бишкек разгромили. Из супермаркетов вынесли все продукты, из магазинов одежды охапками тащили джинсы, носки и белье. Утром в Бишкеке рассказывали, что кому-то повезло: он вломился в казино.

Вчера все магазины в городе были закрыты. На ЦУМе висело большое объявление: «Магазин закрыт,

товар вывезен». Прошлой ночью толпа пыталась ворваться и сюда. Уже даже разбили стекла. Но к магазину подъехали и. о. президента Бакиев и только что назначенный им куратор силовых органов Феликс Кулов. Они уговорили толпу отойти.

Вчера весь день именно Феликс Кулов занимался собиранием милиции, народных дружин и подготовкой к ночной схватке с мародерами. А ведь еще за день до этого утром он был простым зэком. Его, бывшего вице-президента страны, посадили несколько лет назад, поскольку он был очень популярен в народе и мог составить конкуренцию Аскару Акаеву на президентских выборах. Вчера же преемник Акаева Курманбек Бакиев предлагал ему возглавить спецслужбы. Феликс Кулов отказался, объяснив, что он не может сразу пересест с нар в министерское кресло — как юрист, он сначала хочет быть реабилитированным. Тем не менее занять неформальный пост ответственного за оборону Бишкека от ночных мародеров он согласился. Однако его приказу выйти на службу последовали далеко не все милиционеры. Как признался мне офицер Первомайского РУВД, на работу вчера не вышли около 30 % столичных стражей порядка, но, скорее всего, не вышедших на службу было намного больше — найти в городе человека в форме было вчера почти невозможно.

Целый день хозяева магазинов с неразбитыми стеклами обклеивали их картоном и вешали на двери объ-

явления, гласящие, что внутри ничего нет. А власти тем временем объявили, что уже найдены зачинщики беспорядков. Во всяком случае, утром назначенная главой МИДа Роза Отунбаева заявила мне, что «за погромами стоят люди народного депутата и криминального авторитета Сурабалдиева». Все принадлежащие ему и его друзьям торговые центры странным образом уцелели от погрома. А сам господин Сурабалдиев вчера не пришел на заседание парламента.

Почти не сомневаясь в его вине, сенаторы и члены «комитета семнадцати» потребовали предать его суду. Однако утвердить новый состав правительства верхняя палата так и не смогла. И после этого решила выйти на площадь и уговорить толпу разойтись. Приезжих же убеждали садиться в заготовленные для них автобусы и ехать из Бишкека. Едва выйдя из здания парламента, сенаторы столкнулись с большой группой молодых людей. В надвигавшихся сумерках лиц не было видно — депутаты заметно перепугались и чуть не побежали назад. — Не бойтесь, мы активисты молодежной организации «Кел-Кел», патрулируем, — успокаивали сенаторов.

И тогда парламентарии смелее пошли на площадь, успокаивать народ.

Но у народа, похоже, были другие планы. С наступлением темноты площадь, да и лица собравшихся

преображались. Они слушали речи сенаторов, одобрительно шумели, но отказывались разъезжаться по домам, обещая продолжать революцию. Позади трибуны разгуливали матерящиеся подростки с дубинами. Между ними, совсем их не замечая, бродила и разговаривала по мобильному телефону на английском языке новая глава МИДа Роза Отунбаева.

— А вы не боитесь? — поинтересовался я у этой интеллигентной женщины в клетчатом свитере и с рюкзачком на плечах.

— Я? А кого? — недоуменно спросила она. — За себя нет. А вот того, что снова начнутся грабежи, да. Боже мой, о чем они там разговаривают, — махнула она рукой в сторону выступающих с трибуны сенаторов, — пришли успокаивать народ, а устроили демагогию! Тоже мне, Гайд-парк!

Я собрался уходить. По дороге меня догнал сенатор Рустам Маманов.

— Я бы на вашем месте не разгуливал в одиночку, пойдите дойдем до такси вместе — так спокойнее, — предложил он.

У нас поочередно зазвонили мобильные телефоны. Идущие рядом молодые люди стали на них подозрительно коситься.

— А правительство-то вы утвердите? — спросил я.

— Нет, сегодня нет. Может, завтра... — как-то незаинтересованно ответил он. — А знаете, в этом мародерстве даже есть свой плюс. Все забыли о международ-

ных, межэтнических противоречиях, отвлеклись, — засмеялся мой собеседник.

Еще через 10 минут поднялся страшный ветер. Началась сильнейшая буря, которая срывала картон с окон, поднимала в воздух ворох бумаг, переворачивала металлические заграждения. Куда бежал народ, уже не было видно.

● **Контрреволюционная ситуация**

«Акаев должен уйти, но не таким путем». Бишкек живет слухами. В пятницу вечером вдруг начинают рассказывать, что кто-то отравил всю воду на водопроводной станции. Хозяйки в страхе не подходят к кранам. Ночью в спальнях районах говорят, что к ним идут полчища мародеров грабить квартиры. Старики хватают охотничьи ружья и выходят на балконы.

Утром в субботу рассказывают, что взбунтовался Кеминский район, родина Аскара Акаева, и тысячи кеминцев идут маршем на столицу.

— Ситуация под контролем. Там проходит мирная демонстрация. Там же находится и. о. главы МЧС Акматалиев, — убеждает меня на входе в здание МВД новый куратор силовых структур Феликс Кулов — бывший вице-президент, который еще неделю назад был заключенным.

Но один из его помощников рассказывает, что власть в Быстровке (так по-старому называют райцентр Кемин) захватил Кенешбек Душебаев, бывший министр внутренних дел, проработавший на этом посту всего один день — последний перед революцией.

Чтобы разобраться, мы отправляемся в Быстровку. Это всего в 100 км от Бишкека.

Уже на въезде в Кеминский район мы наталкиваемся на толпу. В центре ее стоит Кенешбек Душебаев. В последний раз я его видел за несколько часов до революции на митинге около клиники Назаралиева. Тогда он, еще глава МВД, был в гражданском костюме и объявлял, что он с народом. Теперь, чтобы быть еще ближе к народу, он надел национальный колпак.

Кенешбек Душебаев тоже помнит нашу встречу и сразу начинает рассказывать про то, что в четверг Курманбек Бакиев пообещал ему, что не поведет народ к Белому дому.

— Я тогда ехал к президенту Акаеву окрыленный. Я был убежден, что мне наконец-то удастся усадить стороны за стол переговоров, — доверительно рассказывает он мне.

Вообще-то, оппозиция до последнего момента утверждала, что готова на переговоры с Аскарком Акаевым, но тот отвечал по телевидению, что ему вести переговоры не с кем.

— Но все равно я не отдал приказ применить оружие

против демонстрантов. Потому что я с народом! — провозглашает Кенешбек Душебаев.

Народ кричит «Ура!». У каждого митингующего на рукаве — зеленая повязка. Здесь же стоит и. о. главы МЧС Акматалиев, тоже кеминец. Господин Акматалиев прославился во время так называемых аксыйских событий 2002 года, когда власти расстреляли мирную демонстрацию. Господин Акматалиев был тогда министром внутренних дел, и именно он нес ответственность за расстрел. Премьер-министром в тот момент был Курманбек Бакиев, он ушел в отставку в знак протеста и перешел в оппозицию. А господин Акматалиев был переведен на должность главы МЧС. Сейчас же он внимательно слушает речь Кенешбека Душебаева и молчит.

Зато остальные громко выражают свою поддержку. В руках они держат два транспаранта, казалось бы, взаимоисключающего содержания: «Нет государственному перевороту!» и «Поддерживаем генерала Кулова!».

Я прошу экс-министра объяснить, как сочетаются эти лозунги.

— Я очень уважаю Феликса Шаршенбаевича (Кулова. — *прим. автора*), — отвечает Кенешбек Душебаев. — Он офицер МВД, в высшей степени профессионал. Я имею честь по праву называться его учеником. Мне неизвестно, что произошло между ним и президентом Акаевым, почему Кулов был осужден.

Но я, как госслужащий, привык во всем полагаться на решение суда. Если суд так решил, значит, так надо. Однако сам Феликс Кулов не участвовал в государственном перевороте. Он же был в колонии. А когда вышел, в Бишкеке уже были вакханалия, убийства и грабежи. Он не причастен к их организации, он предлагает все усилия для их прекращения и пытается обеспечить стабильность.

Потом он объясняет, что митинг вовсе не против и. о. президента Курманбека Бакиева:

— Я очень уважаю Курманбека Салиевича. Он профессионал высочайшего класса. Но суть проблемы не в этом, а в том, что все должно решаться по конституции.

Настоящим президентом Кенешбек Душебаев считает Аскара Акаева и рассказывает, что в последний раз видел его в его кабинете в Белом доме незадолго до штурма.

Еще он говорит, что в последние дни все время скрывался и переезжал с места на место, потому что у него была информация, что с ним хотят расправиться. Бывший министр рассказывает, что скрывался, пока не узнал о притеснении своих земляков в Кеминском районе: — Я был возмущен и поспешил к землякам, когда узнал, что с ними делают захватившие власть. Почти у всех кеминцев есть родственники в Бишкеке, они звонят домой и рассказывают о том, что их избивают, насилюют, грабят. Они просят о помощи. Поэтому ке-

минцы и решили пойти в Бишкек, чтобы пресечь беспорядки.

— То есть не вы организовали это шествие?

— Нет, что вы! Они сами, я только приехал им помочь.

Правда, затем он рассказывает, что за время пребывания в Кемине успел отстранить от должности начальника местного РУВД — за то, что тот якобы позволил вывезти все оружие из местного отделения в Бишкек. По словам экс-министра, там его раздают мародерам.

По мере выступления Кенешбека Душебаева народ все больше горячится. Люди начинают его перебивать. Он отходит в сторону и дает им поговорить. Вперед выталкивают старичка, который рассказывает, как его недавно побили в автобусе за то, что он кеминский.

Потом они начинают рассказывать, что не признают революцию, потому что никакая это не революция, а бунт южан, захвативших столицу.

— Они же тупые! Неграмотные! Пришли и сразу начали грабить! Ну ладно, взяли Белый дом, но магазины-то зачем трогать? — начинает один.

— Празднуют сейчас, как будто другую страну захватили. Но кеминцев на колени не поставит! — подхватывает другой.

— А лидеры их вообще за Америку все! Они все накануне революции в полном составе вышли

из американского посольства. Откуда знаю? Так по телевизору Жириновский сказал! — заключает третий.
— И что вы сейчас собираетесь делать?

В их рядах замешательство. Они вовсе не выглядят агрессивно.

— А что? И пойдем на Бишкек! Мы должны спасти своих родственников от грабителей и насильников. Мы наведем порядок в городе. Мы же не варвары, мы никого громить не будем. Мы просто накажем мародеров. Мы вообще не за Акаева, мы воевать не хотим. Мы за порядок.

У кеминцев есть своя версия, по какой причине в Бишкеке устраивают беспорядки. Они уверены, что Курманбек Бакиев, когда станет президентом, сразу заявит, что в разгромленном Белом доме работать невозможно, поэтому временно нужно переехать в Ош, на его родной юг.

— А если они захотят переносить столицу из Бишкека — вот тогда будет война, — говорят люди.

Кеминцы на конях скачут по полю туда-сюда — позируют для телекамер. Минут через пятнадцать появляется новый лозунг: «Акаев должен уйти, но не таким путем».

Митингующих становится все меньше. Еще недавно они занимали почти всю дорогу, а сейчас переместились на обочину, вернее, на расположенную там детскую площадку. Кенешбек Душебаев стоит на детской горке и разговаривает с кем-то по мобильному телефону. Собравшиеся затаили дыхание.

— Ну что, пойдете на Бишкек? — спрашиваю я.

— Да нет. Многие уже разошлись, — отвечают кеминцы.

Кенешбек Душебаев заканчивает разговаривать по телефону и начинает обращаться к народу. Стоя на горке, он отчаянно жестикулирует, распаляется и явно пытается завести публику.

— Мы не допустим, чтобы над нашими земляками издевались! Не допустим, чтобы наших сестер насиловали южане! Если они не удовлетворят наши требования, мы пойдём на Бишкек!

Спускаясь на землю, Кенешбек Душебаев почти кричит мне:

— Сейчас поедem на переговоры с председателем Конституционного суда Чолпон Баековой и изложим ей наши требования. Мы требуем прекратить беспорядки и наказать мародеров! И еще мы требуем соблюдения конституции! Чтобы заседал новый законно избранный парламент!

Он и и. о. министра по чрезвычайным ситуациям Акматалиев садятся в «Мерседес» с литовскими номерами и отъезжают.

Их сопровождают еще три автомобиля. Они отъезжают в сторону Бишкека. Мы отправляемcя вслед за ними.

● Переговоры под абрикосами

Наш водитель уйгур Алик очень боится ехать за кортежем Душебаева и Акматалиева.

— Вам хорошо, вы уедете, а я потом останусь, меня эти кагэбэшники потом достанут, — жалуется он.

Мы убеждаем его, что они уже не министры и ничего не смогут ему сделать. Он не верит, но едет. Кортёж останавливается у обочины. Из машины выходит Кенешбек Душебаев и минут десять разговаривает по телефону, гуляя рядом с машиной. Затем машины едут дальше. Мы продолжаем погоню.

Через пять минут снова остановка. Кенешбек Душебаев опять выходит, опять разговаривает.

Через десять минут со стороны Бишкека появляется «Мерседес» Чолпон Баековой. Господин Душебаев все еще продолжает говорить и, увлекшись, уходит от дороги в поле. Чолпон Баекова выходит из машины и идет за ним следом. К ним подходит глава МЧС Акматалиев. По периметру их окружают четыре телохранителя.

Вскоре Акматалиев возвращается в машину, он замерз. Экс-главе МВД Душебаеву приносят его колпак. Глава КС Баекова кутается в плотную шаль. Они бредут вдвоем и останавливаются под абрикосовым деревом.

Вдали голубеет горный хребет. По степи во весь опор скачет чабан. Шелестит листва. В сени деревьев стоят двое — мужчина и женщина. Министр внутренних дел и председатель Конституционного суда.

Проходит полчаса. Кенешбек Душебаев покидает свою собеседницу, садится в машину и едет назад, к митингу.

Чолпон Баекова настроена благодушно:

— Меня пригласили в качестве посредника, как уроженку этого района и известного в Кемине человека. Я была очень огорчена, услышав о проблемах кеминцев. Оказывается, многих из них избивают в Бишкеке только за то, что они выходцы отсюда. Они возмущены и говорят: «Мы при Акаеве не получили многого, и сейчас нас унижают». Вообще-то, я не имею права вмешиваться в политические процессы, но у меня уже нет сил терпеть. Я, простите, просыпаюсь утром, еще полуголая, а мне со всех сторон звонят и просят моей помощи. Приходится вмешаться в ситуацию, чтобы обеспечить какое-то мирное решение. Я выслушала все требования, мы планируем вечером провести переговоры между Бакиевым, Куловым и представителями Кемина. Душебаев поехал к митингующим рассказывать обо всем и спрашивать их, согласны ли они с нашими предложениями.

— А вы не связываете все эти события с личными политическими амбициями Душебаева и Акматалиева?

— Ну, я вполне могу допустить наличие у них политических амбиций. Они ведь все из больших семей. А вы видели сам митинг? Какие у них лозунги?

— Они заявляют о том, что легитимным президентом является Акаев.

— Да? Мы все были ошеломлены тем, как с нами поступил Аскар Акаевич. Как он нас бросил. Я два дня добивалась, чтобы он меня принял. Я хотела выступить посредником на переговорах между ним и оппозицией. Предложить ему уволить наиболее одиозных своих приближенных, это бы позволило выпустить пар. Но он не принял меня. Я ни в одном сне не могла себе представить, что такое со всеми нами может случиться.

Чолпон Баекова — очень решительная женщина. В Киргизии она давно завоевала репутацию высшего авторитета в решении спорных вопросов. Для оппозиции она стала кумиром, когда признала неконституционным закон, запрещающий проводить митинги без предварительного разрешения властей. За это на нее серьезно разозлился Аскар Акаев.

Машина Душебаева возвращается. Он подходит к госпоже Баековой и хочет снова вести ее под абрикосы, но она начинает разговор прямо при нас.

— Чолпон Турсуновна, я даже не знаю, — мнетя экс-министр, — многие так агрессивно настроены. Сложно будет нам уговорить их не идти на Бишкек. Очень трудно.

Экс-министр перед Чолпон Баековой похож на нашкодившего школьника перед учительницей.

— Кенешбек, значит, мы вас назначаем гарантом

стабильности в районе. Все слышали? Я надеюсь, вы урегулируете ситуацию, — безапелляционно заявляет глава КС.

— Я постараюсь, Чолпон Турсуновна.

Они разъезжаются. До самого вечера по радио сообщают о некой колонне кеминцев, которая собирается идти в Бишкек. Ночью констатируют, что кеминцы передумали.

● Последний ЦУМ революции

Ближе к ночи в Бишкеке снова появляются толпы. Но это уже ополченцы. Около бишкекского ЦУМа их около 500. Половина из них в красных повязках, это члены народных дружин, другие в желтых — это добровольцы, в основном сотрудники магазинов.

Защитники ЦУМа объясняют:

— Мы защищаем революцию от мародеров. Мы не очень интересуемся политикой, нам главное — чтобы был мир. Но так получилось, что ЦУМ остался, наверное, последним в городе крупным неразграбленным магазином. Как бы последний бастион. Раньше мы думали, что самое надежно охраняемое здание в городе — это Белый дом. А он сдался первым. Оказалось, надежнее всех охраняется ЦУМ, и его мы не отдадим. Это наш город, мы тут живем, и мы обязаны его защищать.

— Мы просто нормальные жители Бишкека, хотя сам я, например, россиянин, из Кемерово, но живу здесь и собираюсь тут жить, поэтому обязан защитить свой город, — говорит парень с желтой повязкой и с палкой в руке.

После революции добровольцы приходят к ЦУМу каждую ночь. С четверга на пятницу все закончилось довольно быстро, к магазину подъехали Феликс Кулов и и. о. президента Курманбек Бакиев и убедили толпу разойтись. Но самое страшное было во вторую ночь, с пятницы на субботу.

— Первая волна погромщиков пошла на нас около семи вечера. Перелезали через забор и закидывали нас камнями. Мы побежали навстречу с палками. Так и отбились. Кого-то схватили, положили в канаву, так они у нас и лежали, пока их не забрали силовики. Потом была вторая волна. Но с ней мы тоже справились. А около девяти пошла третья волна. Мы думали, нас сомнут: их было сильно больше. Еще пара минут, и они бы нас замесили. Но в последний момент вдруг завыли сирены и подъехали менты. Мы им аплодировали. Некоторые даже плакали от счастья. Никогда в жизни не думал, что буду так рад ментам. Они реально спасли нам жизнь. Начали стрелять в воздух, и те побежали. А после девяти их уже не было. Да и силовики полностью взяли все под свой контроль. Молодец Кулов, вывел спецназ, бэтээры и военных. Да и дождик нам вчера очень сильно помог, остудил этих уродов.

— А откуда были мародеры? — спрашиваю я.

— Да местные, бишкекские, тут столько приезжих не наберется, — говорит парень из Кемерова.

— Врут те, кто говорит, что это ошане, приехавшие на революцию, разграбили город, — соглашается паренек с нунчаками. — Грабили местные, причем хорошо знали, где и что брать. Если посмотреть, какие магазины ограбили: дорогая сантехника, спортивные товары, электроника. Это ошане, что ли, выносили для себя джакузи? Или они себе в юрту хотели установить домашний кинотеатр? У них же там даже электричества нет. Конечно, грабили бишкекские.

Сбоку от магазина поднимается какой-то шум. Ополченцы кидаются в ту сторону, но скоро возвращаются.

Минуты через две двое дежурных ведут под руки беспризорника лет семи. Он пытался вломиться в стоящий рядом ларек. К нам подходит еще один защитник ЦУМа:

— Я тут только что по улице проходил, там «Мерседес» стоит, а в нем такие парни со скользкими лицами. Говорят: «Уходите отсюда, вас перебьют. Сюда идет толпа тысячи в четыре из Кемина». Я у них спрашиваю: «А вы кто? Покажите ваши документы». Они заерзали, спрашивают: «А зачем тебе?» Я пошел звать ментов, и они сразу смылись. Хотели спугнуть нас.

Через несколько часов ополченцев меняют вооруженные солдаты. Ополченцы обнимаются с ними

и быстро разъезжаются по домам, пока еще ходят маршрутки. Ночью грабежей уже нет.

А утром в Бишкеке после долгих дней жары вдруг начинается снегопад.

Феликс Кулов пытается прекратить споры, он грозит арестами всем тем, кто попытается еще раз вывести народ на улицу.

Снег идет весь день. Он полностью засыпает окровавленную площадь Ала-Тоо, грязный Белый дом, побитый камнями ЦУМ, разграбленные рынки.

Революция закончилась.

Спустя много лет после начала киргизских революций, даже не верится, что все это правда случилось. Политика Киргизии сейчас кажется просто карикатурой политику. Трагическая притча про убийцу дракона, который сам превращается в дракона, стала фарсом. Сначала «демократ» Курманбек Бакиев сверг «диктатора» Аскара Акаева. Потом он сам стал диктатором, и с ним начал бороться его бывший товарищ, «демократ» Алмаз Атамбаев. Потом «диктатор» Бакиев назначил Атамбаева премьер-министром — и тот стал поддерживать диктатора. Потом уволил — и он перестал. Потом «диктатора» Бакиева свергли. Вскоре Атамбаев, который снова стал «демократом», избрался президентом и тоже стал «диктатором». Звучит как нелепость. Только внутри этой нелепости живут сотни тысяч людей.

● Революционерка в юрте

Ала-Тоо, центральная площадь Бишкека, с утра воскресенья выглядела почти как киевский майдан Незалежности в период «оранжевой революции».

В глубине площади установлена сцена, по бокам эмблемы и лозунги оппозиционного движения «За реформы!». Здесь же палаточный городок (около 200 двухместных палаток), а слева от сцены — с десяток больших киргизский юрт. Полтора года назад, во время «революции тюльпанов», такого не было.

Накануне, осматривая юрты, я заглянул в одну из них — с металлической дверью. Там, в углу, за компьютером сидела Роза Отунбаева, несколько раз занимавшая пост главы МИД Киргизии, в том числе в первые полгода правления Курманбека Бакиева.

В углу юрты лежала большая красочная книга об «оранжевой революции» на Украине.

— Это я принесла, — радостно сообщила Роза Отунбаева, — мне подарил украинский министр.

Мы уселись на пластиковые стулья посреди юрты, и она стала рассказывать, чего добивается киргизская оппозиция.

— Мы хотим не просто смены власти. Мы хотим изменения политической парадигмы! А то Бакиев захватил всю власть, которая была у Акаева, и кайфует, — втолковывала мне экс-глава МИДа.

Единственным способом вентиляции и освещения в юрте является большая дырка в потолке.

Сквозь нее пробивался луч солнца, который бил Розе Отунбаевой прямо в глаза.

— Нам нужно изменить весь алгоритм власти, — про-должала она, — многие наши соседи выбрали парла-ментскую форму правления: Монголия, Турция, Индия. Мы докажем, что даже в Центральной Азии можно быть демократической страной.

● Политика как козлодрание

Карьер в горах близ села Орок. Полчаса езды от Биш-кека. На траве лежит обезглавленная туша козла. К ней срываются двадцать всадников, которые, остер-венело толкая друг друга, начинают кружить над коз-лом — каждый стремится его схватить. Минут пять над тушей царит хаос. Кони кусают друг друга, всад-ники лупят хлыстами. Один из наездников, пригнув-шись, хватает тушу с земли и вырывается из гущи. Остальные бросаются вслед. Еще чуть-чуть, и они его догонят — но вот он подлетает к краю поляны и сбрасывает козла в очерченный круг. Судья свистит. Всад-ник ликует, но человек с микрофоном объявляет, что победа не засчитана — туша вылетела за пре-делы круга.

Это козлодрание, национальный киргизский спорт. Его первое правило — если игра началась, ее уже не остановить. Всадники в борьбе входят в такой азарт,

что не могут остановиться, даже если один из них падает под копыта.

Революции проходят по похожим правилам.

— Мы с командой приехали бороться, — говорит Каныбек, один из участников соревнований.

— А завтра в Бишкеке начнутся митинги. Присоединитесь?

— Если команда решит поехать в Бишкек, я пойду с ними.

— Не думаешь, что вас здесь собрали именно для этого? Обычно праздники козлодрания проводят осенью или зимой, а не весной во время сева.

— Да. Наверное, так, — лаконично говорит Каныбек. В одной из юрт на краю поля сидит Болот Шерниязов, депутат и миллионер, один из лидеров оппозиции. Это он организовал нынешний конный праздник, а также основал национальную и даже международную федерацию такого удивительного вида спорта, как козлодрание.

— Это соревнование как-то связано с тем, что завтра в Бишкеке начнется антипрезидентская акция?

— Если я отвечу по-другому, вы ведь не поверите?

Он говорит, что всадники вмешаются, только если в Бишкеке начнутся беспорядки. Он показывает карту столицы, которая прислонена к стенке юрты, — на ней размечено, где можно разместить всадников:

— Мы все распланировали, но я боюсь вести их в город. Сюда, на соревнования, приедут 500 спортсме-

нов-наездников. Это хорошо обученные, сплоченные команды. Ими можно эффективно руководить, и за их действия я могу отвечать. Но за ними же увяжутся и простые люди на конях. Этих контролировать уже будет невозможно.

Поэтому Болот Шерниязов несколько раз повторяет, что сделает все, чтобы всадники не отправились в город, — хотя многим из них этого хочется. Всадники — это как силы ядерного сдерживания, которых в городе очень боятся, поэтому, наверное, сделают все, чтобы не допустить их появления. Депутат раскуривает «Парламент». Вокруг юрты слышится конское ржание. — Безнаказанность развращает. Наш президент имеет неограниченную власть, а страной управляют его родственники: братья, сын. К тому, что мы делаем, можно относиться по-разному. Вот у нас национальный вид спорта — козлодрание. Еще один национальный вид спорта — принимать новые конституции. Мы это делаем постоянно. Но, может, это не так и плохо? Политическая культура киргизов на голову, а то и на две выше, чем у соседей. Наша страна развивается как демократическое государство. И знаете почему? У нас есть еще одна народная игра. Называется ордо — в нее играют костями. Очень сложная, интеллектуальная. Главный ее смысл — выбить хана! Ни у одного соседнего народа такой игры нет. А у киргизов демократия заложена на генетическом уровне! Наши люди понимают, что президенты и министры — это слуги народа.

● На старте

В центре Бишкека уже все готово к началу масштабной акции. На площади возле парламента уже стоит с десяток юрт — в них живут участники голодовки, требующие досрочных выборов президента. На площадь заезжает огромный грузовик, полный разобранных юрт — их в кузове не меньше пятнадцати. Главный вдохновитель акции — Феликс Кулов, долго работавший с президентом Бакиевым в тандеме в качестве премьера, спасший его во время выступлений оппозиционного движения «За реформы!» в ноябре прошлого года. В начале этого года он лишился поста главы кабинета и перешел в оппозицию. Теперь он лидер объединенного фронта «За достойное будущее Кыргызстана!», который вместе с движением «За реформы!» выступает против президента.

— Я не настаиваю на немедленной отставке президента. Но люди этого требуют и готовы стоять до конца, — рассказывает он. По его словам, оппозиционерам уже некуда отступить.

— Нашим активистам звонят и угрожают убийством. За себя я не боюсь. Но мои сторонники переживают — говорят, что, если мы не будем действовать, нас по одному перебьют.

— А вы не думаете, что власть применит силу?

— Нет, потому что силовые структуры на нашей стороне, — отрезает Феликс Кулов.

Бывший милиционер Феликс Кулов и правда пользуется среди силовиков почти безграничным влиянием. — Вы не требуете немедленной отставки Бакиева. Какова же ваша цель? — спрашиваю я.

— Досрочные выборы президента и конституционная реформа. Мы должны разработать новую конституцию и назначить дату досрочных выборов. Другой вопрос — когда. Одни говорят — осенью. Я думаю, не успеем. Скорее всего, в следующем году.

Выступления сторонников Феликса Кулова должны начаться сегодня в два часа дня.

● Борьбу не остановить

Власти давно ждут выступления оппозиции. Говорят, что в столицу привезли несколько подразделений милиционеров из Оша. С другой стороны, Курманбек Бакиев пошел на серьезные уступки. Сначала подписал закон о создании общественного телевидения. Потом назначил новым премьером одного из самых видных оппозиционеров из движения «За реформы!» Алмаза Атамбаева. Еще недавно господин Атамбаев яростно боролся против тандема Бакиев — Кулов, но после отставки последнего стал ратовать за компромисс с президентом, не желая работать на своего давнего недруга Феликса Кулова. Вчера рабочая группа во главе с премьером Атамбаевым разработала новый вариант консти-

туции, который президент немедленно подписал и внес на рассмотрение парламента. Недавние оппозиционеры проводят презентацию нового варианта основного закона в киргизском Белом доме. Представляя новый проект, премьер Атамбаев смеется.

— Мы долго спорили, ругались. Но, как говорил Чебурашка в мультфильме, мы строили, строили и наконец построили.

Новая разработанная бывшими оппозиционерами конституция почти совпадает с ноябрьской, принятой в прошлом году на волне выступлений движения «За реформы!». Она ограничивала полномочия президента. Курманбек Бакиев сначала подписал ее, но потом повернул все вспять и принял декабрьскую конституцию, сделавшую его хозяином страны. Теперь же ноябрьскую конституцию хотят вернуть.

— Президент осознал свою ошибку и хочет ее исправить, — объясняет премьер Атамбаев.

Согласно новому проекту правительство уйдет в отставку, а парламент в течение пяти дней изберет нового премьера.

— Я совершенно не держусь за свое кресло, — хвастается Алмаз Атамбаев.

Премьер уверяет, что все требования оппозиции учтены и «дальше о чем-либо кричать несерьезно».

Превратившись из оппозиционера в госчиновника, Алмаз Атамбаев вдруг полюбил легенду о ры-

царе, который, победив дракона, сам в него превращается. Правда, он уверяет, что ему повезло, ибо он драконом не стал. Более того, новый вариант конституции станет «путами для любых новых драконов».

— Про нашу страну говорят, что у нас нестабильность. Но мне кажется, что это нестабильность текущей воды, которая вымывает всю грязь. Вот у наших соседей — стабильность. Но это стабильность мины! Она лежит тихо-мирно, а завтра может так рвануть, что всей страны не будет.

Еще он обещает, что власти применят против участников акции спецсредства только в том случае, если «какие-нибудь горячие головы начнут захватывать здания».

— Тогда у них потекут слезы. И все, — все так же радостно говорит премьер.

Мы выходим из Белого дома. Прямо у выхода буквой «П» выстроились спецназовцы.

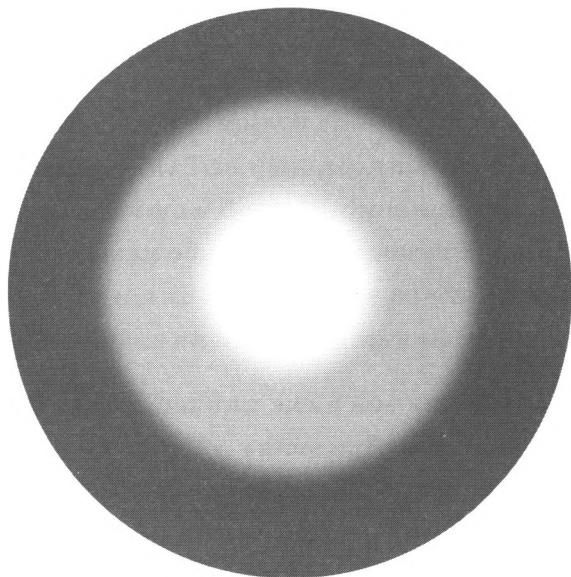
— Так, проходите быстро. Не снимайте, уходите, уходите, — командует их начальник всем журналистам.

Однако оппозиционеры радости премьера не разделяют.

— На самом деле Атамбаев — точно как тот дракон, о котором он так часто говорит, — уверяет Феликс Кулов. — Пришел, увидел власть и ничего не стал менять.

Феликс Кулов, кстати, и сам недавно был премьером. И тоже не стал ничего менять.

**IV АНДИЖАН.
 РЕПОРТАЖ
 С ТОГО СВЕТА.**





Андижан является, наверное, самой страшной страницей в истории постсоветского пространства. И точно самым страшным эпизодом моей журналистской работы. Так вышло, что мы (я и фотокор «Коммерсанта» Вася Шапошников, светлая ему память) были одними из немногих журналистов, находившихся в Андижане после расстрела и считавших лежавшие на площади трупы горожан.

После той трагедии для меня кое-что стало более ясным — но не «кто?», «почему?» и «зачем?». Я уяснил, пожалуй, только то, что я обязан вспоминать об Андижане, говорить и писать о нем снова и снова. А еще бороться с мифами и призраками — в первую очередь с мифом о международном терроризме, который якобы виноват в произошедшем. Вовсе не мифический терроризм расстреливал разбегающихся по городу людей, и не он отправил в тюрьму полгорода — по крайней мере всех, с кем я разговаривал в те дни. Призрак терроризма виноват только в одном — в том, что Андижан благополучно забыли.

● «Отдохнули и хватит»

Иностранных журналистов в Андижане нет. По крайней мере, об этом сообщают все официальные узбекские органы власти. Уже на следующий день после расстрела на главной площади в Андижане тех журналистов, кто был в городе во время митинга в пятницу, эвакуировали.

— В семь утра в субботу мы были на площади, — рассказывает мне немецкий журналист Маркус, — нас арестовали, три часа продержали в участке и сказали, что если мы не уедем в течение получаса, то на нас будут нападать. Сейчас мы в Фергане. Мы подождем и попробуем вернуться, хотя это, конечно, вряд ли. Сейчас они уже никого внутрь не выпускают.

Правда, мне попасть в Андижан все-таки удалось. — Сейчас мы будем проезжать через перевал, но на блокпосту ты говори, что турист и едешь в Коканд, —

инструктировал меня таксист. — Это древний город, они обязаны пропускать. Говори, что на экскурсию. А там уже, около Андижана, я как-нибудь проберусь сельскими тропами.

Дорога в Андижан просто сказочная. Сначала белые вершины гор, потом залитые солнцем хлопковые поля и сочная зелень деревьев, почти на каждом телеграфном столбе аисты.

К городу мы подъезжаем проулками, долго петляя.

В Андижане мало людей. Половина города перекрыта — улицы, ведущие в старый город, перегорожены грузовиками. Повсюду люди с автоматами: и в камуфляже, и в штатском. Они держат стволы так, как будто целятся по ногам, а когдаходишь к ним ближе чем на 50 метров, вскидывают оружие и смотрят на тебя через мушку.

В центр, в старый город, большинство таксистов ехать отказываются.

— Вот вчера один таксист взял подвезти беременную женщину, — жалуется мне шофер, — повез ее как можно быстрее, через старый город. Военные обоих расстреляли — и ее, и его.

Такси доезжает только до вокзала, а дальше стоят автоматчики. Идем пешком. Где-то в километре от главной площади я вновь замечаю такси. — Вам на площадь? Я все равно туда еду, подвезу.

Проезжаем недолго. Впереди появляются человек шесть, которые на белом полотнище несут тело.

— Прости, брат, — извиняется таксист, — высажу тебя. Я тут сейчас трупы вожу. Так что мне надо его погрузить.

Мы выходим из машины, и тело пытаются втащить на заднее сиденье.

Такси в Андижане очень маленькие — это автомобили ТИСО, производимые на здешнем заводе «Уз-Дэу», по размерам — не больше «Оки». Тело полностью на заднее сиденье не помещается, и шофер открывает заднюю дверь. Труп затаскивают через нее. Но ноги, завернутые в белую материю, все равно остаются торчать.

Мы идем дальше на площадь.

— Вы из Москвы? Идите туда, посмотрите. Ваша программа «Время» говорит, что убитых всего девять человек. Да их же там были тысячи! — говорят мне идущие навстречу прохожие.

На площади сначала я вижу обгорелый кинотеатр. Его подожгли в пятницу, он горел целый день, и только ночной ливень его погасил. От кинотеатра начинается газон, он тянется вдоль здания областного хокимията (администрации), напротив — памятник средневековому правителю Узбекистана Бабуру. Там и разложены трупы. Сейчас их не больше 50. В основном молодые парни. Тела лежат в ряд и до плеч накрыты тряпками. У многих лица в крови. Один из них как будто все еще пытается закрыться рукой от выстрела. Еще у одного почему-то связаны руки.

— Это только те, кого не опознали, а так почти что всех уже забрали. А вообще, вы знаете, утром сюда приезжали грузовики, пять или шесть, они забрали тела всех женщин и детей. Их были сотни. Их отвезли вон туда, за город, там, где холмы. И там сбросили в одну общую яму. Прямо как мусор! — кричат в толпе.

— А кто это сделал? — спрашиваю я.

— А кто все это сделал? Власть!!!

В это время около памятника Бабуру, метрах в двадцати от трупов, продолжается митинг. Выступает русскоязычный пенсионер.

— После того, что здесь шло, после того, как пролито столько крови, Каримов больше не имеет морального права оставаться президентом!

Не все в толпе понимают по-русски, но последнюю фразу все поддерживают.

Я отхожу от трупов. Они хотя и лежат в тени, из-за жары уже начинают издавать ощутимый запах. К тому же вокруг них продолжают толпиться люди, пытающиеся кого-то опознать.

Один из митингующих отправляется вслед за мной и начинает рассказывать историю произошедшего.

— Вот по телевидению говорят, что боевики прикрывались женщинами и детьми. Это неправда! Они вообще не брали в заложники женщин и детей. Это же были их собственные семьи, этих осужденных, их сторонников. Мы были вчера на площади. Тут

женщины сели в круг, а мужчины вокруг них, прикрывая их собой. Но потом вечером приехали бэтээры и стали стрелять во всех без разбора: и в женщин, и в детей, и в стариков.

— И сколько же погибло? — спрашиваю я.

— Тысяча, а то и две.

— Да нет, поменьше. Наверное, около пятисот, — вступает в разговор еще один мужчина.

— Да нет, ты сам подумай! — возражает первый. — Здесь только, на площади, было тел около семисот, еще несколько сотен на улице Чулпан. Ведь в пятницу вечером военные из мегафона пообещали, что дадут людям уйти с площади и не будут их трогать. И тогда часть толпы одной колонной отправилась на улицу Чулпан. С собой же они взяли и заложников. Но там их ждала засада, их всех положили.

— А кто у них был в заложниках?

— Несколько милиционеров, прокурор города, несколько сотрудников налоговой полиции и несколько человек из хокимията. Человек 20. Их всех расстреляли. Свои же, военные.

— Неужели власти расстреливали своих же?

— Это в других странах заложников пытаются спасти, а у нас открывают шквальный огонь. Кстати, и на площади очень многие милиционеры погибли, потому что их по ошибке застрелили военные.

— Хотите, я вам покажу, где тут что происходило, там еще во многих местах трупы лежат. Могу провести экс-

курсию по городу, — предлагает один хорошо говорящий по-русски митингующий. Его зовут Ахмад, он студент, провел здесь всю пятницу.

Мы сворачиваем на проспект Навои. Машин здесь нет. Прохожие жмутся к стенам. Под ногами звенят гильзы.

— Лучше давай пойдем с краю, по тротуару, а то они могут открыть огонь без предупреждения. Да, если нас остановят, скажи им, что я просто ваш гид, из гостиницы, — просит Ахмад.

Мы подходим к зданию Службы национальной безопасности. Сюда мятежники пытались прорваться — таранили железную ограду на пожарной машине. Но занять здание им не удалось. Сейчас оно окружено бэтэрами, и это место лучше обходить по противоположной стороне дороги.

— Хотите, я вам тюрьму покажу, которую мятежники брали штурмом, чтобы освободить своих родственников, она отсюда недалеко.

Но до тюрьмы мы не доходим. Дальше по проспекту Навои находится здание УВД. Автоматчики показывают знаками, что проход к нему закрыт, и мы останавливаемся прямо около моста, на котором висит большой транспарант: «Гуманность — основной принцип узбекского народа».

Мы сворачиваем в махаллю — жилой квартал, пытаюсь пройти к тюрьме дворами. Но и здесь нас останавливают. Около тюремной ограды сооружена

баррикада, из-за которой выглядывают несколько десятков автоматчиков.

В жилых кварталах на глаза то и дело попадаются маленькие машины ТИСО. У всех из задних дверей торчат завернутые в саван ноги. Одна такая машина глохнет прямо перед нами, и мы помогаем ей тронуться. Сидящий рядом с шофером мужчина начинает причитать.

— Трое погибших в одной семье, — переводит Ахмад, — трое сыновей. Прямо как в «Спаси рядового Райана». Сегодня вообще будет много похорон. Как видишь, сегодня Андижан — мертвый город. Ни машин, ни прохожих. Все сидят по домам. Кто-то боится, кто-то готовится к похоронам.

Вскоре похороны начинаются даже на главной площади. Поскольку по мусульманской традиции покойника надо предать земле в течение суток, неопознанных решили похоронить прямо там. Могилы вырыли на газоне перед хокимиятом. Мужчины совершают все положенные ритуалы. Женщины стоят поодаль и причитают.

— А кто же планировал весь этот мятеж?

— Как кто?! Их было 23 бизнесмена, которых еще с февраля судили за создание подпольной организации «Акримийя». Все это время родственники приходили к зданию суда и требовали справедливости. Но на этой неделе процесс должен был закончиться. Всем было ясно, что их посадят и вряд ли они когда-нибудь вый-

дут из тюрьмы. Вот вечером в четверг они и поднялись, — объясняет мне Ахмад.

— Но чего они хотели, чего добивались?

— Они думали, что весь город, все силовики пойдут за ними. Как это было в Киргизии. Там ведь милиция и армия не пошли против народа, не стали стрелять. Сначала сторонники этих акромистов взяли полицейский участок, где хранилось оружие. Потом воинскую часть. Те дежурные, которые стояли на посту у входа, еще сопротивлялись. А остальные не стали. Потом вся толпа пошла к тюрьме. Там ведь они тоже были уверены, что охранники перейдут на их сторону, но знаешь, как у нас устроено, все боятся. Если я против власти пойду, то всех моих родственников с работы повыгоняют. Поэтому их никто из силовиков поддерживать не стал. Они мне сами об этом вчера на площади говорили, — переходя на шепот, признается Ахмад, — в тюрьме они отпустили всех заключенных.

— А сколько их было?

— Человек 600–800.

— Заключенным они предложили выбор: кто хочет, идите с нами или делайте, что хотите. Некоторые разбежались по домам, но большая часть присоединилась к мятежникам. Им раздали оружие, и они отправились к хокимияту.

— Так что, они хотели делать революцию?

— Наверное, да. Вообще, неправду говорят, что «Акримийя» — это религиозная организация. Нет, с самого начала они хотели бороться против государственного строя, за свободу.

— И для этого они стали захватывать оружие?

— Иначе бы их никто не выпустил из тюрьмы. У нас же силовики дурные.

— И что они хотели делать, когда захватили хокимият?

— Не знаю. Но уже вечером, когда повсюду началась стрельба, они хотели уйти в Киргизию, но им не дали.

— Их всех расстреляли?

— Ну, почти. Хотя сегодня я на площади видел одного человека, который в пятницу ходил с оружием и выступал на митинге, призывал. Раз сейчас живой, значит, вовремя спрятался. А из-за него люди погибли.

Чтобы побольше узнать о зачинщиках восстания, я отправляюсь к Саиджахону Зейнабитдинову, известному и, наверное, единственному в Андижане правозащитнику. Во время суда над акромистами он был их адвокатом. Ему уже отключили все телефоны, он в эти дни старается не выходить из дома.

— Я понимаю, что местные силовики меня не очень сильно любят, поэтому, воспользовавшись этой ситуацией, они запросто могут меня шлепнуть, — объясняет он.

Зейнабитдинов рассказывает, что акромисты на самом деле в политику не лезли, а занимались только

бизнесом и благотворительностью. Например, строительная фирма одного из них даже возводила дом для хокима (губернатора) области. Все преследования против них начались с того момента, как в Андижане сменился хоким. Новый глава области хотел прибрать к рукам их бизнес, поэтому против них и возбудили дело по статьям, которые предусматривают конфискацию имущества. Однако правозащитник добавляет, что все акромисты были очень религиозными, а своим учителем считали Акрома Юлдашева, уже шесть лет сидящего в тюрьме. Юлдашев тоже был известным андижанским предпринимателем, его обвинили в религиозном экстремизме после того, как он написал книгу «Путь к вере».

— Обвинения были просто бредом, притянутым за уши. С самого начала суда, с февраля, их близкие, друзья собирались около суда. А в эту среду завершились прения и судья объявил, что время и место оглашения приговора будет объявлено дополнительно. Но, по моим данным, приговор акромистам прочитали прямо в тюрьме еще в четверг. Именно это и подвигло их на бунт.

— А когда вы с ними последний раз разговаривали? — спрашиваю я.

— Утром в пятницу они мне звонили из здания хокимията. Просили, чтобы я организовал им пресс-конференцию. Но я уже ничего не мог сделать.

— А что сейчас с ними стало? Их всех расстреляли?

— Я не исключаю, что кто-то из них мог выжить. У меня нет никакой точной информации, но вполне возможно, что сейчас будет продолжаться партизанская война. Вы сами видели, сколько здесь убитых. И не только акромистов, их друзей. Это и простые люди, митинговавшие на площади против правительства, да и случайные прохожие тоже. Сейчас у многих есть причина мстить.

Я выхожу от Зейнабитдинова. По дороге в гостиницу таксист рассказывает мне, что у его соседки на площади погиб сын. Утром он, уходя из дома, сказал жене: вот возьмем хокимият, и нам каждому дадут по \$3000. А утром привезли его труп. Сейчас мать плачет: «Зачем нам нужны были эти доллары?»

● Власти

Посреди проспекта Навои, со всех сторон оцепленного, наблюдается необычное скопление людей в штатском. Это странно, потому что обычно автоматчики всех отгоняют на тротуар, требуя не ходить по проезжей части. — Это руководители УВД, — шепчут мне прохожие, и я кидаюсь к ним с вопросом о количестве погибших. Мужчины хмурятся и отворачиваются.

— А кто отдал приказ стрелять? — не понимаю я.

— Никаких комментариев, — шепчут они и спешно рассаживаются по машинам.

Неподалеку от этого места ко мне подбегает женщина.

— Вы из России? И почему нигде у вас по телевидению не говорят, что мы сами рады этим милиционерам? Мы просим их защитить нас от этих голодных. Милиционеры все правильно делают, защищают нас от этих варваров. Мы же сами все видели, как их три месяца готовили, подкармливали возле здания суда. Наверняка готовили к этому безобразию, — горячится она.

— А вы кто? Откуда? — интересуюсь я.

— Я из неправительственной организации, которая называется «Шанс». Напишите, что меня зовут Ольга. Нет, напишите лучше, что меня зовут Алия. Я вам правду говорю, можете хоть у кого спросить. А ну, подтверди, — машет она проходящим мимо парням.

— Да нет! Что ты врешь?! — набрасываются на нее парни.

— Вы ее не слушайте, она ничего не знает и всего боится. Наверняка все это время дома просидела, одними слухами питаюсь, — пытается увести нас Ахмад.

— Милиция! Милиция! Спасите, меня сейчас эти голодные убивать будут! — кричит Ольга-Алия и бежит навстречу автоматчикам.

Они не двигаются, но и на мушку ее не берут.

— А ты не боишься тут с журналистами ходить?

Ведь, наверное, кто-нибудь может на тебя донести, — спрашиваю я у Ахмада.

— Да нет! Ты что! Ты же видишь, что вам люди очень рады. Зато если бы я с военными ходил, тогда бы меня ненавидели.

Вечером весь Андижан собирается возле телевизоров — смотреть пресс-конференцию президента Каримова. Глава государства терпеливо, в течение полутора часов, поглядывая в бумажку, озвучивает официальную версию произошедшего в Андижане. Сначала по-узбекски, а потом то же самое — по-русски — для журналистов. В холле гостиницы «Интурист» собираются все постояльцы, сотрудники и даже жители соседних домов. Президент начинает с предупреждения, что журналистам, аккредитованным в Узбекистане, не стоит называть акромистов «восставшими», потому что он сам считает их бандитами. Он говорит, что сам был очевидцем событий, потому что в восемь утра в пятницу прилетел в Андижан.

— Это неправда, — шепчут зрители, — не было его в городе. Может быть, один час в аэропорту посидел и уехал.

Президент рассказывает, что акромисты требовали освободить из тюрем всех их единомышленников и сторонников.

— А вот это правда, все так и было, — кивают зрители.

Президент рассказывает, что боевики прикрывались от огня женщинами и детьми. Зрители морщатся и молчат. В конце пресс-конференции Ислам Каримов начи-

нает философствовать. Вспомнив о революции в Киргизии, сравнивает ситуацию в государстве с паровым котлом. Иногда надо выпускать пар, а если крышка затянута слишком туго, то котел может взорваться, напоминает президент.

— В чем смысл? О чем он говорит? Если в Киргизии была туго затянута, то у нас она вообще перетянута, — недоумевают зрители. — Или он думает, что, расстреляв мирных граждан, он выпустит пар?

Утром в моем гостиничном номере раздается:

— Администрация гостиницы, — говорит голос за дверью.

Я открываю и вижу человека в черном, с автоматом, в бронежилете и в каске. Он предельно вежлив, интересуется, все ли у меня в порядке и нет ли жалоб. Вдруг у него звонит мобильный телефон. Чтобы вытащить его из кармана, он снимает автомат и кладет его на стол. Чтобы поднести трубку к уху, следом снимает и каску. Прием плохой, поэтому он отходит к окну. Следом заходит его напарник и видит странную картину. Я стою у стола, передо мной автомат, а сержант в черном стоит ко мне спиной.

Внимательно проверив все мои документы, они начинают увещевать меня:

— Вам лучше уехать из города. Отдохнули — и хватит! Туристы... Понимаете, да? Там ведь еще много их бегают. Ну, этих...

- Кого? — допытываюсь я.
- Ну, придурков. Они вооружены. А еще, кроме них, там есть преступники, криминальный мир, который выпустили из тюрьмы. Они могут попытаться взять заложников. Например, нас или вас. Для сенсации. Поэтому вы понимаете, что мы больше не можем нести ответственность за вашу безопасность.
- А до этого могли? — интересуюсь я.
- Не надо спорить. Мы из Службы национальной безопасности. Нам приказано охранять не вашу безопасность, а безопасность государства.

● Мир, Труп, Май

16 мая 2005 года в Ташкенте прошел митинг памяти погибших в выходные в Андижане. Массовых протестов не было. На митинг пришли несколько узбекских правозащитников с гвоздиками и около 30 российских журналистов с вопросом: почему никто в столице не реагирует на события в Андижане? Свой ответ на этот вопрос получил и я.

Как это ни странно, жители Ташкента знают о том, что случилось в Андижане. Вернее, догадываются. Местные СМИ сообщили о случившемся только то, что сказал в своем выступлении президент Ислам Каримов. Но для многих и этой информации было достаточно.

— Представляешь, прихожу домой, кидаюсь к телевизору, пытаюсь узнать, что там и как в Андижане. А там ничего — черный экран, — жалуется мне местный предприниматель Шукрат, — и радио тоже молчит. Ну просто смех. Когда ничего не происходит, все у нас работает, все нормально. Но чуть что случись — хоп, и они выключили рубильник. Никакого телевидения. Так что мы уже по этому научились определять: если телевидение не показывает, значит, опять происходит что-то страшное. А еще одно правило: на самом деле все не так, как говорят власти, а наоборот. Если правительство говорит, что жертв мало, значит, их — горы. Если утверждает, что террористы напали, значит, силовики кого-то покروшили и теперь отмазываются. Так все было в Андижане, да? Расскажи!

Шукрат, конечно, лукавит. Информации в Ташкенте намного больше: ее черпают из Интернета, из новостей спутниковых каналов «Би-Би-Си» и Euronews. Да и российские каналы местные власти не всегда вырубают вовремя.

— Я тут как-то прихожу домой, включаю телевизор, а там говорят: «Каримов — самый жестокий правитель в СНГ». Я аж вздрогнул, зову жену. И сразу же — хлоп. Выключили нам телевидение. Снова отдыхаем.

Еще один надежный источник информации — звонки родственников. Городские телефоны во мно-

гих городах Ферганской долины не работают, но мобильная связь, хоть и нестабильная, есть. «Силовики же тоже пользуются «соткой», поэтому и не могут ее выключить», — объясняли мне в Андижане.

Сейчас основное внимание Узбекистана приковано уже не к Андижану, а к маленькому городку Кара-Суу, находящемуся на границе с Киргизией. По несколько раз в день рассказывают, что Андижан уже подавили, а Кара-Суу пока не трогают, хотя власть там уже несколько дней принадлежит народу. Жители городка захватили хокима (мэра), сожгли городской хокимият (администрацию) — и вот уже несколько дней в Кара-Суу нет милиции, СНБ и прочих силовых структур. Жители Кара-Суу достроили недостающую секцию моста через реку, разделяющую территории Узбекистана и Киргизии, и тысячи людей со всей Андижанской области бросились в Киргизию, в Ош. О после-революционной Киргизии в Ферганской долине вообще часто говорят почти как о земле обетованной.

Точно так же, как и новости — по телефону и через Интернет, передают информацию о намеченном на три часа дня возложении цветов к Мемориалу мужества — памятнику жертвам ташкентского землетрясения 1966 года. Так местные правозащитники решили почтить память погибших при событиях в Андижане.

На площади возле памятника немногочисленно. Митингующих — 5-10 человек. Журналистов — человек 30, если не больше.

— Нас, когда мы только начали здесь собираться, попытались прогнать. Но, увидев журналистов, они испугались, — рассказывает Эльмира Хасанова из Комитета свободы слова и выражения. Она рассказывает, что правозащитники пришли сюда, чтобы выразить скорбь по погибшим в Андижане, что они не делают ничего противозаконного, не призывают к свержению строя, поэтому не понимают, почему они могут кому-то помешать.

К памятнику подбегает местный корреспондент «Би-Би-Си» Алишер и кричит, что только что около площади арестовали сотрудницу ОБСЕ и переводчика «Би-Би-Си».

— Пойдемте все вместе, они там, в автобусе! Если мы пойдем все вместе, их освободят. Они там, в автобусе.

Журналисты начинают медленно двигаться к дороге. Правозащитники обиженно смотрят вслед, но не идут. Автобус с задержанными трогается.

— Мы возмущены тем, что в стране не объявлен траур! — продолжает Эльмира Хасанова и вместе с тремя другими женщинами кладет красные гвоздики к памятнику.

Фотокорреспонденты и телеоператоры снимают. Съёмочная группа одного российского телеканала не успевает снять эту сцену, корреспондент мнетя, извиняется и просит женщин взять цветы и возложить их еще раз. Они покорно следуют его указаниям.

— А нас сейчас снимаете не только вы, — говорит журналистам руководитель комитета свободы слова и выражения Инера Сафаргалиева, — видите того человека в клетчатой рубашке, с маленькой видеокамерой? Мы уже так привыкли к его лицу, что даже почти перестали его замечать. Он из Службы национальной безопасности, ходит на все наши мероприятия. Все записывает.

Один из вопросов, который волнует большинство журналистов: почему к Мемориалу мужества пришло так мало людей?

Правозащитники разводят руками и говорят, что им просто не удалось никого предупредить.

— А главное, потому что люди боятся! — берет слово Агзам Тургунов, руководитель ташкентского отделения партии «Эрк», — сейчас люди в таком состоянии, что, если к ним придут домой и их детей начнут стрелять, они и то ничего не скажут. Парализованы страхом!

— А еще политическая активность низкая, потому что узбекский народ еще не сложился как государствообразующая нация. Люди не чувствуют ответственности за собственную страну, — добавляет Ахтам Шаймарданов из партии «Свободные земледельцы», — вот, например, вся Ферганская долина сейчас в шоке, а людям в Ташкенте вроде как все равно. Хотя ситуация, конечно, улучшается. Еще три года назад я и подумать не мог о том, чтобы выйти на площадь, пикетировать.

А сейчас нормально, привык, втянулся. И политизация потихоньку идет. Народ будет подниматься.

— Но, наверное, события, подобные андижанским, еще сильнее запугают людей. После этого уже никто не решится выходить на митинги, — предполагаю я.

— Да сильнее уже некуда. У нас и так запугивание на запредельном уровне. Следующий этап — это если люди в отчаянии и истерике начнут самосожжения.

— Но что же вы, как оппозиционеры, предполагаете делать? — спрашиваю я.

— Главное, чего мы хотим, — это чтобы наши партии были зарегистрированы, чтобы мы могли вести открытую политическую деятельность. Потому что если нам этого не позволят, то потом появится какой-нибудь случайный человек, может быть, какой-нибудь экстремист или фундаменталист, и он поведет за собой народ.

Журналисты устают от разговоров, правозащитники начинают расходиться. Через несколько минут к памятнику подходят трое молодых парней с красными гвоздиками, спешно кладут их на постамент и быстрыми шагами уходят прочь.

Площадь перед памятником пустеет, и место митинговавших тут же занимают подростки-скейтбордисты.

После митинга я решаю спросить у представителей властей, будет ли объявлен траур. Звоню в государственное информагентство «Жахон», входящее в структуру МИДа.

Поднявший трубку чиновник разговаривает подчеркнуто грубо:

— Кто такой? Что надо?

Когда я представляюсь и задаю свой вопрос, он делает паузу. А потом продолжает быстро, тихо и совсем другим тоном.

— Знаете, давайте мы сделаем вид, что вы нам не звонили? Думаете, нам приятно? Пишите правду, и все.

— Он снова резко меняет тон. — Аккредитация есть у вас? Никаких комментариев не будет! Речь президента надо было слушать!

Снова пауза. И снова тихо:

— До свидания. Пишите правду.

● Мастер-класс Ислама Каримова

Владимир Путин выразил полную поддержку властям Узбекистана, жестко подавившим мятеж в Андижане. Президент Ислам Каримов первым среди лидеров СНГ дал отпор «цветной революции», распространения которой так боялись в Москве.

Как Ислам Каримов поправил Аскара Акаева

Примерно за месяц до киргизской «революции тюльпанов» президент Узбекистана Ислам Каримов неожиданно сделал довольно резкий и нехарактерно для него грубый выпад в адрес коллеги — тогда еще президента Киргизии Аскара Акаева. Он обвинил его в бездействии, в том, что тот не смог вовремя «задушить оппозицию», а значит, сам виноват в нарастающем недовольстве. И после этого он не упускал возможности кольнуть соседа, периодически прилюдно упрекая его в слабости. В каждом подобном высказывании Каримова содержался намек: уж у себя-то узбекский лидер такого не допустит.

Официальный Бишкек так никак и не реагировал на обидные слова Ислама Каримова. А уже лишившись президентского кресла, Аскар Акаев даже признался, что президент Узбекистана был прав. В своем первом послереволюционном интервью, в эфире радиостанции «Эхо Москвы», отвечая на вопрос ведущего, какой бы совет он мог дать своим коллегам, Аскар Акаев посетовал на то, что «не защитил свою демократию». И порекомендовал остальным лидерам СНГ без колебания применять силу, «если это понадобится для защиты демократии», ведь демократия в СНГ очень слаба и не может сама себя защитить.

Что Ислам Каримов — не Аскар Акаев, стало ясно очень скоро. 13 мая в Андижане начался бунт,

АНДИЖАН

по сценарию очень напомилавший революцию в Киргизии, тоже начинавшуюся не в столице, а в провинции, с захвата облминистрации в Оше.

Два месяца назад Аскар Акаев с самого начала ошских событий перестал появляться на публике. Пока засевшие в Оше оппозиционеры давали пресс-конференцию, президент Киргизии просто исчез — иностранные СМИ предполагали, что он тайно летал советоваться в Москву. Ислам Каримов, напротив, полетел на место событий — в Андижан. В сам город, правда, не заехал, а обосновался в аэропорту, где и создал штаб подавления мятежа.

Пытаясь подавить восстание в Оше, Аскар Акаев действовал так: с наступлением ночи в облминистрацию ворвались спецназовцы, они хватали сидевших там людей (в основном женщин) и вытаскивали их на улицу. Выдворение сопровождалось ударами дубинок, некоторых также выкидывали из окна. Для проведения этой щекотливой операции были применены надежные силы — как заявляли тогдашние киргизские оппозиционеры, специально для штурма ошской администрации в город привезли казахский спецназ. Очевидно, власти опасались, что киргизский может отказаться выполнять приказы командования. Огонь по восставшим киргизские власти предпочли не открывать, и жертв не было.

Ислам Каримов подошел к андижанской проблеме иначе. С наступлением темноты к захваченному хокимияту подъехали не автобусы с невооруженными спец-

назовцами, а бэтээры. И без предупреждения открыли огонь на поражение.

Все еще не совсем ясно, кому был поручен расстрел. Как заявлял андижанский правозащитник Саиджахон Зайнабитдинов, из числа военнослужащих для подавления восстания были привлечены только контрактники — служащим по призыву такого дела не доверили. Кроме того, я сам видел на улицах Андижана на следующий день после расстрела немало бойцов элитного подразделения «Барс» — молва утверждала, что именно они открывали огонь по толпе.

Наконец, многие жители Андижана предполагали, что власть не сразу начала подавление восстания, а позволила мятежникам почти сутки владеть городом, потому что ей требовалось время для переброски в город войск из других частей страны.

В очередной раз Ислам Каримов вспомнил о Киргизии на следующий день после событий — 14 мая. Выступая по телевидению, он заявил, что мятежники «пытались повторить киргизский сценарий». Кроме того, как бы возвращаясь к своей прежней критике Аскара Акаева, он заявил, что не понимает, «как можно одновременно быть либералом и опираться на клановую систему». Еще примерно треть выступления была, по сути, посвящена разъяснению одной мысли, уже и так сделавшейся для всех очевидной: «Каримов — это не Акаев».

● Откуда в Узбекистане

Взялась оппозиция

Все последние годы основные усилия официальной пропаганды Узбекистана были посвящены одному — разоблачению исламских фундаменталистов. Еще в 1998 году в республике было создано Исламское движение Узбекистана (ИДУ), с которым Ислам Каримов начал непримиримую борьбу. Узбекский лидер запугивал своих иностранных партнеров тем, что единственная альтернатива его режиму — это создание в стране исламского государства, и если он хотя бы немного ослабит хватку, то к власти придут фундаменталисты.

Особое понимание его слова стали находить на Западе после 11 сентября 2001 года. США начали военную кампанию в Афганистане, лидеры ИДУ Джума Намангани и Тахир Юлдашев стали сражаться на стороне талибов, а Вашингтон внес их в черный список террористов. Одновременно Ташкент стал ключевым союзником Вашингтона в борьбе с международным терроризмом в регионе, и США открыли в стране военную базу.

Боролся с исламским экстремизмом президент Узбекистана очень решительно. Под предлогом ликвидации исламистов были фактически уничтожены остатки оппозиции в стране. Все религиозные организации, по большей части оппозиционные режиму, подверглись гонениям. По всей стране было закрыто огромное количество мечетей, признанных «рассадниками ваххабизма». С уничтожением ИДУ (Джума Намангани был

убит в Афганистане в 2001 году) основным врагом узбекского лидера стало движение «Хизб-ут-Тахрир», официально отрицающее насильственные методы борьбы. Ташкент утверждал, что эта группировка стоит за организацией терактов в стране.

В наибольшей степени борьба Ислама Каримова с исламизмом затронула Ферганскую долину — наиболее густонаселенную и традиционно религиозную часть страны. В ней обвинение в исламском экстремизме стало, наверное, наиболее частым в судебной практике.

Именно в исламском экстремизме был обвинен в 1999 году предприниматель из Андижана Акрам Юлдашев, приговоренный к 17 годам тюрьмы, а в феврале этого года — 23 бизнесмена, входившие в его кружок и считавшие себя его учениками. «Группу 23» заподозрили в создании подпольной организации «Акромийя». Как убеждали меня хорошо знавшие обвиняемых, они действительно были религиозными людьми, но не экстремистами. По словам бывшего адвоката акромистов Саиджахона Зайнабитдинова, арестованные преимущественно занимались бизнесом, и преследование было начато исключительно с целью завладеть их компаниями, а вовсе не потому, что они представляли опасность для режима.

Так или иначе, когда родственники и сторонники акромистов выступили против правительства и заняли хокимият, у Ташкента не оставалось другого

выбора, кроме как объявить восставших исламскими террористами. А для обоснования террористической версии превращение мирного митинга в кровавую бойню было просто необходимо. Официальные власти упорно отрицали то, что на центральной площади Андижана проходил многолюдный антиправительственный митинг, заявляя, что все оказавшиеся там были либо террористами, либо захваченными ими заложниками.

По рассказам жителей Андижана, власти не пытались вести переговоры с восставшими. Однако ровно за час до начала расстрела администрация президента Узбекистана заявила, что попытки начать переговоры имели место, но «боевики, прикрываясь женщинами и детьми, не идут ни на какие компромиссы». Потом на площади появились бэтээры, которые обратили «террористов» в бегство, а затем преследовали их по всему городу.

● Почему мир поддержал Ислама Каримова

Ислам Каримов в течение практически всего своего правления умудрялся искусно лавировать между основными внешнеполитическими партнерами, сохраняя хорошие отношения и с США, и с Россией, и с Китаем. За эти годы президент Узбекистана почти убедил

все эти страны в своей незаменимости. Вашингтон, например, был и, скорее всего, остается уверен, что режим Ислама Каримова — наилучшее спасение региона от исламских радикалов.

США отнюдь не жестко реагировали на события в Андижане. Первое, что сделал госдепартамент, — это выразил озабоченность по поводу того, что по вине акромистов из тюрьмы могли убежать боевики ИДУ. И даже в конце прошлой недели, когда правозащитники и оппозиционеры провели подсчет жертв андижанского расстрела, жесткая Кондолиза Райс всего лишь призвала Ташкент «к максимальной открытости во время проведения расследования». В отношении властей других стран, испытавших на себе «цветные революции», Вашингтон высказывался намного более критично.

Китай также заинтересован в том, чтобы режим Каримова как можно дольше оставался у власти. Пекин уже был крайне обеспокоен «революцией тюльпанов» в Киргизии, поэтому совсем не хотел бы видеть развитие революционной ситуации у своих границ. Озабоченность Китая связана с уйгурской проблемой — приход к власти в Узбекистане исламистов, как и любое другое революционное преобразование, наверняка вдохновит на продолжение борьбы за независимость жителей Восточного Туркестана — китайского Синьцзян-Уйгурского авто-

номного района. Пекин с самого начала безоговорочно поддержал действия Ислама Каримова. Более того, ближайший зарубежный визит — первый, который совершит президент Узбекистана после событий в Андижане, — будет именно в Китай.

Наконец, еще одной заинтересованной в жесткости Ислама Каримова стороной оказалась Москва. Российские власти были всерьез напуганы распространением революций и готовы закрыть глаза на любые действия властей Узбекистана, лишь бы только они остановили продвижение «оранжевых» по СНГ.

Находясь в здании андижанского хокимията, восставшие обращались к президенту Владимиру Путину с просьбой стать посредником на их переговорах с узбекскими властями. Эту просьбу российскому лидеру явно никто не передал — зато сам он охотно позволил Исламу Каримову, чтобы обсудить с ним детали подавления мятежа. А российский МИД стал активно пересказывать официальную версию Ташкента, называя восставших исламскими террористами. В одном из выступлений российский министр Сергей Лавров подчеркнул даже, что события в Узбекистане никак нельзя поставить в ряд мирных «цветных революций». А раз так, то и жесткость властей вполне оправданна.

● Почему революция в Узбекистане не будет оранжевой

С самого начала истории независимого Узбекистана в стране практически отсутствует оппозиция. В конце 1980-х годов, когда Ислам Каримов только пришел к власти, против него начали бороться партии «Бирлик» и «Эрк». Однако история их противостояния с властями была недолгой. Против обеих партий начались гонения, их лидеры Абдурахим Пулат и Мохаммед Солих уехали за границу. И после этого в стране не осталось никакой легальной оппозиции. Сейчас в Узбекистане нет ни одной зарегистрированной партии. Одно это делает совершенно невозможной «цветную революцию» — потому что и на Украине, и в Грузии, и в Киргизии борьба шла между властью и легальными политическими силами.

Любая из удавшихся «цветных революций», несмотря на все различия, проходила по похожему сценарию. Власти противостояли выходцы из госноменклатуры, бывшие премьеры и министры. Пиком противостояния становились сфальсифицированные властями выборы. А завершалось все диалогом и достижением компромисса между прежней элитой и приходящей на ее место новой.

В случае с Грузией дочери Эдуарда Шеварднадзе пришлось всего лишь заплатить выкуп за своего

арестованного мужа — на этом преследования президентской семьи закончились, а ему самому даже сохранили госрезиденцию. На Украине Леониду Кучме тоже не пришлось бежать из страны. Он сам одобрил изменение закона о выборах, позволившее Виктору Ющенко победить, добившись, очевидно, некоторых гарантий. Нынешние киевские власти совсем не собираются отбирать у клана Леонида Кучмы всю собственность, обещая ограничиться лишь «Криворожсталью». Даже в Киргизии, где Аскар Акаев бежал, имущество его семьи уже в опасности, а у дочери Бермет отобрали депутатский мандат, компромисс имел место. Ведь при новой революционной власти остался работать «акаевский» парламент, против которого так упорно боролась прежняя оппозиция. Чтобы не нагнетать обстановку, бывшие оппозиционеры договорились с входящими в акаевский клан парламентариями.

В Узбекистане подобная ситуация невозможна. Исламу Каримову, даже если по примеру Андижана вдруг заполыхает весь Узбекистан, будет не с кем вести переговоры.

Известные, но разгромленные им оппозиционные партии «Бирлик» и «Эрк» находятся в изгнании и уже ни на что не влияют. Активизировавшаяся сейчас партия «Свободные земледельцы» также не сможет дать прежней элите никаких гарантий, поскольку неизвестна степень ее влиятельности.

Местные авторитеты вроде восставших акромистов также не подходят нынешней власти в качестве собеседника, поскольку их влияние распространяется только в пределах одной области.

В той ситуации, когда диалог вести невозможно, у власти остается только один выход — стрелять. И тогда ее положение становится совсем безвыходным. У нее нет оппонентов, а есть только враги. И враги не персонифицированные, воплотившиеся в лидерах каких-либо партий, а невидимые, растворенные в народе. После расстрела в Андижане врагом власти стала почти вся Ферганская долина, населенная родственниками убитых.

Однако еще хуже для Ташкента то, что после первого же расстрела узбекская власть оказалась под пристальным вниманием. До Андижана она могла спокойно разгонять демонстрации, закрывать газеты, арестовывать оппозиционеров — этого никто бы не заметил. Теперь же Ислам Каримов оказался на виду у всего мира — ситуация, к которой он совсем не готов и которая его очень нервирует. Он не мог на глазах у всего мира совершить второй расстрел, подобный андижанскому, в вышедшем из повиновения городке Кара-Суу. А пример Кара-Суу может оказаться для жителей Узбекистана важнее, чем пример Андижана. Если такой на вид грозный режим Каримова целую неделю не мог справиться с маленьким городком на узбекско-киргизской границе, значит, он в чем-то слаб.

В разговорах с жителями Андижана я заметил, что при упоминании Киргизии или города Кара-Суу, находящегося на границе с ней, лица меняются. Киргизия в сегодняшнем Узбекистане воспринимается как рай, который находится совсем недалеко. Неудивительно, что восставшие в Андижане уже после того, как правительственные войска начали их расстреливать, побежали в Киргизию.

«Революция в Киргизии была для нас как свет в конце туннеля», — объяснял один из митинговавших в Андижане. С фактическим присоединением к Киргизии Кара-Суу этот свет стал ярче. И вряд ли властям Узбекистана удастся его погасить.

Правда, революция в Узбекистане, которая рано или поздно произойдет, точно не будет «цветной». Потому что все «цветные» революции были бескровными.

● Город в шлепанцах

22 сентября 2005 года я написал текст для «Коммерсанта», который, наверное, вспоминаю чаще всего. Эта колонка ни на что не повлияла. Ничего не изменила. Упомянутый в тексте Сергей Иванов — тогда министр обороны — после этого стал вице-премьером и мог даже стать преемником Путина и президентом России. Но не стал. А потом стал главой путинской администрации. А потом стал

его спецпредставителем по экологии. И наверняка забыл про то, о чем идет речь в тексте.

А Ислам Каримов умер в 2016 году, через 12 лет после андижанского расстрела. И ничего в Узбекистане не поменялось. Как и в России.

«КОММЕРСАНТЪ», 22.09.2005

Я был в Андижане 14 мая 2005 года. Это было на следующий день после расстрела. Город был весь усеян обувью. Такими резиновыми шлепанцами, в которых часто ходят летом небогатые жители теплых южных городов.

Большую часть трупов убрали еще ночью. Сначала женские и детские тела увезли и свалили в яму где-то за городом. Потом стали собирать мужские. К утру лишь около полусотни трупов ровными рядами лежали на главной площади. И, наверное, еще столько же по городу. Но истинные масштабы ночной трагедии выдавали шлепанцы — они были повсюду. Когда ночью под проливным дождем люди пытались спастись от расстреливавших их военных, они не думали, куда и в чем они бегут. Они бежали босиком по трупам своих соседей.

Наутро следов крови на земле почти не было — всю ночь лил дождь. Зато, переходя улицу, нужно было смотреть под ноги, чтобы не поскользнуться, наступив на лежащие на асфальте маленькие мок-

рые детские шлепанцы. И еще на гильзы крупного калибра. Их, конечно, было намного больше.

На процессе, который сейчас проходит в Ташкенте, я, наверное, тоже мог бы выступить свидетелем. А может, мог бы стать и обвиняемым — раз в качестве подозреваемого по делу проходит Саиджахон Зейнабитдинов, интеллигентный правозащитник, с которым я встречался в тот день в Андижане. Он несколько дней безвылазно сидел дома и говорил: «Стоит мне выйти, менты под шумок шлепнут меня».

Он пропал без вести через три дня после нашей встречи. Зейнабитдинов поплатился за то, что он тогда налево и направо говорил о том, что все дело «акраμισстов» сфабриковано властями и началось всего лишь с того, что областные власти захотели прикарманить их бизнес.

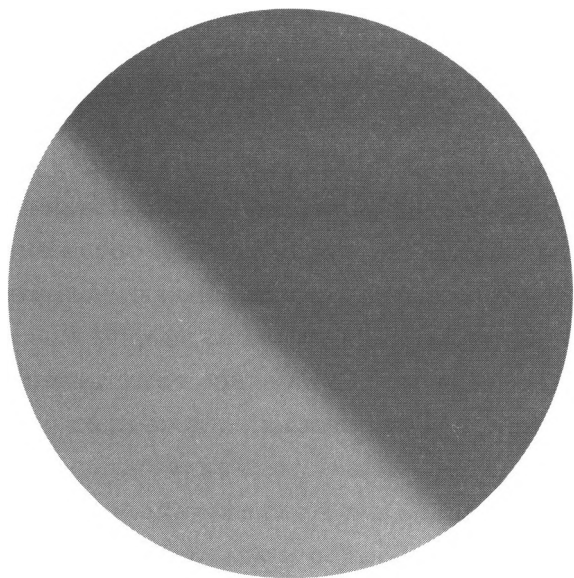
Про то, что нынешний процесс сфабрикован, знают, к счастью, не только пропавшие без вести правозащитники. И не только те люди, кто через 40 дней после андижанской резни вышел на ташкентскую площадь с плакатом «Спите спокойно, дети Андижана, — Ислам Каримов ответит за вашу смерть в международном уголовном суде». Кажется, почти весь мир понимает, что на самом деле произошло в Андижане 13 мая. Ведь именно мировое сообщество не позволило киргизским властям выдать Узбекистану тех несчастных беженцев, которые спаслись от андижанской резни. Иначе бы и беженцы сейчас признавались в терроризме, шпионаже и прочих смертных грехах.

Ислам Каримов тоже понимает, что нынешний процесс — это суд над ним самим. Потому-то он и обвиняет всех и вся: зарубежные разведки, террористические сети, мощный заговор, тренировочные базы по всему миру. Он всем бросил вызов и знает, что ни один западный лидер никогда не подаст ему руки.

Россию нынешнее положение Узбекистана устраивает. Российские власти тоже все понимают, но им все равно. Сергей Иванов прилетает в Ташкент в день суда и жмет руки узбекским силовикам, отдававшим приказ стрелять 13 мая. А потом они проводят военные учения — отрабатывают уничтожение террористов.

И я надеюсь только на одно: что эти террористы не бегают в мокрых детских шлепанцах.

**V АРАБО-ИЗРАИЛЬСКИЙ МИР.
БОРЬБА
ЗА ВОЙНУ.**





Писать о противостоянии израильтян и арабов очень сложно, потому что, как бы ты ни написал, тебя всегда обвинят в пристрастности. В арабских странах — в Египте ли, в Иордании или в Катаре — меня традиционно обвиняли в произраильском уклоне. Израильтяне, а также многие российские коллеги, наоборот, чаще всего говорили о моих проарабских симпатиях. «А ты, оказывается, за евреев», — говорили мне одни. «ну, ты учился в Каире, ты, конечно же, за арабов», — не сомневались другие. «я вообще-то за мир», — говорил я и тем и другим. И, что удивительно, и те и другие воспринимали мой ответ с недоверием и не слишком благосклонно. Довольно скоро мне стало ясно, почему. Эта война — не за мир. Это война за войну. Война сама по себе является конечной целью и ценностью. Поэтому я твердо осознал, что я не могу быть ни за тех, ни за других. Я просто против.

● **Фанаты и фанатики**

В марте 2004 года, после того, как в секторе Газа были убиты лидеры движения «Хамас» шейх Ахмед Ясин и Абдель-Азиз Рантиси, в арабском мире начались студенческие волнения. Став их свидетелем в Каире, я поймал себя на мысли о том, что где-то все это уже видел.

Египтяне очень любят футбол. В Каире жизнь бурлит до поздней ночи, и даже ближе к утру здесь можно увидеть футбольное поле, где все еще идет игра. В этот раз я приехал в Каир ночью и, несмотря на поздний час, отправился гулять по городу. На площади перед Каирским университетом меня нагнал молодой парень, мгновенно назад игравший с друзьями в футбол, и предложил к ним присоединиться — раз уж я не сплю в 4 часа утра.

Днем на университетской площади тоже идет игра. Мальчишки — может, даже те, которые играли здесь

ночью, — гоняют мяч на небольшом свободном пятачке посреди проезжей части. А буквально в 50 метрах от них стоят грузовики с военными.

Главный вход в университет оцеплен. Около ворот буквой «П» выстроились солдаты в черном. В руках — пластиковые щиты, на которых написано «Центральная служба безопасности», и длинные дубинки из бамбука.

Они стоят неподвижно, спиной к играющим в футбол, и через железную решетку наблюдают за тем, что происходит на территории университета. Там идет демонстрация.

— Давай, давай, вперед, «Хамас»!

— Америка, Аллаха враг!

— О Израиль, о подлец!

— Сионизму придет конец! — выкрикивает толпа студентов. Один из них, с мегафоном, произносит по строчке — остальные хором повторяют. Если не вдаваться в смысл — очень похоже на кричалки футбольных болельщиков.

Многие молодые люди тянут вверх руки с Кораном, некоторые держат самодельные бумажные плакаты, обещающие, что «день поражений прошел, настал день побед». Впереди несут несколько белых полотнищ. На одном нарисован убитый израильтянами три недели назад маленький шейх Ясин в инвалидной коляске, а над ним — большой черный израильский самолет и три летящие ракеты со звезд-

дами Давида. На втором — лежащий Абдельазиз Рантиси под точно таким же самолетом. «Все мы — шейх Ясин и шейх Рантиси», — гласят надписи под рисунками.

Отдельно от молодых людей протестует большая группа девушек в хиджабах. Они стоят в некотором отдалении от основной демонстрации и молча поднимают вверх маленькие карманные Кораны.

Вокруг демонстрации продолжается студенческая жизнь. Некоторые лекции отменили, и многие студенты высыпали из аудиторий посмотреть на манифестацию сверстников. Среди наблюдающих заметно немало футбольных болельщиков. Кто-то из них, несмотря на жару, пришел учиться в шарфе любимой команды — один болеет за каирский «Замалек», другой предпочитает мюнхенскую «Баварию».

— Этой демонстрацией мы хотим разбудить арабский мир, — говорит мне Махмуд, студент с факультета коммерции. — Многие стали забывать, что в Палестине каждый день убивают людей. Да как! Шейх Рантиси был безоружным, а по нему выпустили три ракеты.

— Мы призываем наших братьев бойкотировать американские и израильские товары, — вторит ему Ахмед с филфака, — потому что деньги, которые мы им платим, возвращаются к нам в виде пуль и ракет.

Эта идея, впрочем, витает в Египте уже давно. Еще в 2000 году, когда только начиналась палестинская ин-

тифада, в арабском мире стали активно говорить о бойкоте. В Каире основными символами американского империализма стали Coca-Cola и закусочные McDonald's и KFC.

К несчастью для «жареных цыплят из Кентукки», ресторанчик этой сети был расположен прямо напротив Каирского университета. В прошлом году, как только началась война в Ираке, его разгромили во время студенческих волнений. Сейчас на этом месте находится закусочная под названием Mo'min («Правоверный»).

Главная площадь Каира — Тахрир (площадь Освобождения) — уже давно перегорожена. Так давно, что местные жители почти перестали это замечать. Через всю площадь — от Египетского музея до громадного административного здания — тянется забор. За ним уже много лет стоят краны, ведутся какие-то работы. Что строят, никто не знает. Впрочем, иностранные журналисты то ли в шутку, то ли всерьез говорят, что площадь перегородили, чтобы не было масштабных демонстраций. Они, конечно, проходят. Но демонстрантам приходится ютиться на краю площади, откуда полиция быстро разгоняет их по переулкам. Так было и с демонстрациями по случаю смерти Ахмеда Ясина и Абдель-Азиза Рантиси.

Сейчас по периметру площади Тахрир висят огромные плакаты: «Египет приглашает на чемпионат

мира по футболу 2010 года». Реклама египетской заявки на проведение мирового первенства развешана по всему городу. На выезде с пирамид и перед аэропортом висят огромные растяжки: «Поверьте, мы проведем лучший чемпионат мира в истории».

По телевидению реклама будущего чемпионата прерывает актуальные ток-шоу.

— Как вы считаете, справедливо ли то, что американцы считают моджахедов из движения «Хамас» террористами? — спрашивает ведущий своих гостей после рекламы. Те начинают горячиться и говорить, что американцы пристрастны, они считают террористами всех палестинцев, зато оправдывают все действия израильтян.

Все правильно — футбольные болельщики ведут себя точно так же. Они ругаются, когда их команда проигрывает. Когда судья показывает красную карточку их любимому игроку, они приходят в ярость и начинают кричать: «Судью на мыло!» Болельщики требуют справедливости, если им кажется, что соперники нарушают правила, зато радуются, когда фолят свои.

— Смотри, арабов все время унижают. Убивают палестинцев, убивают иракцев, — говорит мне студент Ахмад. — И даже чемпионат мира по футболу тоже, наверное, отдадут не нам, а какой-нибудь Южной Африке. Опять скажут, что мы террористы, — с неподдельной горечью заявляет демонстрант.

По египетскому телевидению, правда, утверждают, что шансы есть и что спорт вне политики.

Но политика, конечно, это тот же спорт — игра, в которую играют единицы, получающие за это миллионные призовые, и миллионы людей, которые просто следят за ней по телевизору, болеют, переживают, а иногда громят рестораны, если их команда проигрывает слишком часто.

Вот только на том плакате, который несли студенты в университете, под портретами убитых лидеров «Хамаса» было написано: «Все мы готовы умереть». Держали плакат мальчишки, которые еще недавно гоняли мяч посреди проезжей части.

● «Воюют фанатики!»

20 июня 2006 года. Пошла вторая неделя войны в Ливане. На обстреливаемой ракетами «Хезболлы» израильской территории я обнаружил, что из всех войн с арабами эту войну здесь считают самой справедливой.

Жертвы

— Мне позвонили из больницы и попросили срочно выйти на работу. Сюда подвезли новых раненых, поэтому на кухне нужна была моя помощь. Я работаю в больнице поваром. Так вот, как только я вышел из

дома, неподалеку ударила «Катюша». В меня попало шрапнелью — в спину и по ногам. — Яков Абдул не прерывает своего рассказа, но я слышу, что на крыше начинают работать сирены. Я нахожусь в Цфате, в десяти километрах от израильско-ливанской границы. Этот город принял на себя наибольшее количество ракет «Хезболлы». Мы с Яковым разговариваем на балконе городской больницы.

— Скорее в укрытие, Яков, слышите меня, пойдёмте, — кричала Сильвия Уолтрес, пожилая эмигрантка из США, работающая в больнице секретарем. — Первым делом надо отойти подальше от окон. Бомбоубежище внизу, на первом этаже.

Я помог Якову подняться. Он был контужен и, кажется, не слышал сирен. Мы медленно шли к лифту.

Якову не повезло дважды. Через сутки после того, как его госпитализировали, еще одна ракета попала в само здание больницы. Ракета взорвалась на крыше. От самого взрыва никто не пострадал, но почти во всей больнице выбило стекла и несколько врачей получили легкие ранения. В момент взрыва Яков был в палате и от удара упал с кровати. Он тихо продолжил:

— Я сам был танкистом, воевал в Египте в 1973 году, но этот взрыв не могу забыть. Я вспоминаю его каждую ночь.

— А кого вы вините в том, что здесь сейчас происходит?

— Да всех их: сирийцев, «Хезболлу», «Хамас», Иран.

Я бы отрубил всем им головы и выставил бы на всеобщее обозрение.

В убежище было уже много народу. В основном дети — детское отделение находилось совсем рядом. Многие из них плачут. На полу у стены сидела Кристина Маркони, итальянская журналистка из агентства Associated Press. Мы с ней встретились у входа в больницу. Она была очень напугана и, кажется, тоже плакала.

Мой гид Рон схватился за пейджер. Как и все израильяне, он был резервистом и был прикреплен к пресс-службе армии — поэтому ему на пейджер приходили все сводки последних армейских новостей. — Сейчас объявили воздушную тревогу в Цфате и Хайфе, — констатировал он. — Кстати, за сегодняшний день по Израилю выпустили уже тридцать ракет. Двое наших солдат убиты. «Хезболла» утверждала, что один военный похищен. Убит еще один гражданский. Это произошло недалеко отсюда, в Нахарании, мужчину убило, когда он бежал в бомбоубежище, прямым попаданием.

Я услышал, как рядом со мной одна из врачей разговаривает по телефону по-русски.

— Ты уже в убежище? И мы тоже сидим. Давай, дочка, звони.

Я подошел к ней. Ее зовут Ольга, она из Эссентуков. Жила в Израиле уже 10 лет, в больнице работала педиатром.

— Надоело это все, — улыбнулась Ольга. — В пятый раз за сегодня приходится сюда бегать.

— А не страшно вам? Почему вас не эвакуируют? Почему сами не убежите?

— Как же мы бросим детей? Я сегодня вообще здесь на дежурстве, двадцать четыре часа работаем. А так весь Цфат уже пустой. Почти все переехали на юг. Страшно, конечно, но я сама живу не в Цфате, а на Голанских высотах. Там бомбят меньше.

Ольга снова улыбнулась.

— Как вы отсюда поедете? — заботливо спросила она.

— Вам лучше уехать до того, как стемнеет, а то по вечерам здесь совсем страшно.

Мы услышали несколько разрывов — один за другим. — Пойдемте, покажу вам, куда упала ракета, — предложила Ольга. — Это было в десять вечера. Вот в этом кабинете сидел начальник нашего отделения. Спиной к окну. На него выбитые стекла и посыпались.

Комната и правда была усеяна битым стеклом.

— И как он сейчас?

— Нормально, держится старичок. Сегодня вышел на работу, организовал нам лекцию по медицине, чтобы хоть как-то отвлечь нас от этих событий.

Мне пора было ехать. У лифта ко мне подбежала молодая женщина с ребенком на руках, одетая в ортодоксальное иудейское платье.

— Меня зовут Карен. Пожалуйста, выслушайте меня, — закричала она на прекрасном английском.

— Да, пожалуйста, Карен.

— Мне уже надоело то, что показывают по телевизору. CNN целыми днями ведет трансляцию из Бейрута, считает жертвы там, в Ливане. Я сама американка. Почему они говорят об арабах, а не заботятся о нас?

— Может, их показывают оттого, что в Бейруте намного больше разрушений. А может, оттого, что жертв в Ливане значительно больше. За последнюю неделю там погибло около трехсот человек. Это раз в десять больше, чем израильтян.

— Но ведь они террористы!

— Да нет, большинство погибших в Ливане — мирные жители.

— Но ведь и мы тоже мирные жители. Почему мы должны тут сидеть из-за того, что Израиль всегда делает то, что нужно Америке? У меня больной ребенок, мне приходится все время жить в больнице. Мне некуда идти.

Секретарь больницы Сильвия Уолтерс буквально силой затолкнула меня в лифт.

— Не слушайте ее, она только недавно приехала из Америки и ничего еще не понимает. Я сама из Филадельфии и живу в Цфате больше сорока лет. Я-то понимаю, что Америка тут ни при чем. Это религиозная война. Воюют фанатики.

● Участники

— Сейчас все по-разному называют то, что у нас происходит на ливанской границе, — рассказывал Гилад Алид, гендиректор десятого канала израильского телевидения. — Например, на первом канале все эти новости идут под рубрикой «Назад в Ливан». Большинство газет называет это просто «война». Мы же пока говорим так: «Сражения на севере».

Десятый канал — один из двух основных израильских частных телеканалов. Как утверждал Гилад, с началом последних боевых действий рейтинги зашкаливал — вся страна не отрываясь следила за новостями. Правда, в то же время канал заваливают письмами возмущенные зрители.

— Очень многие считают, что мы слишком критичны. Нас даже обвиняют в недостатке патриотизма. Многие зрители считают, что если мы ведем войну, то весь народ должен сплотиться вокруг правительства, оказывать ему полную и безоговорочную поддержку. Они считают, что сейчас не время задавать неудобные вопросы. Наши журналисты почему-то все время спрашивают у военных: «Зачем? Почему? Что дальше?» Военным это не нравится, но ведь наша работа не помогать военным, а давать точную информацию и задавать им вопросы, пусть и неудобные.

Сам Гилад, впрочем, обвинял в излишней критичности европейских журналистов.

— Как же так можно? Не мы начали эту войну. А европейские журналисты описывают ее так, будто бы мы агрессоры. Но мы всего лишь защищаем себя.

— Гилад, многие европейские журналисты просто считают, что реакция Израиля была слишком жесткой. Помнишь, в самом начале операции начальник генштаба Израиля Дан Халуц сказал: «Мы вернем Ливан на 20 лет назад».

— Ну, комментировать его слова — это не мое дело. Пусть израильский МИД объясняет официальную позицию правительства. А дело журналиста просто сообщать факты.

Вечером я встретился с официальным представителем израильского МИДа Гидеоном Меиром. Мы сидели в йеменском ресторане в Тель-Авиве. Дипломат потягивал пиво, смешанное со спрайтом, и терпеливо отвечал на мои вопросы.

— Гидеон, всем известно, что ливанское правительство не контролирует юг страны. Эта территория находится под контролем «Хезболлы», но израильский премьер Ольмерт после похищения двух израильских солдат сказал, что ливанское правительство заплатит за произошедшее. И сейчас наносится удар по всей стране, а не только по «Хезболле».

— Дело в том, что правительство Ливана не выполнило резолюцию ООН, которая требовала от него взять под свой контроль территории на юге после того, как в 2000 году Израиль вывел оттуда свои

войска. Бейрут должен был ввести свою армию в южный Ливан, но власти Ливана этого не сделали и эти земли достались «Хезболле».

— Нынешняя операция поможет ливанским войскам занять юг страны?

— Конечно. Они должны изгнать «Хезболлу», или это сделаем мы. Лидер «Хезболлы» шейх Насралла уже сейчас в шоке. Он не ожидал, что реакция Израиля на их нападение будет такой. Он думал, что нынешнее правительство — кабинет неудачников. Ведь впервые в нашей истории все ключевые посты в правительстве занимают гражданские. Это и премьер-министр, и глава МИДа, и министр обороны. Насралла думал, что это сойдет ему с рук. Но этого не будет.

— Но, может быть, именно в этом одна из причин того, что Израиль ответил на атаку «Хезболлы» и похищение двух солдат так жестко. Вы сами говорите, что впервые в истории Израиля правительство возглавили гражданские. Может, они пытаются доказать, что тоже сильны и ничуть не хуже, чем предыдущие кабинеты. Такие же решительные и смелые. Кстати, после начала боевых действий рейтингу правительства вырос, ведь правда?

— Все наоборот. Если бы они хотели показать свою жесткость, они начали бы широкомасштабную военную операцию с самого начала — после похищения ефрейтора Гилада Шалита. Многие министры уговаривали премьера сделать это. Но поначалу он решил воздер-

жаться. Вы видите, насколько у нас демократическая страна. Даже в таких сложных ситуациях, как сейчас, мы не отступаем от демократических принципов, и за это нам приходится платить высокую цену. Мы предоставляем журналистам максимальную свободу, а они в ответ говорят про нас все, что угодно. Из-за этого у наших противников, палестинцев, «Хезболлы» — два голоса. Это их собственные СМИ и наши левые. Израильская левая пресса критикует все, что делает правительство.

Впрочем, Гидеон Меир немного лукавил — несмотря на свою традиционную критичность, даже левые газеты поддерживали нынешнюю военную операцию.

— Это вторая справедливая война за всю историю Израиля после войны за независимость, — сказал мне Гидеон Самет, редактор левой газеты «Гаарец».

— Я не имею в виду то, что раньше Израилю не нужно было защищаться. Но, скажем, когда Египет на нас напал в 1973 году, мы защищали территории, которые не были нашими, например Синай. Но это война справедливая. Мы защищаем свою территорию и своих граждан.

Впрочем, даже такие взгляды многим израильтянам казались предательскими.

— «Гаарец» — больше палестинская газета, чем израильская. Я не понимаю, почему правительство терпит и не ставит вопрос об их лояльности! — воз-

мущался Стивен Шнайдер, американский еврей, переехавший в Израиль около 20 лет назад.

Он свободно говорит на иврите, но предпочитал читать англоязычную Jerusalem Post. «Семья убитого железнодорожника считает, что правительство делает все правильно», — гласил заголовок первополосного материала в этой газете. Заметка рассказывала о том, как Асаэль Дамти добровольно в качестве резервиста отправился на базу ВВС, хотя его туда никто не вызывал. Он погиб в километре от места службы. Стивен не без гордости зачитал мне отрывок из этой статьи: «Он поехал на работу на север, несмотря на риск обстрела из «Катюш», на эти территории, потому что он был уверен, что железные дороги — это стратегическая составляющая израильской инфраструктуры».

— А я не читаю того, что они пишут, я сам только что из Ливана, — улыбнулся Саша, продавец в газетном киоске. Его привезли в Израиль из Биробиджана 12 лет назад, когда ему было всего восемь. — У меня как раз сейчас служба. Я неделю нахожусь там, а потом неделю здесь. Я шофер, поэтому на прошлой неделе возил солдат в Ливан.

— Ну и как там?

— Хорошего мало. Сам же понимаешь, зачем спрашиваешь? Скажи лучше, легко ли в Москве сейчас найти работу?

— Ты что же, думаешь переехать?

— А почему бы и нет. У меня, правда, сейчас проблемы

с гражданством — ну, нет российского, только израильское. Но сейчас нет времени этим заниматься.

Вот вернусь и займусь документами.

— Откуда вернешься?

— Как откуда, с фронта!

— А не страшно?

— Не столько страшно, сколько сложно. Сложно, если ты не такой, как они.

— А не такой — это какой?

— Ну... не такой идейный, что ли.

«Эти боевики —

● **безответственные люди»**

Из жилого дома валил черный дым. Им заволокло уже почти весь квартал.

— Это работает наша артиллерия. Они уничтожают склады с ракетами «Кассам», — сообщил мне Рон, резервист, прикрепленный к пресс-службе израильской армии.

Мы стояли на пограничной вышке между территорией Израиля и сектором Газа.

Я взгляделся в бинокль. Впереди находился палестинский город Бейт-Ханун, по которому сейчас и наносила удары израильская артиллерия. За месяц операции в Газе погибло больше ста человек. За моей спиной Сдерот, куда обычно и падали ракеты «Кассам».

Близость Бейт-Хануна чувствовалась за несколько сотен метров: когда ветер начинал дуть со стороны города, до нас доносился характерный запах — смесь гари и гнили.

В блокированном секторе Газа уже больше недели не было горючего, поэтому местные службы не могли убрать мусор. Он разлагался прямо на улицах.

В городе были слышны новые взрывы.

— Рон, это ведь явно горит жилой дом, — показал я на затянутый черным дымом Бейт-Ханун и протянул своему спутнику бинокль.

— Ну... Ты знаешь, «Кассам» — это самодельные ракеты. Такие большие петарды. Их часто изготавливают прямо на дому. Может быть, в одной из квартир была мастерская?

— А в остальных?

— Ну знаешь ли! Если там погибли мирные люди, я буду первым, кто скажет «извините». Но войны без жертв не бывает.

Проехать в Газу было непросто. После начала операции по спасению ефрейтора Шалита израильским журналистам въезд туда был вообще запрещен. Иностранцы корреспонденты въехать могли, но только с аккредитацией израильского правительства — ее нужно было ждать несколько дней.

Сейчас вокруг КПП на границе с сектором Газа не было ни души. Блокпост состоял из двух частей.

Израильская половина — это множество комнат, соединенных дверями. Желая попасть в сектор Газа переходил из одной в другую, в каждой отвечал на вопросы, которые задавал ему голос из репродуктора, и ждал, пока откроется дверь в следующую комнату.

В палестинской части все было проще. Это был очень длинный коридор, в конце которого сидел улыбчивый палестинец с усами Саддама Хусейна. Не частого гостя он провожал словами: «Добро пожаловать в Газу, брат!» Сразу за блокпостом начинался разрушенный Бейт-Ханун.

Попасть на Западный берег было намного проще. Туда иностранец мог проехать без каких-либо специальных разрешений, израильтянам же это было строжайше запрещено.

Из Иерусалима в Рамаллу можно было доехать на такси. Правда, короткий путь перекрыт — на шоссе соорудили блокпост. Приходилось ехать в объезд. Дорога была совершенно разбитая.

— Очень смешная ситуация. Дорогу никто не чинит, — рассказала Констанца фон Гелен, работающая в Рамалле сотрудница немецкой неправительственной организации Фонд Конрада Аденауэра. — Вроде бы деньги обещала выделить ООН. Но их не дают, потому что дорога ведет к блокпосту, а ООН не признает эти блокпосты. Там считают, что выделить деньги — значит узаконить блокпосты. Израиль денег не дает,

потому что дорога вроде как проходит по территории, которую контролирует Палестинская автономия. А у самих палестинцев нет денег.

Рамалла выглядела довольно необычно. Здесь уже давно не проводилось крупных военных операций, поэтому никаких разрушений нет. Город смотрелся очень благополучным и даже богатым. Расклеенные на стенах агитационные листовки с прошлых парламентских выборов уже пообтрепались, и поверх них красовались рекламные плакаты нового супертонкого телефона Motorola. — Рамалла вообще-то нетипичный город. Самый богатый на палестинских территориях. В Наблусе или Хевроне живет намного больше людей, и они гораздо беднее. Просто здесь строят себе дома палестинцы, работающие за границей, — объяснила Констанца.

Вокруг Мукаты, бывшей резиденции Ясира Арафата, шла стройка. Памятник на могиле бывшего лидера был уже почти готов. «Шахид Ясир Арафат» — гласила надпись на плите.

— Я еще счастливый человек. Представляешь, как мне повезло, — говорит Салех, рабочий, занимающийся ремонтом разрушенной части Мукаты. — У меня нет иерусалимских документов и нет разрешения на въезд в Израиль, как и у большинства. Найти работу здесь почти невозможно. А мне удалось.

На улицах Рамаллы стоит очень много такси. Но обычно никто никуда не едет: таксистов намного больше, чем желающих воспользоваться их услугами.

Ближе к вечеру я отправляюсь назад в Иерусалим. Маршрутка довозит до блокпоста «Атарот» — здесь проходит стена, отделяющая Западный берег от израильской территории. Ее построили несколько лет назад для того, чтобы террористы-смертники не могли проникать с палестинских территорий в Израиль.

Через блокпост нужно было пройти пешком. Пройти через него могли либо жители Восточного Иерусалима, зарегистрированные в городе, но не имеющие израильского гражданства, либо жители Западного берега, получившие специальное разрешение, например нуждающиеся в лечении в Иерусалиме.

У входа скопилась толпа народа. Внутри пропускали по одному через вращающуюся дверь-турникет. Те, кто прошли, оказывались в отстойнике. Там была такая же вращающаяся дверь и еще большая толпа.

Очередь не двигалась почти полчаса. Затем голос из репродуктора объявил на иврите, что первый терминал (тот, где я стою) закрывается, вместо него будет работать третий. Толпа побежала. Те, кто стоял впереди, оказались последними. Все возмутились.

К решетке первого, неработающего, терминала подошли две израильские девушки-военные. Два молодых араба, очень спешащих в Иерусалим, бегут к ним — уговаривать пропустить их без очереди.

— Ну, детка, пожалуйста. Я угощу тебя кофе. Мне очень нужно, срочно.

Флирт через решетку блокпоста продолжался минут десять. Потом девушки, смеясь, ушли, оставив парней ни с чем.

Тут наконец турникет начал работать. Немолодые палестинки, уставшие ждать, пытались втиснуться в него по двое, чтобы побыстрее пройти. Дверь от этого заедало.

— Проходить по одному! — кричал репродуктор.

Тут подошла очередь палестинца с пятилетней дочерью. Она схватила отца за рукав и не захотела проходить через турникет одна. Он втискивается в турникет, и они проходят вдвоем.

— Я же сказал: по одному! — надрывался репродуктор.

— Что это такое! Почему я не могу пройти с ребенком! — прокричал палестинец.

— Вы вечно все ломаете! По одному!

— Если вы не можете организовать нормальную очередь, то не надо нас обвинять!

— Мы же не можем научить вас спокойно стоять в очереди по одному, а не ломиться стадом. Следующий!

Пятилетняя девочка заплакала.

— Вот такая у них демократическая страна, — прошептал мне стоящий рядом старик, — защищать себя, унижая других.

● Участники

— Причины нынешнего кризиса внутри Израиля. Он нужен Израилю для того, чтобы объединить страну. Потому что, если у них нет никакой внешней угрозы, если они не ведут войны, начинается внутривластная борьба, — уверял меня Ибрагим Курейши, заместитель министра иностранных дел Палестины.

Он единственный из руководства МИДа работал в Рамалле — все остальные, включая министра Махмуда Захара, одного из лидеров «Хамаса», находились в Газе и не могут оттуда выехать.

— Ибрагим, но все же спровоцировали нынешний кризис палестинцы. Он начался с захвата заложников: активисты «Хамаса» похитили ефрейтора Гилада Шалита. Зачем?

— Пойми, я против этого похищения. Похитить человека очень легко, и потом сложно найти выход. Когда по телевизору показывают его родственников, которые переживают, я их понимаю. Но почему никто не хочет понять нас? В израильских тюрьмах сидят несколько тысяч заключенных. Многие без суда, им просто каждые полгода продлевают срок временного заключения. 60 человек сидят уже больше 30 лет. 120 заключенных младше 18 лет. Еще 30 женщин. Это проблема всего палестинского народа. Она всех волнует. Всех беспокоит. Когда Махмуд Аббас избрался президентом, его основным обещанием было

решить проблему заключенных. А теперь «Хамас» взял и приватизировал эту проблему, как будто их это волнует больше, чем остальных. «Хамас» похитил этого солдата для того, чтобы завоевать сердца палестинцев. Показать им, что они заботятся о народе, а «Фатх» — нет.

Я пытался выяснить, почему во время израильских операций гибло так много мирных жителей: справедливы ли утверждения израильтян, говорящих, что палестинские боевики используют мирных жителей и даже детей как живые щиты.

— Ну, эти боевики — безответственные люди, — развел руками замглавы МИДа Ибрагим Курейши. — Предположим, эти безответственные люди придут в детский сад. Неужели израильтяне и по нему откроют огонь?

Ибрагим Курейши, хотя и работал в правительстве «Хамаса», сам не скупился на критику этого движения. Он являлся членом революционного комитета партии «Фатх» и ЦК Организации освобождения Палестины.

Впрочем, не все объясняли похищение Гилада Шалита борьбой между «Хамасом» и «Фатхом». По другой версии, похищение ефрейтора стало свидетельством раскола внутри «Хамаса».

— Буквально за несколько часов до похищения Гилада Шалита произошло очень важное событие, — вспоминал Томас Биррингер, руководитель отделения Фонда Конрада Аденауэра в Рамалле, — лидеры «Хамаса» и

«Фатха» подписали соглашение о создании правительства национального единства. Согласовали все основные спорные пункты. «Хамас» фактически согласился косвенно признать Израиль. Очень многие проблемы были решены. Но тут вмешалось боевое крыло «Хамаса», которым руководит Халед Машаль, живущий в Сирии. Его подобное примирение премьера Исмаила Хании и президента Махмуда Аббаса не устраивало. Оно означало бы, что он уходит на второй план. И тут похитили израильского солдата. Правительство национального единства оказалось в прошлом, диалог с Израилем стал невозможен.

Все то время, пока продолжалась операция в Газе, лидеры «Хамаса» говорили, что не отпустят Гилада Шалита, пока не будет решен вопрос заключенных.

— Я не понимаю реакции израильтян. Если бы я был израильтянином, я бы спросил: зачем такие жертвы? Ради чего? Неужели не проще провести переговоры? — недоумевал Ахмед Атыйя, журналист и бывший заключенный. Он был арестован в 1970 году, когда ему было 16 лет. Один из его приятелей начал стрелять в израильтян, убил одного и ранил другого. Самого преступника не поймали, зато за соучастие посадили всю компанию. Ахмед просидел 15 лет. — Я понимаю тех людей, которые прибегли к похищению, чтобы освободить своих братьев, отцов, друзей. Я провел в тюрьме

15 лет, а потом меня обменяли. Сейчас у меня есть дети, дом, работа. А многие мои товарищи все еще сидят. Что еще нужно было сделать, чтобы их освободить?

К нашему разговору присоединилась Ханна Синьора, руководитель Израильско-палестинского центра исследований и информации:

— Между прочим, кризис начался вовсе не с похищения Гилада Шалита. Причиной стало то, что «Хамас» год назад объявил перемирие и прекратил все атаки против Израиля. А Израиль все это время продолжал точечными ударами уничтожать активистов «Хамаса». Понимаете, вот вы все думаете, что Израиль очень эффективно действует. Уничтожает инфраструктуру террора. А на самом деле он создает новую «Аль-Каиду». В результате нынешней операции, бомбардировок Израиль добьется только того, что все будут поддерживать «Хамас» и «Хезболлу».

— Неужели палестинцы и ливанцы не обвиняют «Хамас» и «Хезболлу» в нынешней эскалации, — спросил я у каждого из моих собеседников, — ведь, например, именно нападение «Хезболлы» на Израиль привело к нынешней войне в Ливане.

Все покачали головой.

— Увы, бомбардировки Израиля только усиливают позиции «Хамаса» и «Хезболлы», — уверял Набиль Фуад, главный редактор палестинской молодежной газеты и руководитель неправительственной образо-

вательной организации. — Когда у нас прошли выборы и победил «Хамас», все мы — либеральные, светские интеллигенты — были в шоке. Никто не хотел, чтобы у власти стояли исламисты. Но когда весь мир на них ополчился, Запад отказался с ними разговаривать, нам перекрыли финансирование, многие изменили свое отношение. Теперь почти все считают, что «Хамас» — жертва.

— Вы знаете, моему сыну девять лет, — закончил свой рассказ замглавы МИДа Ибрагим Курейши, — мы недавно ездили в отпуск в Париж. Так вот по дороге домой мой сын мне и говорит: «Папа, а давай ты останешься работать послом в Диснейленде. Я больше не хочу домой. Там стреляют». А я в этот момент подумал о другом: как будет здесь мой сын расти. У нас в Рамалле нет ничего, к чему привыкли нормальные дети во всем мире. Нет детских площадок. Нет кинотеатров. Нет дискотек. Детям нечего делать. Из развлечений только телевизор. А что там показывают? Говорят, сколько человек убили в Наблусе, а сколько в Газе. Вот и все.

● Рождение героя

Ливанская война закончилась в июне 2006 года. Она создала миллионам арабов нового супергероя — зовут его шейх Хасан Насралла. Это, наверное, самый главный итог войны.

Последние годы были для большинства жителей арабских стран ужасающими. У них не было повода для гордости. Так устроен человек, особенно если он живет в стране с низким уровнем жизни: он снесет и бедность, и нестабильность, и произвол властей — ему только нужен повод для гордости. Скажем, победа любимой футбольной команды. А лучше победа в войне. Когда чем-то гордишься, жить проще.

А вот у арабов уже много лет с этим была беда. Никаких побед — сплошные поражения. Все бывшие герои были повержены один за другим. Садама Хусейна, заросшего и грязного, извлекли из норы и выставили на всеобщее обозрение. Ясира Арафата заперли в резиденции, где он и просидел почти до самой смерти. Престарелого шейха Ахмеда Ясина, духовного лидера «Хамаса», убили ракетой на выходе из мечети. Осама бен Ладен сгинул где-то в горах Афганистана. Словом, ни один персонаж из тех, за кого могла бы «поболеть» арабская улица, не вышел из схватки победителем. Их судьба вызывала сочувствие к ним, но не гордость.

Лидеры арабских государств тоже не вдохновляли: президент Египта Хосни Мубарак, иорданский король

Абдалла и его саудовский коллега и тезка — никто из них не брал на себя смелость покритиковать Запад, тогда как публика ждала от них проклятий.

И тут появился шейх Насралла. У него изначально шансов стать супергероем было немного — но Израиль помог. Благодаря Израилю «Хезболла» однажды стала мощной силой: в 2000 году Хасан Насралла объявил вывод израильских войск из Ливана своей победой, и ему поверили. Теперь Хасан Насралла повторил тот же трюк — и ему поверили еще больше, ведь это, если подсчитать, уже вторая его победа.

Шейх Насралла оказался первым арабским деятелем за долгие годы, который смог заявить: «Мы победили!» Неважно, какой ценой, неважно даже, правда ли это. Отныне он становится авторитетом и образцом для подражания для прочих арабских лидеров и политиков.

Президенту Судана Омару Баширу, уже не первый год готовящемуся к схватке за дарфурскую нефть, несказанно повезло. Не будь ливанской войны, первые же столкновения в Судане стали бы сравнивать с иракскими, а его бы прозвали вторым Саддамом. Теперь же он становится вторым Насраллой и обретает миллионы союзников и поклонников в разных арабских странах, готовых отправиться сражаться в Судан за его право обладать нефтью Дарфура.

Демарш суданского лидера, очевидно, не будет последним. Израиль своей операцией в Ливане открыл ящик Пандоры. Эта война показала, что гнев Запада вовсе не сокрушительен, что с Западом можно и нужно воевать и победой над Западом является выживание лидера — вне зависимости от того, сколько человек погибло вообще. Этим рецептом еще не раз воспользуются.

● **Партия Бога против коррупции**

Встретиться с руководством «Хезболлы» в Бейруте довольно непросто. Что до шейха Хасана Насраллы — так он вообще фигура для журналистов недосыгаемая. «Извините, но Израиль разыскивает его. Поэтому мы не можем рисковать его жизнью, он не дает никаких интервью. Ни с кем не встречается. И вообще не появляется на публике», — объясняют в пресс-службе шиитской группировки. Однако даже встреча с одним из ответственных шейхов среднего звена оказывается делом непростым. В назначенный час я подъехал в Дахию, бедный и полуразрушенный шиитский район Бейрута, контролируемый «Хезболлой», к неприметной заправке. Через несколько минут за мной подъехал «Мерседес» с молодым бородатым водителем, который отвез меня в нужное место — в офис одного из религиозных руководителей «Хезболлы» Халиля Ризка.

— Ты не боишься «Хезболлы»? Все ведь считают, что мы очень страшные, убиваем всех подряд? — шутя приветствует меня шейх Халиль. После недолгого разговора в офисе он предлагает мне съездить на юг Ливана — к израильской границе. Шейх садится за руль, я — рядом, и мы едем по Дахии на юг. Вокруг, вдоль улиц, развешаны портреты шахидов — бойцов «Хезболлы», погибших во время войны с Израилем 2006 года. Это рекламные плакаты, которые блок «8 марта» использует на нынешних парламентских выборах (эта коалиция и противостоящая ей «14 марта» названы в честь двух митингов, прошедших в 2005 году, — за и против вывода из Ливана сирийских войск). А еще повсюду висят портреты Хасана Насраллы, лидера исламской революции в Иране аятоллы Хомейни и нынешнего иранского духовного лидера аятоллы Хаменеи.

— А вы хотели бы, чтобы Ливан стал исламской республикой, как Иран? — спрашиваю я.

— Нет, конечно, это невозможно. У нас в стране так много христиан. Мы вовсе не хотим всех заставлять жить, как мы.

— Ваши политические соперники говорят, что «Хезболлой» руководит Иран, который хочет взять Ливан под свой контроль.

— И мы можем говорить об их связи с Саудовской Аравией.

— Эти портреты иранских аятолл доказывают, что их влияние на «Хезболлу» очень велико.

— Нет. Просто Иран тратит очень большие деньги на помощь жителям Дахии. Строит школы, дороги. Почему этого не делает правительство Ливана? Почему оно бросило своих граждан — может, потому, что оно рассчитывает на то, что о них позаботится Иран? После выборов мы исправим это. Никакая помощь из Ирана нам больше не понадобится, потому что правительство будет нести ответственность за всех ливанцев.

Мы подъезжаем к огромному ангару и меняем машину — пересаживаемся в большой джип, в который кроме нас садятся еще двое охранников. По дороге в сторону границы с Израилем я дохожу до самых важных вопросов:

— Если коалиция во главе с «Хезболлой» будет формировать правительство после выборов, это будет означать, что начнется новая война с Израилем?

— Почему же? — без улыбки отвечает шейх. — Мы не хотим войны. В 2006 году, когда Израиль напал на Ливан, у власти было не правительство «Хезболлы», а прозападное правительство Синьоры. А мы сейчас, между прочим, выполняем все резолюции Совбеза ООН о прекращении огня.

— Но «Хезболла» отказывается разоружаться.

— Если мы сложим оружие, с нами никто не будет разговаривать. В этом мире разговаривают только с сильными. Вот когда наша коалиция выиграет выборы, нас

не смогут изолировать. И европейцы, и американцы будут с нами разговаривать.

— Вы думаете, возможны переговоры между Барак-ом Обамой и Хасаном Насраллой?

— Зачем? Пусть США ведут переговоры с Ираном. Государство должно вести переговоры с государством. Мы уезжаем в горы и примерно через час подъезжаем к клубничным плантациям. Они принадлежат шейху Халилю — здесь, недалеко от израильской границы, находится его дача. Он показывает мне огромные парники, в которых трудятся замотанные в черное работницы. Потом возле крайне скромного дач- ного домика шейх и его друзья раскуривают кальян.

— В чем главная проблема Ливана?

— Коррупция, конечно, — не задумываясь отвечает мне шейх.

Он рассказывает о том, что после победы их коали- ции «8 марта» в Ливане будет установлена «Третья республика» — она положит конец той коррупции, которая сейчас владеет Ливаном. Под похожими ло- зунгами (вроде борьбы с коррупцией) 30 лет назад произошла, кстати, исламская революция в Иране.

— Мы тут совершенно разных взглядов, — вклини- вается в разговор один из гостей шейха, — вот я, на- пример, буду голосовать за Харири. Но это не мешает нам сидеть вместе и общаться. Работницы в чадрах приносят три ящик с клубникой, шейх укладывает их к себе в джип, и мы собираемся в обратный путь.

— Ну что, ты любишь «Хезболлу»? — спрашивает у меня тот человек, который, по его словам, будет голосовать за Харири.

— Только попробуй сказать, что нет, — громко смеясь, говорит шейх Халиль и картинно заносит над моей головой свою тяжелую трость. Все хохочут. Мне нечего ответить.

● Партия власти против Израиля

Чтобы поговорить с руководством блока «14 марта», в который входят поклонники покойного экс-премьера Рафика Харири, нужно приехать в дорогой бейрутский квартал Корейтем. На въезде стоит блокпост — и хотя мое имя есть в списке, такси, на котором я приехал, тщательно осматривают. Заглядывают и в багажник, и под днище. Теракты в Ливане — давняя политическая традиция, поэтому такие предосторожности, как и перегороженные улицы в центре Бейрута, никого не удивляют.

Именно на этой улице живет сейчас Саад Харири, лидер парламентского большинства, молодой человек с густо набриолиненными волосами и модной бородкой. Четыре года назад он после гибели своего отца неожиданно для самого себя из легкомысленного плейбоя превратился в лидера самой мощной либеральной политической силы в стране. Впрочем, предвыборные

плакаты блока «14 марта» по-прежнему украшает лицо покойного премьера-олигарха Рафика Харири.

В соседнем доме с Саадом Харири живет Омар аль-Хури, депутат, член правящей коалиции и бывший президент Ливанской федерации шахмат. Он встречается меня на пороге своей роскошной квартиры, улыбается и сетует на то, что это его вынужденное жилище — прежний дом был разрушен в прошлом году, когда правительство предприняло попытку разоружить «Хезболлу», а та отказалась и фактически взяла под свой контроль весь Бейрут.

Омар аль-Хури рассказывает о своем давнем знакомстве с Кирсаном Илюмжиновым, о том, что не раз приезжал в Москву. Разговор, впрочем, каждые тридцать секунд прерывается из-за того, что у парламентария звонит мобильный. «Сорри-сорри-сорри», — каждый раз говорит он, но трубку всегда берет.

— «Хезболла» хочет превратить Ливан в банановую республику. Чтобы мы полностью зависели от Ирана, — рассказывает он мне, когда телефон умолкает.

— Но про вас говорят, что вы слишком сильно зависите от Саудовской Аравии и США.

— Да? А какие доказательства? Доказательств нет!

— Вице-президент США Джо Байден недавно приезжал в Ливан и встречался только с лидерами «14 марта», а с лидерами «8 марта» — нет. И сказал, что в зависимости от исхода выборов Вашингтон может отказаться от финансовой поддержки Ливану.

— Ну и что? А еще он встречался со спикером парламента Набихом Берри, который поддерживает «Хезболлу».

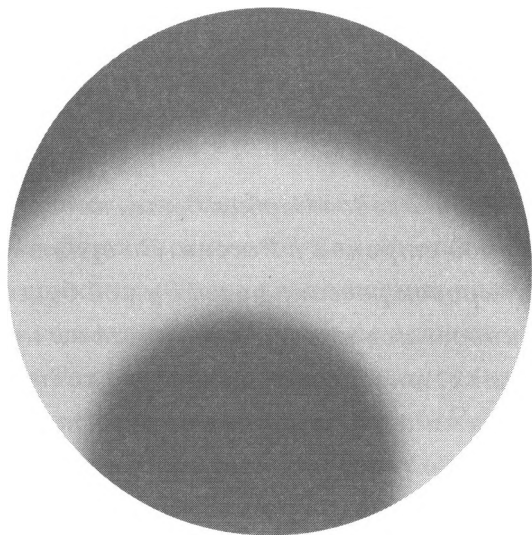
Потом Омар аль-Хури, продолжая широко улыбаться, рассказывает, что «Третья республика», которую хотят создать лидеры «8 марта», на самом деле должна полностью изменить все устои нынешней политической системы Ливана. Если до сих пор во власти 50 на 50 были представлены христиане и мусульмане, то после этих выборов доля мусульман будет увеличена: христиане получают треть, и еще по одной трети — сунниты и шииты. В «Хезболле», правда, меня уверяли, что подобных планов у них нет и все это пропаганда противников.

— В чем главная проблема Ливана? — спрашиваю я.

— Главная проблема? Это Израиль, — задумчиво отвечает Омар аль-Хури. Он, правда, не говорит, что Израиль стал главной проблемой именно для прозападного движения «14 марта», так как летней войной 2006 года поднял популярность «Хезболлы» и подорвал позиции бездействовавшего правительства.

— Это исторические выборы. Критический момент в жизни Ливана, — говорит мне на прощание депутат. Он закрывает за мной толстую дубовую с позолотой дверь и не перестает так лучезарно улыбаться, что у меня не возникает сомнений в том, что он не осознает, насколько серьезно все то, о чем он сам говорит.

**VI СЕРБИЯ И КОСОВО.
«ПОНОС»
ЗНАЧИТ
«ГОРДОСТЬ».**





В конце 1990-х годов Сербия была, наверное, самой популярной страной в России. Во время натовских бомбардировок россияне всей душой болели за сербов и радовались новостям о сбитых натовских «стелсах», многие мои знакомые ходили закидывать яйцами американское посольство, а стены домов в самых отдаленных городах России украсила надпись «давай гранату, остановим НАТО». А потом это прошло. Игра в «остановим НАТО» закончилась, про сербов забыли. На них многие как бы даже обиделись — мол, не устояли, сдались.

А сербы в то же время обиделись на русских — мол, не защитили, сдали. Во время моих последних поездок по Сербии я то и дело встречал людей, которые говорили: «хорошо, что в этот раз вы нас не предадите, а будете защищать». Они вообще говорили много странного.

Что Косово никогда не отделится от Сербии (при том, что оно фактически отделилось еще в 1999 году), что американцы специально хотят раздробить Сербию и на откалывании Косово не останутся — продолжают и дальше откусывать по кусочку. Что Россия-де непременно начнет войну с США, если те признают Косово. И эти люди не сами это придумали. Они в это верили, и верили давно.

Спорить было невозможно. Одно дело бороться с неправдой, другое дело — с мифами, которые лелеют годами, которые используют, с которыми живут и умирают.

В Сербии, пережившей войну, революцию и попытку реставрации, я понял, что покончить с режимом намного проще, чем расстаться с мифами. Для последнего нужно произвести революцию в своей собственной голове.

● Серб и молот

Националисты в детском саду

Детский сад «Зека» («Зайка») с самого утра воскресенья был полон народу. Фотографии мальчиков и девочек в нарядных костюмчиках развешаны по стенам. Рядом — детские рисунки. Вот солнышко, которое нарисовал трехлетний Бранко Петрович. А вот котенок четырехлетней Еленки Маркович. На соседней стене — фотография радостных и гордых родителей и воспитателей: они смотрят, как танцуют малыши.

Но эти картинки никто не замечал. У входа в два ряда сидели серьезные мужчины и женщины. Старичок в костюме с ультрафиолетовой лампой осматривал руки всех входящих. Блондинка средних лет выдавала бюллетени. А потом молодой парень прыскал спреем каждому пришедшему на указательный палец — чтобы никто не смог проголосовать дважды. В детском

саду расположен избирательный участок № 7 города Белграда.

22 января 2007 года в Сербии проходили парламентские выборы — первые после смерти Слободана Милошевича и распада союза с Черногорией.

Вдруг комиссия оживилась. К участку подошел седоватый мужчина с супругой в больших солнечных очках. За ними скромно следовали их сын с женой. Старушки бросились пожимать руку подходящему мужчине, подросток взял автограф. Это Томислав Николич, тогда он был руководителем Сербской радикальной партии. Лидер этой партии Воислав Шешель уже несколько лет сидел в гаагской тюрьме — трибунал по бывшей Югославии обвинял его в военных преступлениях. Но на многих стенах в Белграде было аккуратно выведено краской: «Шешель — сербский герой».

Ультранационалисты Шешеля и Николича выиграли предыдущие парламентские выборы, получив 27 % мест в парламенте, но ни одна партия не согласилась войти с ними в коалицию. Теперь их предвыборный лозунг был: «50 % плюс твой голос» — радикалы надеялись сформировать правительство самостоятельно.

Николич зашел в детский сад, полюбезничал с комиссией и позволил обрызгать свой палец спреем.

— Мы одержим победу. Сербия должна идти своим путем, и никто не должен вмешиваться в наши дела, — уверенно сказал он, опустив бюллетень. — Мы не вмешиваемся в дела Евросоюза, зачем же они вмешиваются в наши? Нам поможет Россия, — многозначительно добавил он.

— Какой помощи от России вы ждете? — спросил я. Томислав Николич вроде бы знает русский, но отвечает по-сербски.

— Россия — наш стратегический союзник. Она всегда нас поддерживала и сейчас не допустит того, чтобы у нас отняли Косово.

Европейские журналисты окружили лидера сербских националистов со всех сторон, спрашивая, стоит ли Европе опасаться их победы и согласятся ли радикалы когда-нибудь с независимостью Косово. Томислав Николич не знал английского, но ответил им по-сербски, что опасаться не стоит, но независимости Косово радикалы не допустят.

Я подошел к сыну лидера националистов, скромно стоящему в сторонке.

— Очень приятно, меня зовут Бронислав, а это моя жена Милана, — смущенно улыбнулся он. — Мы очень рады видеть здесь журналиста из России.

Его жена кивнула и переспросила:

— Вы прямо из самой Москвы?

В отличие от Томислава Николича, они говорили по-английски, а русского не знали.

— Я думаю, что мы победим, но не уверен, что удастся сформировать коалицию. Могут возникнуть проблемы, — Бронислав смутился еще сильнее. Он явно не так радикален, как его отец.

Но тут к нему на подмогу подбежал один из молодых убежденных националистов.

— Вы из России? Отлично. Меня зовут Боян. Он перекрестился и уверил меня, что их партия победит.

— Мы никогда не позволим забрать у нас Косово. Это наша земля. Вот у вас есть Чечня, но вы же ее никому не отдаете. И американцы не смеют ее у вас забрать! А почему они забирают у нас Косово?

— Но в Косово уже почти нет сербов. И многие страны готовы признать его независимость. Как вы сможете удержать его?

— Это наша земля! Мы не хотим войны. Но просто так мы ничего не отдадим. Мы будем бороться. Мы гордый народ и не позволим иностранцам отнимать нашу территорию, — он говорил все быстрее и быстрее, так, что я перестал его понимать.

Пройдет пять лет и Николич станет президентом Сербии. Правда, до этого он выйдет из Сербской радикальной партии.

Сторонние наблюдатели

— Ультранационалисты могут получить много больше, чем дают им соцпросы. Но многие люди стесняются говорить, что проголосуют за радикалов, — говорил глава миссии наблюдателей ПАСЕ, польский депутат Тадеуш Ивинский. — Их победа может оказаться угрозой для тех процессов, которые шли в Сербии в течение последних лет. Национализм и патриотизм — это разные вещи. В Европе понятие национализма воспринимается не слишком положительно. Национализм может нанести большой ущерб, если он переходит в изоляционизм и шовинизм.

Тадеуш Ивинский полиглот. Он говорит на 15 языках, в том числе на русском и сербском, но скромно отмечает, что это совсем немного — в мире их несколько тысяч.

Российские наблюдатели с его оценкой в общем-то согласны.

— Радикалы, чего доброго, могут получить половину всех голосов. Это был бы идеальный вариант, — с радостью говорил глава российской миссии наблюдателей, вице-спикер Госдумы Сергей Бабурин. К сербским ультранационалистам он испытывал личную симпатию.

— Это партия, которая выступает против НАТО и за российские интересы. Мы с Шешелем давние партнеры. Еще в 2002 году, а может, в 2001-м мы подписали тройственный пакт о сотрудничестве: Сербская

радикальная партия Шешеля, украинская Прогрессивно-социалистическая партия Натальи Витренко и «Народная воля» Бабурина.

— А Ле Пена не было?

— Ну, не подвернулся. Иначе подписали бы вчетвером. Причем получилась сюрреалистическая ситуация: мы подписали соглашение на английском языке в Багдаде! Лидеры трех славянских партий, ни один из нас не знает английского языка. Но в Багдаде не было машинки с кириллицей. Пришлось переводить на английский. Ну, не на арабский же!

Сергей Бабурин возглавлял официальную российскую делегацию депутатов Госдумы. Встречаясь с лидерами политических партий, он с гордостью рассказывал, что Дума недавно приняла заявление, требующее прекращения работы Гаагского трибунала и возвращения всех подсудимых на родину. А еще о том, что Россия поддержит любую позицию Сербии по Косово — «главное, чтобы Сербия сама не отказалась от него».

Перед нынешними выборами все сербские партии заявляли, что они против независимости Косово.

— Реально, конечно, Косово потеряно, — признался Сергей Бабурин. — О чем говорить, если в радиусе нескольких десятков километров от Косова поля нет ни одного серба? Но почему вопрос Косово стал самым главным на выборах? Реально воевать за Косово были готовы только радикалы. И остальные партии, чтобы

размыть их позиции, сказали, что и они тоже за Косово. Спекуляции о Косово стали знаменем для всех. И на фоне остальных радикалы стали выглядеть менее решительными.

— А радикалы все еще готовы воевать за Косово? — спросил я.

— Да нет. Те, кто были готовы и говорили об этом публично, сейчас или в Гааге, или на том свете, или в розыске. Армия разгромлена. Им сегодня уже нечем воевать.

— Но что значит воевать? Выгонять из Косово албанцев?

— Как можно воевать? А как воюют? Берешь автомат, идешь и захватываешь свой дом. И никого туда не пускаешь. Но они уже не готовы. Даже беженцы — и те смирились. Несколько лет назад я приезжал сюда, а сербские политики меня спрашивали: «Ну что, мы не можем воевать за Косово, а вы будете?»

— На чем же тогда держатся радикалы? Почему они так популярны?

— Они единственные, кто выступает за сербский путь, против НАТО, против ЕС, за ориентацию на Россию. И если они выигрывают, то у Сербии будут проблемы с Евросоюзом, — гордо улыбнулся вице-спикер.

Друзья России

Уже несколько месяцев весь Белград был оклеен толстым слоем предвыборных плакатов. Лозунги очень разнообразны. «За больи живот!» — гласила надпись под портретом президента Бориса Тадича, означавшая, что его Демократическая партия призывает голосовать «за лучшую жизнь». «Сербийю, главу горе!» — призывал плакат соцпартии покойного президента Слободана Милошевича. Это означало «Выше голову». «Шешель победник» — констатировали плакаты радикалов. Это означало просто «Шешель победитель». «Живела Сербия радосна и поносна» — кричали плакаты партии премьера Воислава Коштуницы. «Живела» значит «да здравствует», а «понос» (с ударением на первый слог) по-сербски значит «гордость».

Российским депутатам местная агитация не понравилась.

— Не хватает креатива, — упрекали они сербских коллег, — такое впечатление, что у вас, сербов, нет истории. Где ваша национальная самобытность? Вот Россия всегда в сложные периоды жизни обращалась к корням. В 1941 году на плакатах соседствовали изображения и князя Александра Невского, и великого полководца Суворова. Почему бы вам было не поместить на плакат короля Петра, маршала Тито и Слободана Милошевича? — спросил депутат от ЛДПР Владимир Чуров лидера соцпартии Ивицу Дачича. Тот пожал плечами и начал оправдываться:

— Да, все верно. Но нам сказали, что это несовременно. Якобы молодежь хочет, чтобы плакаты были устремлены в будущее, а не в прошлое.

Сейчас бывшая партия Слободана Милошевича балансировала на грани прохождения в парламент.

— Но если мы пройдем, то с нами придется считаться. Кто бы ни формировал коалиционное правительство, они не обойдутся без нас, — сказал Ивица Дачич.

Другими словами, бывшие соратники Милошевича были готовы присоединиться к кому угодно, правда, в качестве предпочтительных партнеров они называли радикалов и партию премьера Воислава Коштуницы. Демпартию президента Бориса Тадича социалисты критиковали.

— Вот Тадич говорит, что мы не вступим в войну из-за Косово. И не будем разрывать отношения с теми странами, которые признают независимость Косово. И не будем требовать референдума о независимости Республики Сербской в Боснии. Но это противоречит интересам Сербии! Мы, конечно, не призываем к тому, чтобы Сербия прямо сейчас вступала в войну. Но его слова дают возможность нашим противникам делать все, что им заблагорассудится. Делайте что угодно, и им за это ничего не будет!

Но демократы во главе с президентом Тадичем считали, что интересы сербов отстаивали именно они. — Неужели в интересах Сербии новая изоляция? Мы должны развиваться, мы должны сотрудничать и с Ев-

ропой, и с Россией, и с США, и с Китаем. Нам нужно развивать собственную экономику, — убеждал меня Божидар Джелич, кандидат в премьер-министры от демпартии, бывший министр финансов в правительстве покойного Зорана Джинджича.

— Российские депутаты называют вашу партию проамериканской. Что вы на это скажете?

— Это неправда! — почти кричал он. — Для нас очень важна Россия. И мы, в отличие от некоторых, не хотим использовать Россию как инструмент. Мы хотим, чтобы она была нашим партнером. Мы знаем, что у России есть свои интересы, и она должна отстаивать их, а вовсе не сербские. У нас нет этой романтики — что Россия все за нас сделает. Но я знаю людей, которые считают, что Россия должна отстаивать интересы Сербии. И обязательно напишите, что я с вами говорил по-русски! Для меня это очень важно. У меня в России есть крестник! — гордо улыбнулся Божидар Джелич. — Я ведь два года работал в России, советником при правительстве Гайдара.

— Сейчас власти в России сменились, и то, что вы работали в команде Гайдара, может не прибавить вам популярности.

— Ну, я тогда был молодым аналитиком, мне было 26 лет, я просто помогал, — смутился кандидат в премьеры, — это не значит, что я не знаю нынешних российских политиков. Когда я был министром

финансов, я работал с господином Кудриным, с Германом Грефом, встречался с господином Миллером. Я думаю, что именно наша партия может стать лучшим партнером для России.

Пройдет несколько лет, и все участники этого диалога пойдут в гору. Сначала Божидар Джелич станет вице-премьером. Потом Владимир Чуров, потренировавшись на сербских выборах, станет главой российского Центризбиркома. А еще через семь лет Ивица Дачич станет главой сербского МИДа.

● **Голос гордости**

Ближе к вечеру я снова пошел на избирательный участок, на этот раз в центре города, в здании поликлиники на улице Косте Стояновича. Утром именно здесь голосовал президент, но проезд по улице до сих пор был перекрыт полицией. Подойдя ближе, я понял, что с выборами оцепление никак не связано. Улица перекрыта потому, что здесь уже второй день снимали рекламный ролик местного пива «Олень».

У участка я решил устроить собственный exit poll. Первая пожилая пара проголосовала за социалистов покойного президента Милошевича, следом за ними молодые супруги — за демпартию нынешнего президента Тадича. Старичок с тросточкой отказался признаваться, а мать со взрослой дочерью предпочли

партию премьера Коштуницы. Наконец, крепкий юноша, пенсионерка и мужчина средних лет выбрали радикалов.

— Раньше я голосовал за демократов. Но они уже надоели, — начал объяснять последний избиратель.

— У радикалов, конечно, плохо с кадрами. Но, может, они не будут воровать? Демократы обещали, что нас примут в Евросоюз, и где же он? Нас никуда не принимают! Европейцы говорят, что мы не удовлетворяем каким-то критериям, а сами приняли Болгарию и Румынию, которые совсем не богаче нас. Обидно. Унизительно. Надоело. Понимаете, очень хочется чем-то в жизни гордиться. Кто-то гордится богатством, кто-то работой своей, родственниками. Ну, наконец, кошкой, собакой. А я хочу страной гордиться. Я не быстро говорю, понимаете по-сербски?

Я понял.

Безымянная земля

Для того чтобы попасть в Косово, мне пришлось сменить имя. Переименовали меня французские миротворцы, охранявшие границу между Сербией и Косово. Пристально изучив мой загранпаспорт, они выдали мне карточку, дающую право на въезд. В ней говорилось, что мое имя Михаил, а фамилия — Викторович.

Первой моей остановкой в Косово стал город Митровица. В городе быстро стемнело. Дорога шла в гору, потом с горы, потом опять в гору. Потом в окнах домов перестал гореть свет. Потом стали появляться дома без крыш, стекол и каких-либо признаков жизни.

— В северной части Косово осталось немало бывших домов албанцев, — объяснит мне потом глава российской миссии в Косово Андрей Дронов. — Во время войны они убежали и сейчас живут во временных квартирах. Белград, конечно, хотел бы отделить северные округа Косово, населенные сербами, и присоединить их к себе. Но албанцы явно будут против.

В гостинице я столкнулся с другой особенностью Косово. Едва вошел в номер, свет во всем отеле погас. — С электричеством здесь просто катастрофа, — расскажет мне потом Андрей Дронов. — Все Косово делится на три зоны: А, В и С. К зоне С относятся те районы, которые не платят за электричество. Поэтому его им отключают. Система «один-пять». Один час есть свет, пять нет. Большинство сербских районов относится к зоне С. Белград предлагает платить косовской компании за сербов. Но пока ничего не решено.

Сидя в крошечной темноте гостиницы в Митровице, я еще не знал, что всего лишь очутился в зоне С.

Наутро мы отправились в албанскую часть Косово. Митровица разделена на две части рекой Ибар: на северном берегу живут сербы, на южном — албанцы. Таксист-серб пообещал доехать только до моста.

Мост через Ибар оказался мудреным архитектурным шедевром. Построили его недавно, уже при ооновских властях. Снизу его подсвечивают красивые синие лампочки. Но не всегда, а, видимо, только днем, потому что ночью электричества обычно нет.

Внизу, под мостом, в мутных водах Ибара кувыркались и крякали жирные утки.

— Некому их стрелять, — нацеливаясь на них своей камерой, пробормотал фотокор Василий Шапошников. Гаранты спокойствия уток, ооновские миротворцы, чинно прохаживались по обе стороны моста.

Разница между сербской и албанской частью Митровицы видна сразу. Если на севере все стены были оклеены предвыборными плакатами, то на южном берегу красочные плакаты возвещали о другом выборе Косово. Постеры гласили: «Thank you USA», «We love America». В декабре прошлого года в Косово проводили трехдневный праздник любви к Америке — плакаты остались с тех пор.

Выяснилось, что по эту сторону Ибара сербские динары уже не принимают — только евро.

Таксист-албанец знал по-английски всего пару слов, поэтому поначалу разговор не клеился.

— Может, по-сербски? — вдруг с надеждой предложил он. Пошло намного лучше.

— За последние годы ситуация в Косово сильно изменилась, — будет потом рассказывать мне давний

знаток края Андрей Дронов. — В 1999 году дипломата из Болгарии в первый же день работы в Приштине застрелили в лоб прямо в центре города только за то, что он спросил по-болгарски, сколько времени. Даже не по-сербски! Такая была реакция на славянскую речь. А сейчас этническая ненависть потихоньку сходит на нет. Но не везде, конечно.

Пока мы ехали в Приштину, столицу Косово, на мой мобильный телефон вдруг пришло SMS «Добро пожаловать в Монако». Оказалось, что местный оператор мобильной связи — монакская компания Vala. Косовские пользователи сотовых телефонов все время находятся в роуминге и разговаривают друг с другом через Монако. — В 1999 году, когда мы перешли под управление временной администрации НАТО, возникла необходимость в том, чтобы у Косово был собственный телефонный код, — объяснит мне потом советник косовского правительства Дардан Гаши. — Был проведен тендер, в котором участвовали компании из Австрии, Германии, Франции. Но победило почему-то Монако. Решали чиновники из ООН. Видимо, небескорыстно. Монакская связь очень дорогая. Но что поделать? Сейчас мы работаем над созданием второго оператора. Будет тендер, в нем участвуют компании из Словении, Германии и США. Как раз к обретению независимости у нас появится вторая компания сотовой связи.

Первым, что я заметил в Приштине, был огромный портрет Билла Клинтона на одном из домов.

— Это бульвар Клинтона, — объяснил таксист. — Он великий политик и миротворец.

Рассказывают, что раньше на бульваре Клинтона работали два кафе: «Моника» и «Хиллари». Но потом их почему-то закрыли. А имя Билла Клинтона у бульвара осталось.

Загадочные превращения

Приштина застраивается быстрыми темпами. В косовской столице живет уже миллион человек, здесь полно суперсовременных зданий. Однако самое важное из них — очень старое, не слишком красивое и очень неудобное. Это UNMIK, ооновская временная администрация Косово. Именно отсюда управляется край последние семь лет.

У проходной меня встретила Сесил, норвежка, работающая в Косово все эти семь лет.

— Проходите. Видите, сколько у нас охраны. Очень неудобно. Так, теперь в лифт. Он очень маленький, аккуратнo. Дверей у него нет, поэтому, если вы чуть-чуть отклонитесь назад, он сразу остановится. Вот. Остановился.

Сотрудники UNMIK не скрывают, как им смертельно надоело в Косово. Не скрывают своей неприязни к ооовцам и местные.

— Это раньше ООН была для косоваров символом свободы. А сейчас они все считают ее тормозом их

движения к независимости, — расскажет мне потом Андрей Дронов. — Независимость им уже не раз обещали, а ее все нет и нет. Кто виноват? ООН и международное сообщество. Значит, надо помочь им принять решение. 28 ноября у здания ООН была демонстрация, забросали его бутылками. Пока только с краской, — многозначительно заканчивает дипломат.

В ООН, правда, той демонстрации вроде не испугались. — Я был здесь в тот день и наблюдал ту демонстрацию через окно, — говорит глава департамента информации UNMIK Александр Иванько. — Это был день флага, самый главный здешний государственный праздник. Собрали всего 700 человек. Местное радикальное молодежное движение регулярно пытается проводить у нас тут под окнами митинги за независимость. Вчера собрали 22 человека. Позавчера пять.

Впрочем, Александр, как и его коллеги, считает, что работа в Косово сделана и пора уезжать. — Сколько можно тянуть? Мы тут уже семь с половиной лет. Создали органы власти, парламент. За эти годы здесь возникла парламентская демократия, свобода слова, очень приличные СМИ, которые совсем не стесняются критиковать власти. А вот если статус Косово не будет решен в самые короткие сроки, возникнут проблемы.

Все здесь признают, что удивительные превращения произошли за семь лет не только с косовскими политиками, но и с ооновскими администраторами.

— Здесь созданы все условия для коррупции. С людьми происходят странные вещи, — расскажет мне потом Андрей Дронов. — Много таких примеров: приехал сюда работать честный европеец, посмотрел на все это — и так стал воровать! Человек, который заведовал реконструкцией косовской электростанции, уж не буду называть его национальность, сейчас под следствием, потому что грубо перевел на свой счет \$4 млн. Ну, неопытный человек, не через оффшоры, а так, напрямую. В общем, разворачиваются люди очень быстро.

Не любят ооновскую миссию в Косово не только за это. — UNMIK все эти годы пыталась отделить Косово от Сербии, — возмущался в Белграде глава департамента экономического развития Косово в сербском правительстве Ненад Попович. — Они старались сделать Косово искусственным экономическим островом. Но связи, которые существовали 50 или 100 лет, не разрушить в одночасье. Косово как независимое государство экономически несостоятельно.

Напротив здания UNMIK очень много кафе и ресторанчиков — китайские, французские, итальянские. Их любят сотрудники приштинских международных организаций. В одном из них мне назначил встречу советник косовского премьера Дардан Гаши. За окном лил проливной дождь, и в самом кафе было холодновато.

— Да, неприятная погода, — улыбался политик, — надо вам приехать в июне. И тепло будет, и на праздник попадете.

— Праздник?

— Ну, я думаю, что как раз в июне будем праздновать провозглашение независимости. Смотрите сами. Ахтисаари представит свой план. В феврале он попадет в Совбез. Пару месяцев они будут его изучать в рабочих группах. Заседания начнутся в апреле. В мае, думаю, все закончится.

— А мнение Сербии не спросят?

— Почему? Спросят. Но слушать его никто не будет. Сербии надо просто принять реальность. Они потеряли Косово семь лет назад. В резолюции 1244 написано, что возврата к состоянию, какое было до 1999 года, не будет. Значит, Косово уже не войдет в Сербию. Косово будет независимым. У нас уже все не так, как в Сербии. Своя правовая система. Свои паспорта. Валюта — евро. Кроме независимости, нет вариантов. Нет плана Б. Можем только подождать, а потом праздновать.

Дардан Гаши всем своим видом давал понять, что знает нечто, что придает ему уверенности, а его словам — дополнительный вес.

— Многие говорили, что Косово будет независимым в июне прошлого года, — убеждал меня незадолго до этого в Белграде Ненад Попович, — потом они передвинули сроки. Сказали, в сентябре. Потом в ноябре. Но никакой независимости не было. И не будет. Поверьте мне, — улыбался высокопоставленный сербский чиновник.

Враги без границ

Из Приштины мы отправились в Грачаницу — это сербский анклав в пяти километрах от косовской столицы. Никаких заборов, стен или рвов сербских поселений от албанской части не отделяет — просто неожиданно оказывается, что надписи вдоль дороги уже на кириллице. Зато местный монастырь окружен колючей проволокой и мощной стеной. Его охраняют военнослужащие из Швеции.

Духовенство монастыря занято другими делами. Епископ косовский Артемий написал воззвание, адресованное лидерам европейских стран. Он назвал его «Протрезвись, Европа».

— У нас в сербском языке есть пословица. Не рой другому яму, сам в нее попадешь, — говорил на чистом русском епископ. Он предупреждал лидеров, что, если они предоставят Косово независимость, начнется эффект домино, и вскоре все европейские государства развалятся на кусочки.

На пороге церкви Успения Богородицы я встретил человека.

— Я поговорю с тобой, но только ты не должен писать моего имени, хорошо? — предложил он.

Мне очень бы хотелось написать. Но я не буду.

— Что ты будешь делать, если Косово станет независимым?

— Останусь здесь, — с вызовом говорил мой собеседник. — Сербы пережили всех врагов. И турецкое

иго, и власть коммунистов, переживем и независимость Косово. Косово — это сердце Сербии, колыбель нашей нации. Сербия не может без Косово, как сердце без тела. Но ничего, это все временно. Америка не будет сверхдержавой всегда. Ну, лет сто или двести. А потом это кончится. И тогда Косово снова вернется в Сербию. — Как же это случится?

— Бог устроит. Единственное, что мешает нам вернуть Косово, это НАТО. Когда НАТО уйдет, снова придет сербская армия. Все просто. Албанцы не смогут воевать против нас без поддержки НАТО. Они трусы.

Мы распрощались. Рядом, на пороге православного монастыря, крестились немецкие миротворцы.

Недалеко от ворот была припаркована машина, хозяин которой деловито свинчивал номера.

— Это обычное дело, — объяснял мне советник косовского правительства Дардан Гаши, — у многих сербов, живущих в Косово, есть и местные номера, и сербские. Просто сербские власти не признают косовские номера, поэтому людям приходится регистрировать машины и там и здесь. Бывает, остановится машина прямо перед полицейским постом на границе и водитель начинает менять номера. Это незаконно, конечно. А что еще людям делать? Мы закрываем глаза на это.

Недалеко от Грачаницы находится легендарное Косово поле. Сейчас оно называется «Фуша Косова» и уже никакое не поле, а пригород Приштины. Здесь находится много торговых центров, строят коттеджные

поселки. Есть несколько церквей, но они пустыют. Сербы тут не живут, а их бывшие дома стоят вдоль дорог без крыш, с пустыми глазницами окон.

А сразу за Косовым полем находится Слатина, приштинский аэродром, который стал известен в 1999 году, когда его заняли российские военные. Сейчас россиян в Слатине нет, их вывели в 2002 году, а в их казармах поселились натовцы.

— Ты знаешь, когда русские тогда высадились здесь, в Слатине, все очень радовались, — рассказывал мне житель Приштины Арменд. — Албанцы — потому что не знали, что это русские. А сербские войска как раз собирались уходить. Но появление русских вселило в них надежду. Они всю ночь праздновали, веселились, палили из пушек. В ту ночь очень много людей убили. Мне мать рассказывала. Она как раз здесь в то время была. Русские даже за пределы аэродрома не выходили — но сербы все равно радовались. Это длилось двое суток. Это были последние двое суток, когда сербская армия была в Косово — потом пришло НАТО.

Я вышел из машины, чтобы осмотреть окрестности легендарного аэропорта. Прямо на дороге за мной увязался немолодой цыган.

— Нам не нравится дом, который нам построило правительство, — стал рассказывать он, показывая на многоквартирную башню, стоящую у него за спиной. — Они нам построили его на прежнем месте,

где раньше стоял наш табор. А мы не хотим — нам надо переехать на новое место. Вы ведь из гуманитарной организации?

— Нет, просто журналист. Из России.

— Из России? Все равно слушайте. Вот эта гора, она называется Слатина. Во времена Тито в этой горе была авиабаза. Стратегический объект, очень секретный. МиГи вылетали прямо из горы. Никто не знал, что там на самом деле находится. Вот и неудивительно, что русские сюда так поспешили. Им нужно было что-то забрать, чтобы это не досталось НАТО. Они вывезли, что нужно, и ушли. Я вам рассказал эту тайну, а вы помогите нам перебраться на новое место, ладно? Вы ведь из гуманитарной организации, да?

— Нет.

Цыган махнул на меня рукой и обреченно пошел прочь, назад в свою многоэтажку.

Из Слатины мы поехали обратно в Митровицу. Вдоль дороги тянулись торговые центры, автосалоны, заправки, которые перемежались брошенными пустующими домами и свежими кладбищами. Столбы по бокам пестрели забавными дорожными знаками: мыши, лягушки, акулы, змеи. Эти знаки нужны, чтобы облегчить жизнь миротворцам. В Косово они часто теряются, забывают дорогу к своим частям. Животные на знаках соответствуют размещенным здесь подразделениям и указывают им дорогу домой.

Вернувшись в сербскую часть Митровицы, я зашел в магазин. Человек десять сидели в углу, вокруг телевизора, напряженно слушая новости. Один из них, увидев меня, встал и нахмурился. Потом, неодобрительно тыча пальцем в экран, отчетливо проговорил:

— Международная задница!

— Что? — недоуменно переспросил я.

— Ме-джу-на-ро-дна зае-дни-ца, — медленно повторил он.

Я кивнул. По-сербски это «мировое сообщество».

VII ДАРФУР.





Поездка в Дарфур была моей последней командировкой на войну. Я уже решил, что завязываю с этой странной профессией. Военному корреспонденту трудно сохранять рассудок. Мира раскалывается на: здесь и там. Всегда кажется, что все, что ты делаешь там, намного важнее, чем простой быт здесь; все время ужасает, что здесь никто не ценит, не знает не понимает и не хочет понять той правды, которая очевидна там; все что происходит здесь, кажется невероятной глупостью, постыдной мелочностью.

Я решил уйти из военной журналистики, потому что мне казалось, что я теряю контроль над собой; я перестаю здраво оценивать происходящее вокруг, начинаю верить в мифы, ради которых вокруг меня убивают и умирают.

Дарфур был последней и самой бессмысленной командировкой. О геноциде, который продолжался там около пяти лет, в России фактически никто так и не узнал — и все это казалось таким далеким и неважным. Вернувшись, я и сам уже не был уве-

рен, что из общепринятых статистических ужасов из Дарфура правда, а что преувеличение.

Судан удивил меня тем, что это была куда более бедная страна, чем, например, Ирак при Саддаме. И ура-патриотическая риторика была та же, и конспирология, которой пичкали меня мои собеседники. Но если в Ираке я то и дело убеждался, что его затравленные жители повторяют слова о любви к своему вождю, потому что они парализованы страхом, то суданцы по большей части искренне верили — так мне показалось. Ужасающие условия жизни не мешали им свято верить в то, что особый суданский путь — единственно правильный, все войны, которые они ведут — оборонительные и священные, а вождь, который их убивает и защищает, во всем прав.

Я так устал от этой заезженной пластинки, что решил, что больше не буду ее слушать.

И слушаю ее до сих пор.

● Война

— Уважаемые пассажиры. Мы приветствуем вас на борту нашего самолета, следующего по маршруту Хартум—Эль-Фашер.

Никого из пассажиров это объявление не смущает, его просто никто не понимает — а все потому, что оно было произнесено по-русски.

Самолет, который летит в столицу Северного Дарфура, — это украинский Як-42, принадлежащий одесской компании «Южные авиалинии». Суданцы арендуют его вместе с экипажем: двумя пилотами и стюардессой Анжеликой.

— А вы что, всегда делаете объявления на русском? — спрашиваю я ее.

— Да нет. Только если в самолете русские. То есть сейчас — специально для вас.

Украинский экипаж работает в Судане уже полгода. Анжелика говорит, что летать два раза в неделю в Дарфур вовсе не страшно. Она не слышала сообщений о том, что в отдаленных частях этой провинции все еще идут бои, правительственные войска бомбят позиции боевиков, а ООН оценивает число погибших в гражданской войне в Дарфуре за последние три года в 300 тыс. человек.

Нефть

— Дарфур — это как ваша Чечня. То, что здесь произошло, еще не скоро сотрется из памяти, — рассказывает мне Хасан аль-Макки, политолог и руководитель Суданского центра африканских исследований. По его мнению, главная причина произошедшего в Дарфуре — заговор западных стран против Судана. Здесь об этом говорят все чиновники, пишут очень многие газеты и с упоением рассказывают большинство аналитиков.

— В Дарфуре есть нефть, уран и медь. Запад, конечно, заинтересован в том, чтобы там была нестабильность. За три года в Совете безопасности ООН было принято 11 резолюций по Дарфuru — больше, чем по Ираку, Палестине, Афганистану. Такое впечатление, что Дарфур — главная мировая проблема, — негодует Хасан аль-Макки.

Действительно, внимание к Дарфуру на Западе очень велико. Начиная с 2003 года европейские и американские СМИ много пишут об этой провинции. Они рассказывают о том, что там началось восстание африканских племен, а затем арабские вооруженные отряды, которые здесь называют «джанджавид», стали подавлять это восстание. Более того, западные журналисты утверждали, что именно правительство Судана вооружало джанджавид и его целью было истребление всех африканских племен Дарфура.

Но Хасан аль-Макки утверждает, что эта история специально раздута журналистами. По его словам, жертв было не так много — всего несколько сотен.

— Многим не нравится, что в Судане работают в основном китайцы. Вы, наверное, слышали о том, что несколько месяцев назад в Судане похитили и убили китайцев? Кому помешали китайцы? Кому они навредили? Похищения китайцев нужны только Западу, чтобы оттолкнуть Китай от Судана.

Китайцев в Судане и правда много. Они строят дороги, мосты, торговые центры. Китайская CNPC добывает в Судане нефть. Кроме того, в Совете безопасности ООН Китай и Россия обычно накладывают вето на резолюции, осуждающие власти Судана за происходящее в Дарфуре.

Дороги

— Вы только посмотрите на эти дороги! Взгляните! Тут везде же асфальт, — Ясин, суданец, прилетевший со мной на одном самолете в Эль-Фашер, столицу Северного Дарфура, не может скрыть своего изумления. — Знаете, я из Северного Кордофана. Это провинция, которая граничит с Дарфуром. У нас еще нефть добывают. Так вот, у нас нигде нет таких дорог. Понимаете, да? Ни одной асфальтированной дороги. И эти дарфурцы еще на что-то жалуются. Если бы мои соплеменники увидели, чего Дарфур добился своей войной, они бы завтра взяли за автоматы.

Рассказывают, что война в Дарфуре оттого и началась, что эта провинция была самой бедной, самой богом забытой во всем Судане — самой большой африканской стране, по площади не меньше всей Западной Европы.

Впрочем, нынешнему относительному благополучию Эль-Фашера способствовала не столько война, сколько расположенный в нем штаб миротворческой миссии ООН. Именно она положила начало бурному строительству в городе — новые здания здесь возводят с прицелом на то, что миротворцев со временем будет прибывать все больше и больше, им понадобится жилье и они будут арендовать уже готовые дома. Миссия действительно разрастается, но довольно медленно. Ооновцы поговаривают, что быструму развертыванию препятствуют суданские

власти. Но правительство утверждает, что в затягивании виновата ООН, так как несвоевременно выделяет деньги на переброску людей и оборудования.

Днем Эль-Фашер выглядит вполне благополучно. Здесь есть одно многоэтажное здание, довольно напряженное движение и огромный рынок. Однако с наступлением темноты люди пропадают, они стараются даже не выходить во дворы собственных домов. Кто хозяйничает в городе ночью, неизвестно.

Страх

В лагере беженцев меня моментально обступают дети. Их около сотни — от трех до десяти лет. Разговорить их непросто: если начать расспрашивать кого-то одного, он сразу смущается и замолкает. Зато все остальные начинают ему хором подсказывать. Истории похожи. Самые маленькие родились в лагере, те, кто постарше, могут рассказать, что перебрались сюда пять лет назад — в 2003 году, когда в Дарфуре началась война. Я делаю вывод, что никто из детей в своей жизни ничего, кроме этого лагеря, не видел, но тут вдруг 12-летний Абдельмаджид, набравшись смелости, спрашивает меня:

— Ты Руд ван Нистелрой?

Чуть позже я понимаю, что у многих беженцев есть телевизоры, а у самых богатых — даже спутниковые

тарелки. Поэтому дети неплохо знают европейских футболистов.

Мое недолгое общение с детьми прерывает учительница. Она рассказывает, что у нее в классе примерно 60-70 человек. Она долго и сбивчиво жалуется на то, что живет в Эль-Фашере, а работает в лагере беженцев. И ей каждый день приходится добираться на работу на попутной машине за свой счет — час туда, час обратно — и государство ей эти расходы не возмещает. Но больше всего пугает ее не это. Около лагеря беженцев довольно часто насилуют женщин. В мусульманских странах это почти невыносимое преступление, поэтому жители лагеря уверены, что занимаются этим все те же боевики джанджавид, которые пять лет назад вынудили их бросить свои дома.

Взрослые рассказывают о своем прошлом немногим больше детей.

— Раньше я жил в деревне Курма. Я был фермером. Выращивал лимоны. А потом на нашу деревню напали, дома сожгли, из моей семьи убили восьмерых, — рассказывает Ибрагим Абдалла. Сейчас он торгует сушеной саранчой.

— Кто это сделал? — спрашиваю я.

— Джанджавид, — испуганно говорит он и, кажется, озирается.

Слухи

— Я вам сейчас расскажу, откуда произошел термин «джанджавид». Я историк. Еще в 1994 году я писал научную работу и в ней использовал этот термин. Он очень старый, поверьте мне, — начинает свой рассказ Идрис Абдалла, вице-губернатор штата Северный Дарфур.

Мы сидим в резиденции губернатора. Здесь совершенно спокойно даже ночью. По саду гуляют газели и цесарки. Садовники поливают газон.

— Термин «джанджавид» существовал в Судане еще во времена султана. Так называли людей, которые приходили в деревни и от имени властей притесняли простых жителей, забирали скот, отнимали ценности. Поэтому беженцы и называют тех боевиков из арабских племен, которые на них нападали, «джанджавид». Но в последние годы у нас придумали еще один термин — «тора-бора». Вы, наверное, слышали, что так назывались горы в Афганистане, где американцы ловили бен Ладена. А у нас, в Дарфуре, есть свои горы. Поэтому, когда началась война, мятежников из африканских племен масалит и загава прозвали «тора-бора». Но сейчас война уже почти закончена. Никаких джанджавид больше нет. А тора-бора еще остались, но они уже практически ничего не контролируют. Почти весь Дарфур находится под контролем властей.

— Но ведь ООН регулярно сообщает о том, что правительственные войска то и дело бомбят позиции повстанцев.

— Это все слухи. Войска только защищаются от нападений мятежников.

— А у вас есть точная статистика по количеству жертв в вашем штате?

— Трудно сказать. Но те цифры, которые предоставляет ООН, точно неверны. Не больше десяти тысяч. Знаете, молодой человек, слухам верить нельзя. Слухи — очень опасная вещь. Из-за слухов американцы вступили в Первую мировую войну. Им все рассказывали: «Русские плохие, русские плохие». Вот они и вступили в войну.

— В Первую мировую?

— Нет, во Вторую.

— Но во Второй мировой русские и американцы воевали на одной стороне.

— Да я не об этом, а о том, какую чудовищную силу имеют слухи.

Политика

Несмотря на заверения властей в том, что война уже почти закончена, практически никто из беженцев возвращаться в свои родные деревни не собира-

ется. Все до сих пор очень сильно напуганы. А если и возвращаются, то только на пару дней.

— Случается, что какая-то семья говорит, что хочет вернуться. Ей выделяют деньги, она доезжает до того места, где раньше был их дом, и тут же едет назад — в лагерь беженцев. Так многие зарабатывают. А что делать? Безработица.

— А у вас есть работа? — спрашиваю я Ахмеда Абдаллу, рослого молодого мужчину в новой кожаной куртке.

— Работы нет. Но вообще-то я шейх. Начальник. Я занимаюсь тем, что распределяю гуманитарную помощь среди семей беженцев. В последнее время, кстати, гуманитарной помощи становится все меньше. Раньше давали мешок зерна на четверых человек, а теперь — на шестерых.

Ахмед проводит меня по лагерю. Глинобитные домики беженцев выглядят довольно основательно. Здесь, конечно, бедно, но не беднее, чем в любом другом африканском селении.

— А еще на лагерь иногда нападают. Пару месяцев назад приходили боевики. Они прошли по домам и отнимали мобильные телефоны и телевизоры, — жалуется молодой шейх.

— А почему началась война?

— Ее начали политики. Какие? Не знаю. Разве не все войны начинают политики?

Жертвы

Атмосфера в миссии ООН в Эль-Фашере не менее нервная, чем в лагере беженцев. Если беженцы по крайней мере уверены, что никто не заставит их вернуться в прежние дома силой, то у ооновцев нет никакой гарантии того, что они смогут продолжить работать в Дарфуре. Все они ожидают решения Международного уголовного суда в Гааге, которому Совбез ООН дал полномочия расследовать войну в Дарфуре. В июле прошлого года главный прокурор суда Луис Морено-Окампо обвинил президента Судана Омара аль-Башира в военных преступлениях и организации геноцида в Дарфуре. Ожидается, что в конце января судьи могут выдать ордер на арест президента. Еще в прошлом году был выдан ордер на арест министра суданского правительства по гуманитарным вопросам Ахмеда Харуна — по данным следствия, он координировал нападения джанджавид на поселения африканских племен, а также отвечал за поставки вооружения в зону конфликта.

Сейчас многие ооновцы понимают, что, если ордер на арест будет выписан, им больше не дадут работать в Дарфуре. Суданские проправительственные СМИ открыто пишут, что все миротворческие миссии будут немедленно выдворены из страны, если судьи в Гааге удовлетворят просьбу прокурора Морено-Окампо.

— Я надеюсь, что, даже если Гаагский суд примет какое-то решение, никаких последствий не будет,— говорит мне пресс-секретарь миссии ООН в Дарфуре Нуреддин Мазни.— Мы надеемся, что на наше присутствие решение суда никак не повлияет. Но при этом мы считаем, что не должно быть никакой неприкосновенности и безнаказанности.

— Как вы считаете, почему Дарфур за последние годы стал такой распространенной темой? В США это одна из главных международных новостей. Голливудские звезды агитируют за спасение детей Дарфура. ООН создает здесь самую крупную миссию в истории. Как получилось, что наибольшее внимание мирового сообщества уделяется именно Дарфуру?

— Хороший вопрос. Вы, наверное, ждете, что я дам на него хороший ответ?

— Да, конечно. Вы ведь тоже зависите от этой шумихи. Работаете в миссии ООН и получаете зарплату.

— А может быть, все потому, что это действительно самая крупная из идущих сейчас войн? По крайней мере в Африке. Какие еще войны сейчас в Африке?

— Ну в Конго, например.

— А кроме Конго? Больше нигде.

— Еще в Сомали.

— Ну скажете тоже. Сомали. Это уже такая избитая история...

Кроме того, я пытаюсь выяснить у Нуреддина Мазни, почему ООН еще в 2007 году утверждала, что

в Дарфуре погибло 200 тысяч, а начиная с 2008 года стала говорить о 300 тысячах. Но он не отвечает. Зато другой сотрудник миссии по секрету рассказывает мне, в чем может быть причина.

— В 2004 году ООН говорила о 200 тысячах погибших. И в 2005-м. И в 2006-м. И даже в 2007-м. Потом им показалось странным, что они разворачивают такую масштабную миссию, а новых данных о числе погибших нет. Поэтому они просто экстраполировали. Прикинули, что за эти годы наверняка уже 300 тысяч погибло.

Цензура

У миссии ООН и Международного уголовного суда нет в Судане большего критика, чем местная пресса. Главный редактор газеты «Ар-Раи аль-Ам» Камаль Хасан с порога начинает рассказывать мне о том, что все публикации в западной прессе о ситуации в Дарфуре заказные, что миссия ООН полна коррупционеров, а прокурор Морено-Окампо — сам преступник, раз выдвигает обвинение против президента суверенного государства.

— А насколько свободно вы можете писать о том, что происходит в Дарфуре? — спрашиваю я его.

— Совершенно свободно. Мы пишем все, что захотим. У меня есть мобильные телефоны всех полевых

командиров, мы запросто можем опубликовать интервью с ними.

— И что, цензура не препятствует?

— Да, от цензуры нам, конечно, немного достается.

Каждый вечер в редакцию приходят сотрудники министерства безопасности и прочитывают все заметки, которые мы собираемся опубликовать. И если им что-то не понравится — снимают.

— А насколько свободно ваши журналисты могут передвигаться по Дарфуру? В России, например, когда шла война в Чечне, официально разрешалось ездить туда только при наличии специальной аккредитации из Минобороны.

— Нет, в Судане такого нет. У нашей газеты есть корреспонденты во всех крупнейших городах Дарфура. Камаль Хасан продолжает рассказывать мне о внутриполитической ситуации в Судане и вдруг, минут через 15, неожиданно вновь возвращается к вопросу о цензуре.

— А вообще-то против цензуры выступают только те издания, у которых маленький тираж, которые не пользуются популярностью у читателя. Им, чтобы поднять свой рейтинг, нужно создавать нездоровую шумиху, поднимать скандалы. А таким серьезным газетам, как наша, скандалы не нужны, поэтому нам и цензура не страшна. Цензуры боятся только те, кто плохо, некачественно работает.

Заговор

Ожидание решения Международного уголовного суда — одна из самых заметных новостей в Судане. Газеты ежедневно пишут о своей солидарности с президентом и о неприятии судебного произвола Гааги. Впрочем, случаются и редкие скандалы. Один из лидеров оппозиции 76-летний Хасан Тураби заявил, что президента Башира непременно нужно отдать под суд, потому что он виновен в геноциде. После этого без предъявления каких-либо обвинений Тураби был арестован.

Примечательно, что именно Хасан Тураби привел нынешнего президента к власти — в 1990-е годы он был фактически духовным лидером Судана, возможно, более влиятельным, чем президент аль-Башир. Однако в конце 1990-х Омару аль-Баширу удалось оттеснить бывшего учителя.

Одним из приближенных Хасана Тураби в те годы был и Осман Мудауи. Однако затем он сделал правильный выбор, поддержав аль-Башира, и сейчас возглавляет комитет по международным делам в суданском парламенте.

— Главная проблема Судана — это заговор Запада, — уверяет меня Мудауи. — Они пытаются расчлнить нашу страну как единственное государство, которое может сказать «нет» американцам. Они хотят видеть Судан слабым. Таким, как Чад. Знаете, как

в Чаде добывается нефть? Там существует соглашение о разделе продукции, по которому народ Чада должен получать только 10% от прибыли. Но американцы не дают им даже этого. Они дают им только 5%. А мы, суданцы, не такие. У нас нефть добывает консорциум, в который входят китайцы, малазийцы и суданская компания Sudapес. И консорциум получает только 50%. А остальные 50% идут в бюджет.

Осман Мудауи говорит, что он большой друг России. В прошлом году он приезжал в Москву и был очень впечатлен встречами в Думе и Совете Федерации.

— Россия всегда была сверхдержавой. И я думаю, что война в Грузии должна пробудить в России желание вернуть свое место в мире. Саакашвили — глупец. Он думал, что сможет завоевать Южную Осетию и ему удастся остаться безнаказанным. Но вы его проучили. И мы были рады этому. Нас не одурачили западные СМИ, которые пытались представить Грузию как жертву. Мы сразу поняли, что Грузия — агрессор.

Осман Мудауи надеется, что Россия сможет помочь Судану так же, как раньше ему помогал СССР. И действительно, возможно, в ближайшее время связи между Москвой и Хартумом станут более тесными. В прошлом году президент Медведев назначил главу комитета Совета Федерации по международным делам Михаила Маргелова своим спецпредставителем по Дарфуру. Как раз на прошлой неделе Маргелов отправился в свою первую в новой должности поездку в Судан.

Дружба

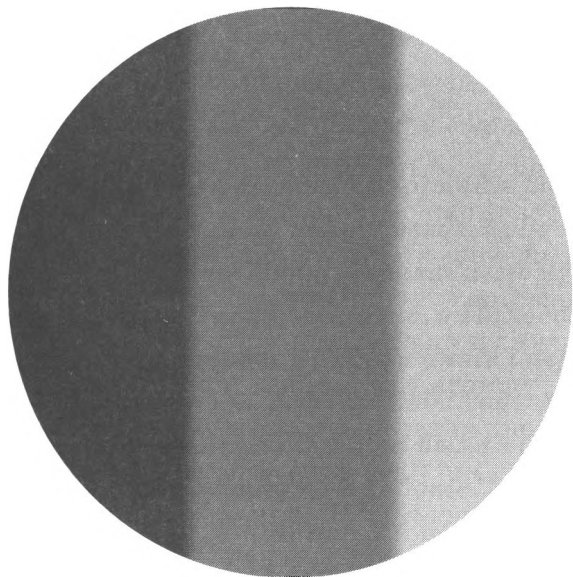
Уехать из Дарфура оказывается не так просто — и все из-за местной вежливости. В Судане почти повсеместно традиции велят здороваться на улице с каждым встречающимся прохожим. В Дарфуре же обычаи еще более требовательные — там нужно каждому пожимать руку. И если на оживленной улице еще позволительно не обмениваться рукопожатиями с каждым встречным, то в замкнутом помещении это будет считаться грубостью и наглостью. Так, в зале ожидания аэропорта я обнаруживаю, что каждый вновь входящий проходит по рядам и лично здоровается со всеми присутствующими.

В ожидании самолета все пассажиры, собирающиеся улететь, выстраиваются в очередь перед трапом — они хотят поздороваться за руку со всеми прибывшими. Следовательно, самолет не улетает, пока все не пожмут друг другу руки.

— Так всегда происходит? — пытаюсь выяснить у других пассажиров.

— Да, конечно. Дарфурцы очень дружелюбны, — объясняют мне. — А сейчас тем более, ведь на этом самолете прилетел губернатор.

**VIII ВМЕСТО
ПОСЛЕДНЕЙ
ГЛАВЫ.**





Во время моих путешествий по горячим точкам, я все время замечал, что почти везде, куда я приезжаю, люди заражены антиамериканизмом. Америку ненавидели в Ираке, в Судане, в Палестине, в Сербии, в Сирии, и даже в России антиамериканизм набирал обороты. В конце 2007 года я поехал в командировку, которая должна была положить конец всей моей предыдущей работе. Это была поездка не на войну, а в мир — в Америке выбирали президента и им должен был стать Барак Обама. Обама нравился всем — даже тем палестинцам, суданцам, сирийцам и сербам, которые обычно ненавидели Америку. Обама говорил, что понимает, что США играют совсем не ту роль в мире, которую должны играть — и с этим надо покончить. Это была всеобщая надежда, что несправедливость этого мира можно поправить — надо только, чтобы один человек далеко-далеко, в Вашингтоне, все понял и все наладил.

● «У нас что? Советский Союз?»

В последние выходные перед выборами борьба между кандидатами в президенты сместилась в несколько важнейших штатов. Все усилия кандидатов сконцентрировались в Огайо, Флориде, Пенсильвании и, конечно, Виргинии.

Виргиния — особенно важный штат потому, что последние 44 года он голосовал только за республиканцев, но сейчас, согласно опросам, готов был проголосовать за Барака Обаму. А значит, я еду в Виргинию.

Уже поздний вечер, но все стоянки вокруг школы в Гленн-Аллене, пригороде Ричмонда, заполнены. — Вам придется парковаться в двух кварталах отсюда. Через два часа на школьном стадионе будет выступать Сара Пейлин, — объясняет женщина-полицейский.

Школьный стадион маленький, здесь всего одна трибуна примерно на пятьсот человек. Билет на нее стоит \$5. С трибуны все хорошо видно — но проблема заключается в том, что кандидат в вице-президенты от Республиканской партии Сара Пейлин будет стоять к трибуне спиной. В Америке положено, чтобы оратор выступал, глядя в камеру, на фоне аплодирующих сторонников. Еще примерно полторы тысячи человек находятся на футбольном поле — сюда вход бесплатный. Я иду не на огороженный помост для журналистов, а в толпу на футбольном поле. При входе мне выдают плакат «Country First» — главный лозунг кампании Маккейна — Пейлин, который можно перевести как «страна превыше всего».

На поле много пожилых людей, все они белые, и у них довольно сердитые лица. Наверное, потому, что очень холодно, а начало митинга, назначенное на 18.30, задержали до 21.00. С тех пор как Сара Пейлин стала кандидатом в вице-президенты, на митинги республиканцев стало ходить намного больше народа — чтобы посмотреть на новую звезду политики.

Наконец выходит ведущий и тут же начинает злить публику:

— Либеральная пресса пишет, что итог выборов уже предрешен. Что мы уже проиграли, а Барак Обама уже стал президентом. Вы верите этому?

- Нет! — зло отвечает стадион.
- Они пишут, что наши голоса уже ничего не значат. Что само голосование — формальность. Что Барак Обама уже назначил новый аппарат Белого дома.
- Что у нас теперь, Советский Союз? — рычит рядом со мной бородач в камуфляже.
- И еще. Барак Обама решил изменить дизайн американского герба. Он для него слишком бело-красно-синий!

Толпа сжимает кулаки и потрясает плакатами «Country First».

На сцене появляется женщина-пастор и начинает молитву.

— Дорогой Бог, помоги, пожалуйста, Джону Маккейну, Саре Пейлин, а также всем кандидатам от Республиканской партии...

Рядом со мной к сцене протискивается женщина с красочным самодельным плакатом, на котором написан стишок «I vote for vet and mommy, not for socialist and commie» («Я голосую за ветерана и мать, а не за социалиста и коммуниста»). Я на всякий случай уточняю у стоящей рядом пары, Чарли и Джилл, кто такие социалист и коммунист.

— Барак Обама, конечно. И поэтому мы против него. Ведь мы — рабочий класс.

— Постойте, вы рабочий класс и поэтому вы против коммуниста Обамы?

— Конечно. Он хочет забрать деньги у тех, кто рабо-

тает, и раздать их тем, кто не работает. Он настоящий коммунист! Он хочет повышать налоги!

Джилл и Чарли злятся не на шутку.

— Но, мне казалось, Обама обещает как раз снизить налоги тем, кто зарабатывает меньше \$250 тыс. в год.

— Он врет. Мы ему не верим. А кстати, откуда вы?

— Из России.

— Из России? Как интересно. А вам видно оттуда Сару Пейлин?

На сцене тем временем появляются три ветерана, которых представляют как сокамерников Джона Маккейна по вьетнамскому плену. Их сменяют бывшие губернатор и прокурор Виргинии. Все они говорят примерно одно и то же: что Барак Обама намерен перераспределить благосостояние и отнять деньги у тех, кто работает; что он хочет сохранить зависимость Америки от иностранной нефти и ослабить американскую армию.

Мой сосед поднимает плакат: «Сегодня — меньше денег для армии, завтра — вторжение русских». «Обама и Осама — одно и то же», — кричит бородач в камуфляже.

Чтобы не выделяться, я поднимаю плакат «Country First».

Как раз в это время конгрессмен Эрик Кантор, прежде чем представить собравшимся гвоздь программы — Сару Пейлин, напоминает публике, кто виноват в том, что дела республиканцев так плохи.

— Вот они — либеральные журналисты, — он тычет пальцем в группу фотографов и телевизионщиков, стоящих на помосте прямо у меня за спиной. Весь стадион разворачивается и тоже тычет в журналистов пальцами. Впрочем, до линчевания дело не доходит. И вот под торжественную музыку появляется Сара Пейлин. Она произносит длинную эмоциональную речь, которую невозможно пересказать. Еще до окончания выступления стадион начинает расходиться. — Ну все, посмотрели на нее, можно идти. А то в пробку попадем, — деловито торопит жену бородач в камуфляже.

● Бывшая соперница

Чтобы проверить, чем еще заняты в канун выборов простые жители Виргинии, я внимательно изучаю программу мероприятий на сайтах обоих кандидатов. Оказывается, что помимо официального митинга в поддержку Маккейна на выходные намечено чаепитие в Фэйрфаксе в доме Эда и Сюзан Пратт. Правда, на мой запрос Эд и Сюзан отвечают, что пустить меня не смогут, потому что число мест у них в доме ограничено. Зато совсем неподалеку за Барака Обаму агитирует Хиллари Клинтон — она выступает перед студентами в Университете Джорджа Мейсона. Я еду туда.

— А сейчас перед вами выступит великая женщина, которой мы все восхищаемся, — говорит со сцены юный афроамериканец, президент студенческого совета. — Женщина, которая приложила огромные усилия для того, чтобы Барак Обама стал президентом США! Дамы и господа, Хиллари Клинтон.

Я не верю своим ушам. Но бывшая соперница Барака Обамы вовсе не смущена таким представлением. Она в течение получаса страстно и остроумно говорит о том, как она жаждет, чтобы Барак Обама стал президентом.

— Джон Маккейн со своей командой уже так заврался, что пытается использовать против моего друга Барака некоторые мои слова. Так вот, меня зовут Хиллари Клинтон, и я официально заявляю, что не одобряю подобных инсинуаций. Я искренне, всей душой хочу того, чтобы Барак Обама стал президентом США!

Студенты задыхаются от восторга.

— Я провела уже 53 митинга в поддержку Барака Обамы. И на каждом из них я слышу, как люди спрашивают: «За кого вы?» А я вам скажу, что нужно задавать другой вопрос: «Кто за вас?» И я знаю ответ на него. Барак Обама — за вас! И это значит, что только он достоин стать следующим президентом.

Ни один мускул не дергается на ее лице. Она продолжает улыбаться и просит студентов, чтобы они обошли всех своих друзей и соседей, обзвонили род-

ственников и даже незнакомых людей — «потому что избирательная кампания может преподносить сюрпризы, я знаю это на своем опыте, но в этот раз мы не можем позволить себе проиграть».

— Зачем ведущий так жестоко пошутил, сказав, что Хиллари приложила много усилий для победы Обамы? — спрашиваю я у Саймона, студента в футболке с портретом кандидата-демократа.

— Ну, в целом он прав. Если бы не Хиллари, Обама и правда не стал бы президентом. Всех взбесило то, что она считала себя стопроцентным кандидатом от демократов. Избирателей даже не спросили, все решили за нас. Как при монархии: семью Бушей всегда сменяет семья Клинтонов. Все заранее предопределено. Понимаешь, о чем я?

— Да. У нас в России это называется «Операция "Премник"».

— Да? Так вот, именно эта их самоуверенность и наглость сплотила людей вокруг Обамы.

В этот момент Хиллари Клинтон заканчивает выступление, и Саймон ей от души аплодирует. Я тоже.

● «Я раскочегарился!»

В ночь накануне выборов Барак Обама именно в Виргинии проводит свой последний митинг кампании. И я отправляюсь в городок Манассас. На подъезде к нему

на всех шоссе многокилометровые пробки. Такое впечатление, что в Манассас съезжается весь штат. Машины движутся медленно, вдоль дороги по обочине сплошным потоком идут люди. Когда я наконец обнаруживаю, что пешеходы передвигаются быстрее автомобилей, то тоже выхожу из машины. До места проведения митинга добираюсь еще только через полтора часа — все время приходится идти вдоль нескончаемой пробки. И если поначалу поток людей не столь плотный и мне удается кого-то обгонять, то ближе к финишу приходится идти в ногу с толпой. Шоссе пролегает через поле, а дороги в Америке не освещаются — при свете фар идущая по обочине процессия выглядит довольно причудливо.

Митинг Барака Обамы проходит не на стадионе, как у Сары Пейлин, и не в студенческом кампусе, как у Хиллари Клинтон. Сцена установлена в чистом поле — и все оно заполнено людьми. Тысяч сто, а может, и сто пятьдесят. Но не полторы, как было у Сары Пейлин. Из динамиков рвется музыка, люди танцуют.

На сцену выходит сын губернатора Виргинии 18-летний Нед Кейн, который говорит о том, что это первые в его жизни выборы, и спрашивает, есть ли в толпе такие же, как он. Несколько десятков тысяч кричат в ответ. В толпе есть все: черные, белые, арабы, азиаты, пенсионеры, бизнесмены

в костюмах, солдаты на костылях, молодые матери с грудными младенцами, ученики в школьной форме. В толпе шепчутся, что Обама может сильно задержаться, а может и вообще не приехать — у него только что умерла бабушка. Но он почти не опаздывает.

Барак Обама начинает говорить — но ему не дают. «Обама! Обама!» — скандирует стотысячная толпа. Я вглядываюсь в их лица и начинаю припоминать, когда я в последний раз видел подобную толпу: это было в декабре 2004 года, в Киеве, на майдане Незалежности. Правда, народу там было поменьше.

Барак Обама начинает говорить о переменах, о том, что нельзя продолжать обанкротившуюся политику Буша — а Джон Маккейн, хоть он и достойный человек, но в экономическом плане он наследник и преемник Джорджа Буша.

— Я хочу вам сказать одно, самое важно слово. Завтра, — говорит Барак Обама, и толпа ревет, — завтра придет наше время. Еще восемь месяцев назад никто из нас не мог представить, что мы окажемся здесь. В самом начале этой предвыборной кампании я просил вас поверить. Поверить не только в то, что я могу поменять что-то в Вашингтоне, а в то, что вы можете.

— Да, мы можем! Да, мы можем, — скандирует толпа.

Еще восемь месяцев назад эта толпа была уверена, что в финал президентских выборов выйдут преемники прежних президентов Хиллари Клинтон и Джон Маккейн. Но потом эти люди совершили революцию.

В иной ситуации ее уместно было бы назвать цветной, но в этой, наверное, лучше черно-белой.

В конце своей речи Барак Обама вдруг снижает пафос и рассказывает длинную и смешную историю о том, как он приехал на встречу с избирателями в маленькую деревню в Северной Каролине. Там на него долго никто не обращал внимания, потому что все местные жители стояли спиной к сцене и смотрели на старушку, которая кричала им: «Вы раскочегарились?» И они хором отвечали: «Мы раскочегарились!» «Вы готовы идти?» — кричала она. И они отвечали: «Мы готовы идти».

— Один голос может изменить мир, — резюмирует кандидат Обама, — и я могу сказать вам: я раскочегарился, я готов идти. А вы раскочегарились? Вы готовы идти?

И две эти фразы еще долго разносятся над полем.

● Ночь в парке

Кандидат Барак Обама для ночи подсчета голосов, с 4 на 5 ноября, заранее зарезервировал для себя парк в центре родного Чикаго: центр города заранее был перекрыт, а организаторы готовились к тому, что праздновать придет миллион человек. А Джон Маккейн снял бальный зал в фешенебельном отеле Biltmore в Финиксе (штат Аризона).

В чикагском Grant Park на больших мониторах весь вечер транслировали CNN, и во время одного из первых прямых включений из Финикса репортер Дана Баш сказала, что настроение республиканцев можно передать одним словом — «реализм»: «Они не питают иллюзий и реалистично относятся к происходящему».

В Чикаго же празднование началось, по сути, еще в шесть вечера, когда ворота Grant Park были открыты для сторонников Барака Обамы. Прессу в специально отведенный для нее сектор запустили еще раньше, чтобы журналисты смогли посмотреть, как, обгоняя друг друга, в парк вбегают тысячи людей, вопящие от восторга, прыгающие и едва ли не кувыркающиеся. На тот момент были известны лишь первые результаты подсчета голосов из трех штатов (Индиана, Кентукки и Виргиния), и во всех трех Барак Обама поначалу проигрывал. Но его чикагская молодежь, с визгом забегая в парк, демонстрировала плакаты с лозунгом «Мы преодолели», как будто все уже было сделано.

Вместе с толпой в парк зашел и Джесси Джексон-младший, конгрессмен, сопредседатель предвыборной кампании Барака Обамы и сын первого черного кандидата в президенты США, правозащитника Джесси Джексона.

Вместо того чтобы зайти через VIP-вход, он зачем-то отстоял общую очередь. Вместе с ним были жена и двое маленьких детей. У всех четверых в руках были кар-

тонные тарелки с кусками пиццы. Конгрессмена Джексона пропустили через ограждение в пресс-зону. — Завтра утром Барак Обама проснется избранным президентом, — уверенно сказал он, — а я проснусь в другой Америке, совсем не той, в которой родился. С завтрашнего дня в истории нашей страны начнется новая эра.

С семи вечера канал CNN стал сообщать итоги голосования по штатам. Каждое объявление сопровождалось взрывом эмоций в толпе, потому что почти все штаты уходили в копилку Обамы. — Я знаю Обаму с 1991 года, — рассказывал мне чикагский журналист Майкл Эрик Дайксон. — Он будет прекрасным президентом. Конечно, он, наверное, изменился за последнее время. Но все равно он наш и, правда, очень хороший парень.

Сам кандидат ожидал результатов в специально снятых апартаментах в отеле Nyatt около Grant Park. Его появления ждали поздно вечером — посреди парка была установлена небольшая сцена, с двух сторон огороженная бронированным стеклом. Правда, пресс-зону организаторы расположили так, что из нее сцену вообще не было видно — исключение составляли только особые трибуны для журналистов, место на которых стоило \$900.

Примерно в восемь часов вечера CNN сообщил, что Барак Обама с огромным преимуществом выиграл в Пенсильвании — это означало, что для победы

ему нужно взять еще один крупный спорный штат: Огайо, Флориду, Виргинию или хотя бы Колорадо. Через полчаса выяснится, что Барак Обама победил в Огайо — CNN в этот момент сообщит, что сразу два помощника Джона Маккейна прислали их корреспондентке SMS, признающие, что шансов на победу у республиканца не осталось.

Предчувствуя скорую развязку, я отправился в часть парка, расположенную вокруг сцены, куда стекались гости, приглашенные Бараком Обамой и его напарником Джо Байденом. Это были активисты их штаба, а также старые чикагские товарищи кандидата в президенты — начиная с того периода, когда он еще был социальным работником в бедных кварталах города. Чтобы пройти в самую близкую к сцене зону, нужно было миновать три заграждения. Впрочем, охрана мероприятия (состоящая в основном из молодых афроамериканок) оказалась так демократична, что эти кордоны мне удалось довольно быстро преодолеть. Около половины десятого вечера CNN неожиданно выдал в эфир собственные результаты голосования в Виргинии, Флориде и еще нескольких штатах — они показывали, что Барак Обама победил везде, а значит, он становится президентом. Большинство приглашенных VIP-гостей в этот момент только подтягивалось к сцене. Поэтому, когда на мониторах появился титр CNN «Барак Обама избран президентом» и миллионная толпа в парке начала кричать, гости сломя голову

побежали в сектор прямо у сцены. Впереди меня бежал Джесси Джексон-старший, сзади — рэпер Уилайэм, солист группы Black Eyed Peas. Они, можно сказать, и внесли меня в закрытую для прессы зону.

— Да, мы можем! — скандировала миллионная толпа.

— Да, мы можем! — кричали участники группы Black Eyed Peas, активно поддерживавшие Барака Обаму в течение всей предвыборной кампании, — Уилайэм даже написал ее гимн, песню «Yes We Can», основанную на словах одной из речей кандидата Обамы. Еще минуту назад Уилайэм выступал в прямом эфире CNN и говорил, что стал поддерживать сенатора из Иллинойса просто потому, что был поражен одной из его речей во время праймериз. Сейчас же он просто прыгал на месте и кричал мне на ухо:

— Это невероятно! Я не могу поверить! Вашу мать, мы можем! Нет, лучше даже так: да, мы сделали!

— Да, мы сделали! — начала скандировать VIP-толпа.

Среди этой почти богемной чикагской тусовки политики были, конечно, не исключением, но проходили скромно, бочком, не привлекая особого внимания. Бывший командующий силами НАТО и экс-кандидат в президенты США Уэсли Кларк, например, прижался к железному ограждению и широко улыбался — он смотрел на то, как радуются рэперы.

Почти все женщины рыдали, кроме, наверное, Саманты Пауэр, молодого гарвардского профессора, внешнеполитического советника Барака Обамы. Автор бестселлера «Америка в век геноцида» просто улыбалась, внимательно вглядываясь в цифры, которые сообщал CNN. Звезда телевидения Опра Уинфри бессильно повисла на своих спутниках и закрыла глаза, как будто молилась. Две молодые чикагские певицы-афроамериканки, обнявшись, беззвучно плакали. Пожилой правозащитник Джесси Джексон, который часто критиковал Барака Обаму во время кампании и долго не хотел его поддерживать, утирал слезы.

— Я бы никогда не поверил, что это случится. Боже мой, до чего мы дошли. Как далеко мы ушли! Как быстро и как далеко! — говорил бывший ученик Мартина Лютера Кинга.

На мониторах, транслировавших CNN, появилось лицо Джона Маккейна.

— Не смеяться, не смеяться! Сохраняйте уважение, — закричал рэпер Уилайэм. И миллионная публика Grant Park в полной тишине выслушала выступление республиканца и зааплодировала, когда он поздравил Барака Обаму с победой. Лишь один раз в толпе раздалось недовольное «Бу!» — когда Джон Маккейн благодарил свою напарницу Сару Пейлин.

— Дамы и господа, будущая первая семья Америки! — объявил ведущий, и на сцену вышли Барак Обама, его жена Мишель и дочери Малия и Саша. Избранный пре-

зидент расцеловал девочек и пошел к трибуне. Она была расположена боком к миллионной толпе, стоящей в парке, и отгорожена от нее по бокам бронированным стеклом. К тому VIP-сектору, в котором очутился я, Барак Обама стоял лицом и без каких-либо преград.

— Если есть еще человек, который сомневается в том, что Америка — это страна, где возможно все, который ставит под вопрос силу нашей демократии, то сегодня он получил ответ на все свои вопросы, — начал он. — Ответ был дан теми очередями, которые выстроились перед школами и церквями (чтобы проголосовать) в таких количествах, которые еще никогда не видели. Людьюми, которые ждали по три часа и даже больше. Тем, кто голосовал первый раз в жизни, потому что почувствовал, что его голос может что-то значить. Ответ был дан богатыми и бедными, демократами и республиканцами, черными, белыми, испаноязычными, азиатами, коренными американцами, гомосексуалистами и гетеросексуалами, инвалидами и неинвалидами. И все мы вместе — Соединенные Штаты Америки!

Зрители аплодировали. Ни один американский президент не описывал свою страну такими словами.

Он поблагодарил Джона Маккейна. Вспомнил про свою бабушку, которая умерла за день до того, как он был избран президентом. Он сказал доче-

рям, что, как и обещал, перед переездом в Белый дом купит им щенка.

— Но главное, я никогда не забуду, кому принадлежит эта победа. Она принадлежит вам. Я никогда не был фаворитом этих выборов. У меня не было ни денег, ни влиятельных сторонников. Наша кампания не была одобрена в кабинетах Вашингтона. Но ее сделали своими силами те простые люди, которые жертвовали мне по \$5, \$10 и \$20.

На самом деле эти люди стояли в стороне от Барака Обамы, в парке, если не считать меня, пожертвовавшего кандидату Обаме именно \$5 в ходе журналистского эксперимента. Но телекамеры и трибуна были расположены так, что избранному президенту приходилось находиться к ним боком.

— Сегодня мы доказали, что истинная сила нашей нации заключается не в мощи оружия и величине нашего богатства, а в несокрушимости наших идеалов: демократии, свободы, равных возможностей и надежды, — сказал Барак Обама в заключение.

На сцену вышел его напарник, будущий вице-президент Джо Байден. Они несколько минут махали в камеры вдвоем, потом к ним присоединились их семьи. Постояв на сцене еще минут десять, будущие хозяева Белого дома удалились.

Еще минут через пять через высокую ограду, отделяющую сцену от VIP-зоны, стала перелезать Опра Уинфри. Это оказалось очень неудобно, потому что за-

граждение было высотой метра полтора, а на Опре была узкая юбка. Но она, видимо, очень хотела догнать Барака Обаму и поздравить его лично, а другого способа пробраться через толпу у телеведущей, собравшей \$3 млн на предвыборную кампанию, не было. Охрана будущего президента не стала мешать телезвезде — наоборот, ее приподняли и перетащили через ограду. Затем точно так же перенесли и рэпера Уилайэма.

На выходе из парка я столкнулся с Дэвидом Аксельродом — главным стратегом предвыборного штаба Барака Обамы. Он, казалось, едва стоял на ногах.

— Сейчас я постараюсь увидеться с собственными детьми. Мне кажется, я их не видел месяца три из-за этой гонки, — бормотал он журналистам.

Толпа в парке довольно быстро рассеивалась. Чикагцы расходились по барам праздновать победу своего земляка. Все улицы вокруг парка были забиты чернокожими торговцами, которые продавали сувенирную продукцию с лицом Барака Обамы. Полицейские их миролюбиво гоняли, но до конфликтов не доходило. Среди сувениров были заранее изготовленные футболки за \$10 с лицом президента и новым слоганом: «Да, мы сделали».



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
I. «Аль-Каида»	7
<i>«Аль-Каида». По следам дьявола</i>	9
<i>Религия в заложниках</i>	25
<i>Арабская оттепель</i>	37
<i>Исламисты — большевики</i>	43
II. Ирак. Война с человеческим лицом	49
<i>Багдад, март 2003-го</i>	53
<i>Здесь был Саддам</i>	65
<i>Диктатор умер, да здоровствует диктатор!</i>	91
<i>Война и молочный коктейль</i>	105
III. Киргизия. Бесконечная революция	115
<i>Революция. От наркологической клиники до кабинета президента</i>	119
<i>Безвременное правительство</i>	133
<i>Все заново</i>	157

IV. Андижан. <i>Репортаж с того света</i>	167
V. Арабо-израильский мир. <i>Борьба за войну.</i>	207
VI. Сербия и Косово. <i>«Понос» значит «гордость»</i>	247
VII. Дарфур	275
VIII. Вместо последней главы	295

Литературно-художественное издание
Михаил Зыгарь
Война и миф
Расширенное и дополненное издание
16+

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 23.01.2018
Формат 60x90/16 Усл. печ. л. 20
Гарнитура Гелиос, Школьная
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 842

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги и брошюры

Руководитель проекта
И. Данишевский
Ответственный редактор
Е. Кравченко
Корректор
Л.Голдина
Дизайн, верстка
К. Ильющенко

ООО «Издательство АСТ»

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 1, комната 39
««Баспа Аста»» деген ООО 129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар,
д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме Біздің электрондық мекенжайымыз:
www.ast.ru E - mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы»

ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 25159 89.90.91.92, факс: 8(727) 2515812 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksno.kz Өнімнің жарамдылық мерзімі
шектелмеген.» Ондірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «Ульяновский Дом Печати»
432980 г. Ульяновск, ул. Гончарова,14

Это расширенное и дополненное издание книги о войнах, революциях и переворотах, о страшном и смешном, о жизни и смерти. Но прежде всего эта книга о людях, которые оказываются вольными или невольными свидетелями и участниками кризисных и часто судьбоносных событий. Одним из таких свидетелей несколько лет подряд оказывался журналист Михаил Зыгарь. Он проник в узбекский город Андижан сразу после подавления произошедшего там мятежа. Побывал в Ираке и познакомился с жертвами идущей там войны. Но главное, куда бы ни попадал репортер Зыгарь, он всякий раз обнаруживал, что войны и революции – вовсе не то, чем они кажутся. А жизнь и смерть отдалены друг от друга всего на шаг или того меньше, как, впрочем, и ужасное – от смешного, мир – от кризиса, а реальность – от мифа.

ISBN 978-5-17-102351-5



9 785171 023515

Эта книга — краткое
содержание предыдущих
серий того триллера,
который идет сейчас
в новостях...

АНГЕДОНИЯ
проект Данишевского